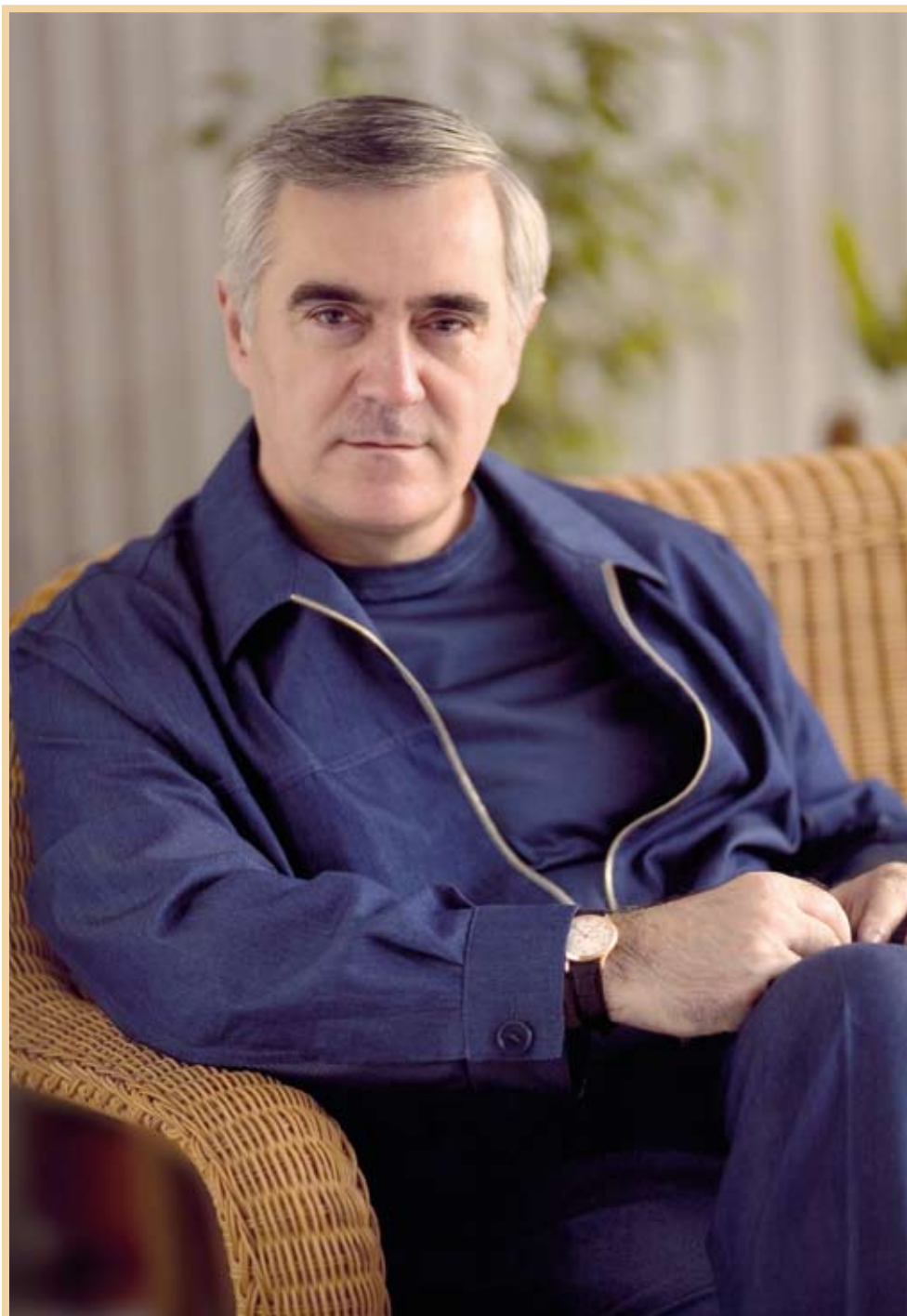

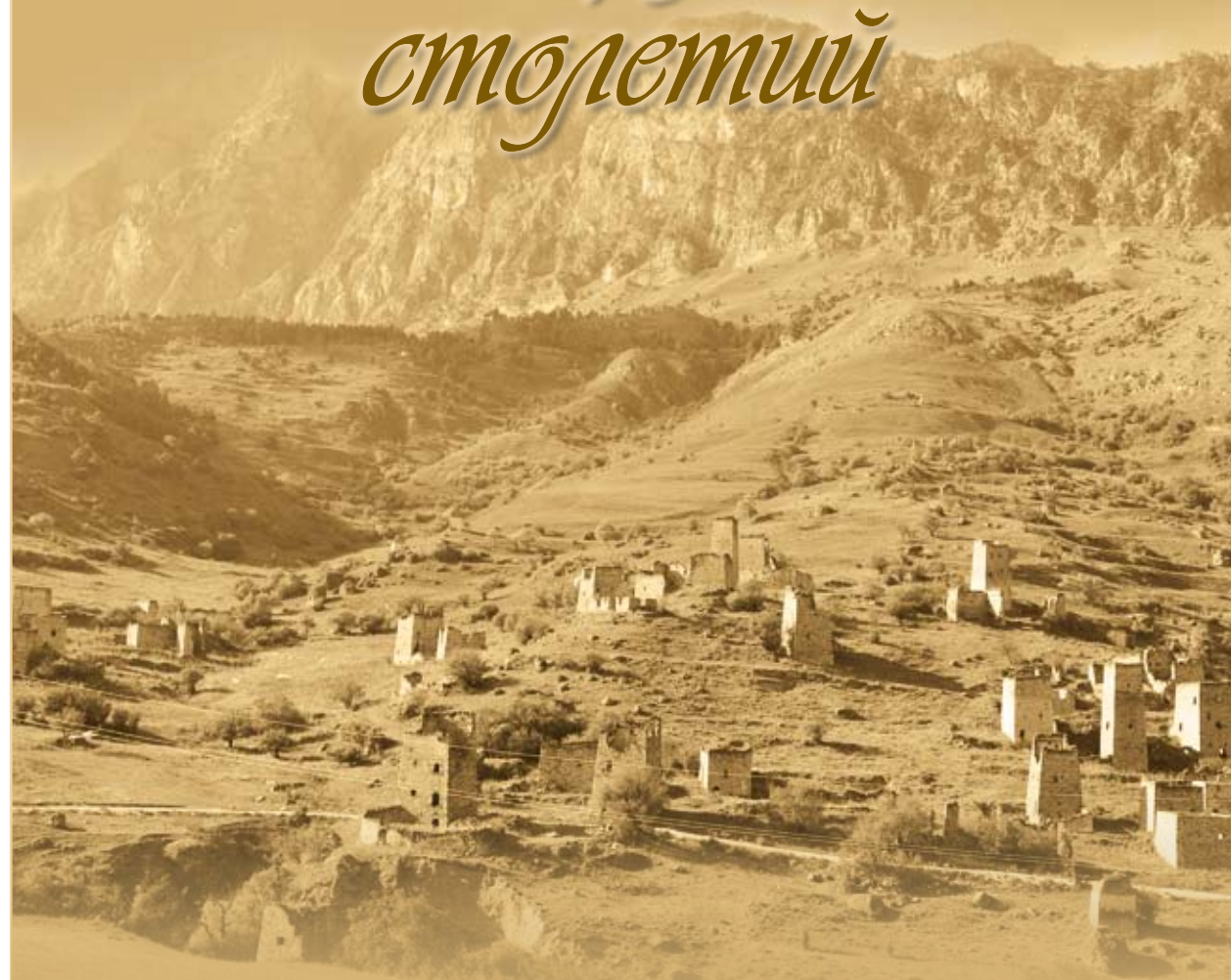

Научно-популярное издание

М.М. Зазиков
На рубеже
столетий

Москва
2011

Зязиков М.М.

На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков. – Южный издательский дом, 2011 – 280 с.

Книга посвящена особенностям национального характера, хозяйственной деятельности, культуре, быту ингушей, традиционной организации ингушского общества конца XIX – начала XX веков. Читатель увидит, что во многом удивительная и самобытная культура одного из народов нашей необъятной России имеет немало общих черт с культурой других народов, прошедших, как и ингуши, определенные стадии общественного развития.

Несомненно, привлекут внимание сам тип хозяйственной деятельности народа, различные виды народного искусства, нормы нравственности, обычное право, архитектура, фольклор, календарные и бытовые обряды, ремесла и многое другое – все то, что составляет, говоря словами автора, «само существо во многом потаенного внутреннего мира любого народа».

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-98864-042-4

© Зязиков М.М., 2011.

© Оформление. Южный издательский дом, 2011.

«Россия стала великим государством только благодаря межнациональному согласию и может оставаться великим государством, если народ и каждый, даже небольшой, этнос будет чувствовать себя в России, как в собственном доме».

Владимир Путин

«Мы обязаны беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии, помогать сохранению богатых национальных традиций народов России и при этом всемерно развивать и совершенствовать программы обучения русскому языку, который является основой межнационального общения и единства нашей страны».

Дмитрий Медведев

Введение

Россия обладает богатейшим и великим духовным наследием, разнообразием уникальных культур, языков, обычаев и традиций, ведь в нашей многонациональной Российской Федерации проживают представители более ста национальностей. В этой большой семье братских народов и ингуши, история которых неразрывно связана с Россией.

Еще в марте 1770 года ингуши добровольно избрали путь союза и единения с судьбой Великой России, причем этот акт был совершен в результате исторически мотивированного выбора всего этноса.

События, даты, факты, отдельные документы являются отражением, как правило, текущей истории народа. Для глубинного понимания того или иного народа как явления и дискурса этого феномена необходимо, прежде всего, окунуться в его духовный мир (этнопсихологию), в мир его культуры и быта, т.е. во все то, что составляет само существо во многом потаенного внутреннего мира народа.

Важнейшим условием сохранения нашей страны, ее устойчивого и поступательного развития во многом является бережное отношение к национальной самобытности народов России. Однако о тех же ингушах, хотя их история уходит далеко в глубь веков, знают не все. В то же время с древних

времен многочисленные источники свидетельствуют о тесных контактах русских с народами Кавказа, в том числе и с ингушами. И именно благодаря российской науке о них существует немало исторической, научной и художественной литературы. В этой работе речь также пойдет об Ингушетии и ингушах в определенный период времени: конец XIX – начало XX веков. Но вначале – небольшой исторический экскурс.

Вместе с чеченцами ингуши принадлежат к нахской (восточно-кавказской) группе большой иберийско-кавказской семьи языков. К ней также относятся современные абхазо-грузинские, иберийские (картвельско-грузинские) и древнейшие (ныне мертвые) языки Передней Азии (к примеру, хурритские). Не зря Кавказ называют еще и «горой языков». Среди этого множества народов имеются довольно многочисленные этносы (грузины, чеченцы, аварцы, лезгины...) и представители, численностью до десятка тысяч, одноаульных языков Дагестана. На Кавказе ингуши не самый многочисленный народ. По переписи 2002 года они составили более полумиллиона человек.

Государственными языками Республики Ингушетия являются русский и ингушский.

Издrevле ингуши проживали по Дарьяльскому ущелью реки Терек и далее на восток от него. На востоке ингуши соседствуют с этнически родственными им чеченцами, на юге – с грузинами, с осетинами и кабардинцами – на западе.

Россия во многом защищала и помогала ингушам, они же принимали самое деятельное участие во всех внешних войнах России и никогда не выступали против нее, соблюдая свою стародавнюю клятву. В конце XIX – начале XX веков Ингушетия административно входила в Терскую область, в составе которой она называлась то Назрановским, то Ингушским округом. После гражданской войны 1918-1920 гг. ингуши, вместе с рядом других северокавказских народов, объединились в Горскую Автономную Советскую социалистическую республику, которая просуществовала всего несколько лет, до 1924 года. Именно в этом году Ингушетия обрела свою собственную государственность в виде Ингушской автономной области, первым руководителем которой стал Идрис Бейсултанович Зязиков.

Всадники Ингушского полка Кавказской Туземной конной дивизии, сентябрь 1914 г.

А. Артемьев. Добровольное вхождение ингушей в состав России

Довольно активный социально-экономический и культурный рост Ингушетии был прерван волею «отца народов» Сталина: Ингушская автономная область была ликвидирована. В 1934 году была образована Чечено-Ингушская автономная область, которая через два года была переименована в республику.

Тяжелейшим трагическим испытанием для двух братских народов явились годы депортации в Казахстан и Среднюю Азию (1944-1957 гг.).

Старики говорят, что выжить и выстоять в лишениях народу помогли вера и трепетная любовь к своему очагу, который они должны были вновь разжечь в родном доме для будущих потомков. И это действительно было так!

4 июня 1992 года Верховным Советом Российской Федерации был принят закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». Ингушетия, как и прежде, в начале XX века, стала самостоятельной республикой. Многонациональный народ Ингушетии безмерно благодарен выдающимся сынам нашей страны: Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II, академику Д.С.Лихачеву, сотням лучших представителей многонациональной России, сделавшим так много для восстановления исторической справедливости и поступательного развития республики.

Несмотря на тяжелые последствия депортации, Ингушетия твердо стала на путь созидательного социально-экономического и культурного строительства, прежде всего с помощью русского и других народов Российской Федерации. Есть надежда, что уже ничто не собьет Ингушетию с этого пути и никогда не возвратятся времена лишения ее своей государственности, разного рода потрясений и неурядиц.

Таковы краткие исторические выкладки. В книге же речь пойдет о реалиях этнографического характера, а именно: о трудовой деятельности, жилище, семье, воспитании (этнопедагогике), традициях, народном искусстве, обычном праве, этикете, т.е. обо всем том, что характеризовало ингуша, жившего в конце XIX – начале XX веков. В мировой науке это еще называют «обыденной жизнью» народа.

Ингушетия при своей территориальной стесненности весьма богата природными ландшафтами. Если идти с юга на север, то от Главного Кавказского хребта, покрытого вечными снегами, перейдем в предгорную, богатую лесами и ручьями зону, далее идут слегка холмистые и кое-где изрезанные хребтами довольно плодородные равнинные земли, которые далее к северу переходят в степную зону. Издавна Ингушетию принято делить на две части: равнинную и горную. Сегодня и там, и тут имеются все блага цивилизации: хорошие дороги, электричество, газ, водопровод, телевидение и пр. Однако совсем другая картина была в описываемый период рубежа двух веков. В экономическом отношении горная зона всегда отставала от равнинной, и потому естественным было стремление горцев обосноваться «на плоскости». Но зато в горах лучше сохранялись разного рода народные традиции.

Новые поколения человечества живут, зачастую сами того не понимая, на той, незыблимо твердой и одновременно подвижной базе традиций, обычаев, устоев, которые достаются им в наследство от предков. Естественным образом на эту базу наслаиваются новации, многие из которых в будущем тоже приобретут статус традиций и устоев.

Невероятно сложно и очень ответственно найти точки отсчета исторического или тематического времени для обозначения традиционного, устоявшегося, обычного в жизни человечества и отделения новационного, вновь приобретенного от ранее существующего; то есть ту временную границу, которая разделяет «традиционное» и «новое» в жизни отдельного человека или общества в целом. Как правило, такой хронологической точкой или границей исторического времени в жизни общества является тот или иной переломный момент в истории и жизни общества, выделяющийся из повседневной рутины его существования.

В древности ингуши слово «родина» произносили «няначе» – от слова «мать». Это сегодня появились неологизмы «даьхе», «даьй-мохк» – калькирующие русский термин «отчизна». «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (А.С. Пушкин) свойственна ингушам, как и представителям всех других национальностей. Живая связь ингуша с пре-

красными ландшафтами своей родной земли отразилась в примечательной ингушской легенде, повествующей о святой для ингушей горе Мятлоам (Столовая гора).

«Всевышний Бог Дяла, сотворив нашу землю, с небес глянул вниз и залюбовался своим творением. Все было ладно: и горы, и долины, и леса – все, видимое на земле. Гордый своим творением, Дяла решил: «Поставлю-ка я на земле метку, по которой будет видно, что Земля есть мое создание!» Взглядом с небес поискал он наиболее красивое место внизу, нашедши его, опустил руку и ладонь прижал к земле. Затем Всевышний поднял руку вверх, на земле должен был остаться след руки творца. Однако произошло совсем другое: земля, обласканная тем, что великий Дяла коснулся ее дважды, потянулась вслед за рукою и, вспучившись высоко в небо, стала прекрасною. Так образовалась священная для ингушей гора Мятлам. Не зря Всевышний оставил метку именно на нашей земле – ведь он посчитал ее краше всех других мест!» (17, 3)*

Знакомясь с этой легендой, необходимо знать некоторые древние ингушские традиции. Так, у ингушских строителей башен, храмов, склепов существовал обычай – по завершении строительства мастер на оштукатуренной поверхности оставлял след своей руки – своего рода фирменный знак. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и всевышний бог Дяла, имя которого восходит к далекой домусульманской эпохе ингушей, уподобился в легенде обыкновенному труженику – строителю-каменщику. А святость горы Мятлам очевидна хотя бы тем, что на ее вершине имеются три древних храма, в которых поклонялись Всевышнему в домусульманский период. И еще, с горою Мятлам связан и древний ингушский миф, напоминающий древнегреческий миф о Прометее. И это не случайно – по своей конфигурации гора схожа с лежащим на горах гигантом. (2, 113)

Известно, родину не выбирают. Она может быть и цветущим краем, и ледяной тундрой, и знойной пустыней. Но какой бы она ни была, она мила для тех, кто родился и живет в своем краю. Хорошо эту мысль, понятную для представителя любого народа, выражает небольшая ингушская притча «Здесь моя Родина».

«Пророк Сулейман, как известно, знал языки всех людей и всех животных. Однажды он решил очистить место, которое заросло бурьяном и было загажено.

Пророк Сулейман приказал всем тварям, проживающим там, покинуть это место, потому что он хочет пустить по этой местности огонь, чтобы он все очистил. Все животные разбежались. Пророк Сулейман пустил огонь по этой местности.

*Первая цифра в скобках (здесь – 17) указывает на порядковый номер приводимой в конце книги использованной литературы, вторая цифра (здесь – 3) указывает на номер страницы этого библиографического источника.

Когда все сгорело, Сулейман вдруг услышал в кустах стенание, оттуда выползла полуобгоревшая змея.

– Почему ты не покинула это место? – возмутился пророк Сулейман.

– Слышала я твои предупреждения, но в этом месте прожили семь поколений моих предков. Как же я могла покинуть свою родину? – ответила змея».

Мораль сей притчи прозрачна: даже всеми презираемой змее дорога своя родная, пусть и загаженная, земля. Что же тогда говорить о человеке? В притчу введен и всеми уважаемый пророк Сулейман (библейский Соломон), что призвано было освятить особым авторитетом заключенную в притче мысль. И что характерно, хотя здесь действующим лицом и предстает пророк, но ни в одной священной книге нет подобного сюжета – это чисто местное творение.

Любовь к отчему краю выражена и в целом ряде пословиц. Известно, что они, передаваясь из уст в уста в течение сотен лет, настолько отшлифовались и по форме и по содержанию, что в комментариях не нуждаются. Приведем некоторые из них:

«Счастье человека невозможно без счастья своей родной страны»,
«Истинную цену своей Родины узнает тот, кто лишается ее»,
«Лучше быть рабом на родной земле, чем быть князем на чужбине»,
«Лучше умереть на своей Родине, чем жить на чужбине»,
«Родная земля милее всех, даже если это клочок, на который едва обеими ногами станешь»,
«И кости ноют, когда вспоминают Родину». (24)

Родина – это не только горы, поля и леса, Родина – это, прежде всего, народ. Это хорошо сознавали и понимали наши мудрые предки. И тут будет уместно привести некоторые пословицы, которые также в комментариях не нуждаются:

«Кто против народа идет, того и бог не любит»,
«Поссорился с народом – потух твой очаг»,
«Горе, пережитое вместе с народом, не горе»,
«Сила народа – бездонное озеро»,
«И падишах (царь) не является падишахом, если за ним народ не стоит». (24)

Горная Ингушетия,
река Асса. Фото 1913 г.

Глава 1

Категории национального характера

Од-
ельма сложной и трудно поддающейся исследованию является категория национального характера, или, как стали говорить в последнее время, менталитета. Тут исследователь натывается на множество едва уловимых нюансов и тонкостей, которые человеку иной национальной среды нередко малопонятны и нередко кажутся противоречивыми. Например, в далекое время некое важное административное «лицо» назвало ингушей лъстецами лишь только на основании того, что, когда это «лицо» садилось на коня, ингуши бросились поддерживать стремяна. Откуда было тому «лицу» знать, что тут имел место самый обыкновенный обязательный обычай проявления внимания к гостю. Откуда было этому «лицу» знать, что в ингушском народе одними из самых презираемых качеств являются лъсть и угодность – качества, свойственные рабской натуре. Даже на простую похвалу ингуш скуп, и об этом он говорит в своей пословице: «Похвали человека с кончик иглы, как он тут же начнет портиться у тебя на глазах».

А насколько объективно опишет характер народа человек, сам являющийся выходцем из него? Ведь некоторые черты характера своего народа ему настолько привычны, что он их просто не замечает. Один и тот же обычай может оказаться в совершенно разных плоскостях оценок, в зависимости от того, кто взял на себя смелость описать столь сложную и капризную категорию, как национальный характер. Впервые о нем заговорил Чах Ахриев в небольшой статье «О характере ингушей». Исследователь отмечает, что характер ингушей сангвинический, что ин-

Чих Ахриев (1850 – 1914) – выдающийся ингушский ученый-этнограф

гуш весьма восприимчив и впечатлителен. Посторонний наблюдатель, как отмечает Ч. Ахриев, «...может быть в восторге от ингушского гостеприимства, ему удастся приобрести нескольких приятелей между ингушами, но, вместе с тем, для него будет очень трудно узнать подробности семейного и хозяйственного быта своих кунаков... Ингуши, по природе своей, как и большая часть кавказских народов, очень общительны, доверчивы и гостеприимны...» И далее: «Климатические и вообще физические условия местности, занимаемой ингушами, весьма благоприятны для развития крепкого телом и духом племени». (7, 169) Также Ч. Ахриев отмечает, что приветливость и добросердечие ингуш проявляет к

любому человеку, какой бы веры и национальности он ни был. (7, 170).

Эта черта характера ингуша и сегодня является одной из доминантных его менталитета. Ч. Ахриев далек от приписывания своему народу каких-то исключительных качеств характера, – как уже отмечено, он его сближает в основных чертах с характером других северокавказских народов. В названной статье исследователь справедливо отмечает, что на характер народа влияют не только окружающая физическая составляющая, а также социально-экономические условия жизни и исторически обусловленные взаимоотношения с другими народами, как в положительном, так и в отрицательном плане. Для молодого человека, а Чаху Ахриеву было всего 20 лет, когда он писал эту статью, данные наблюдения довольно точны и приемлемы.

Однако при этом талантливый ученый отмечает, что ингуши до безрассудства могут быть подвержены инациональным и иноконфессиональным влияниям, которые представляются им значимыми. Так, довольно массовое обращение ингушей к суфийскому учению Кунта-Хаджи в 60-х гг. XIX века исследователь объясняет «легковёрностью» ингушей. Учение шейха как раз отвечало широким народным чаяниям, призывало к миру, самоограничению и культовой чистоте. По-разному оцениваются исследователями и события Назрановского возмущения 1858 года. Известно, что в тот год местная администрация решила сгруппировать в селения численностью порядка 300 дворов многочисленные ингушские хутора, возникшие по родовому принципу. Это мероприятие в корне подрывало имеющееся хозяйственное устройство ингушей. Они были вы-

Научная экспедиция в горах Ингушетии, 1928 год. О. Мальсагов, Е. Крупнов, М. Базоркин, Л. Семенов и др.

нуждены существенно поменять сложившиеся экономические условия и затем переходить на ранее неизвестный им общинно-передельный, свойственный для России, уклад ведения хозяйства.

Такая ломка социально-экономических отношений, конечно же, вызвала в народе стихийный протест, который, впрочем, не имел далеко идущих последствий (это отметил и сам Чах Ахриев).

Однако в этом народном протесте отдельные исследователи увидели не социально-экономические корни, а чрезмерную «доверчивость» ингушей оппозиционному к царскому правительству духовенству, ведущему свою пропаганду среди народа. Конечно же, такое определение некоторых черт национального характера можно объяснить молодостью и отнести к недостаточному житейскому опыту практически всех начинающих исследователей того времени.

Темы национального характера ингушей, помимо Чаха Ахриева, коснулся и историк Мурат Базоркин (8, 82-83), но она не успела получить у него достаточного освещения.

Совершенно очевидно, что категория национального характера ингушей и обыденная жизнь народа в конце XIX – начале XX веков мало привлекала к себе внимание исследователей, скорее всего, из-за увлеченности другими, традиционными для исторической науки вопросами и неразработанности методики избранных нами проблем. Вместе с тем

большая заслуга в изучении истории и фольклора ингушского народа принадлежит великим русским ученым-кавказоведам Л.Семенову (31), Н.Яковлеву (37), Е.Крупнову (21), а также иностранным ученым, исследователям из числа народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей. Но именно русские ученые с огромной любовью и трепетом относились к богатейшей и самобытной культуре ингушей.

Совершенно не ставя себе целью дать полное и исчерпывающее описание национального характера ингушей, попытаемся осветить некоторые его черты.

Ахь (достоинство)

Одним из ведущих принципов в поведении ингуша является так называемая категория «яхь» (достоинство) – категория личности, обладающей лучшими, достойными качествами. Однако термин на русский язык однозначно не переводится, и потому приходится объяснять его суть описательным образом. С ингушского языка его можно перевести

как «чувство соревновательности», соревновательность (стремление быть лучше других) в совершении благородных, добрых, а также общественно значимых дел. Это чистая конкуренция, добрая зависть, которая формирует динамическое развитие, стимулирует лучшее. В сути этого понятия лежит понятие о позитивном самоутверждении личности в своем социуме. Человек должен стремиться быть во всем лучше или не хуже других, в этом плане он должен обладать духом соревновательности. Одна из пословиц гласит: «Да не родит мать сына, не имеющего «яхь», а если и родит, то пусть он не доживет до полудня». Про никчемного и не дорожающего мнением окружающих человека презрительно говорили: «Это человек, не

*Генерал-майор
Эльберт Нальгиев*

имеющий «яхь» (достоинства)). А с таким человеком предпочитали не заться и, тем более, не заключать родство.

Довольно приближенно одной из граней понятия «яхь» можно соотнести и русское – «белая зависть». Когда же понятие «яхь» приобретает гипертрофированные свойства и человек начинает не соревноваться на чистосердечной основе, а на первое место у него выходит неприязнь

к более успешным людям, когда человек стремится возвыситься через ущемление (унижение, очернение...) другого человека (допустим, соперника), про такого человека говорят, что он имеет «хьаг1» (к этому понятию близко русское «черная зависть»). Не зря существует поговорка: «Надо иметь «яхь», но никак нельзя иметь «хьаг1».

В народе говорят, что мужчина ко всем другим имеет «яхь», то есть хочет быть если не лучше, то уже, конечно, не хуже других, достойным уважения. Но вместе с тем тот же мужчина не имеет «яхь» по отношению к своему сыну. Он является единственным исключением, поскольку отец всегда желает, чтобы сын превзошел даже своего отца, не говоря уже о других. Человек, имеющий «яхь», должен успешно продвигаться вперед ценою своего труда, старания, но никак не стремиться возвыситься через ущемление других – это непреложное правило. Нарушающие его заслуживают осуждения.

Эздел (благородство)

Значимой категорией ингушского характера и поведения является «эздел» – в переводе означающая «благородство». Это понятие касается как происхождения человека, так и его личностных качеств. На рубеже XIX – XX веков в ингушском быту были еще довольно сильны подразделения по значимости ингушских родов – фамилий. Эти подразделения сошли почти на нет уже в наше время, когда о них сохраняется лишь память. Хотя ингуш не прочь иногда кичиться, говоря, что в его народе не было князей и холопов, все же нельзя сбрасывать со счетов, что внутри ингушского общества еще в указанное время подразделения родов соблюдались и учитывались при заключении родства. Это деление начало отмирать как раз на рубеже XIX – XX веков, когда ингуши вновь стали осваивать равнинные земли и старые социальные подразделения, имевшие место в горах, стали нарушаться. Именно после этого и зародилась, по всей видимости, следующая старинная ингушская легенда:

Дарьяльское ущелье. Художник И.Н. Занковский

«В далекие от нас времена у одного ингуша гостил приезжий. Во время ужина ингуш, услышав несколько раз от гостя слово «бек», спросил его о значении этого слова. Гость объяснил и в свою очередь спросил ингуша об их беках и князьях. Услышав гордый ответ о том, что среди ингушей господ нет, гость весьма удивился и взволнованно спросил:

– Кто же вы такие, если живете без господ?

– Мы? – переспросил ингуш. – Сейчас объясню. Есть у вас кто-либо выше бека?

– Как же, есть... – сказал удивленный гость.

– Кто?

– У-у-у... Большой человек. Сам хан.

– Ну, а выше его еще кто есть?

– Есть. Но только далеко... Сам падишах...

– Та-ак... – протянул удивленный ингуш. – Ну, а выше падишаха кто-нибудь есть?

– Кто же может быть выше падишаха? Один только Аллах и пророк Магомет...

– А-а-а... Ну, вот ваш падишах нам равный человек. У нас тоже, как и у него, кроме Аллаха, никого нет старше...» (18, 438)

В конце XIX – начале XX веков понятие «эздел», как социальное явление (происхождение), стало уходить в прошлое, в новое время «эздел» осмысливается как благородное поведение личности. Теперь понятие «эзди саг», благородный человек, стало поведенческим эталоном. Народная мудрость гласит: «Даже будучи в глухом лесу, человек обязан соблюдать «эздел» – благородство, хотя бы и перед самим собою». Ин-

гуш, желающий иметь о себе добрую славу, обязан соблюдать «эздел» всегда и во всем: в отношениях с людьми, при приеме пищи, в соблюдении многих норм этикета. «Внутреннее (не показное) благородство крепче скалистого берега». («Сих лета эздел – бохаргбоаца лоаман берд».)

Естественно, что характеру ингуша присущи и такие общечеловеческие качества, как откровенность, чуткость, дружелюбие, щедрость и др. Разница может быть только в том, что все это ингуш понимает несколько по-своему, и охарактеризовать эти поведенческие нюансы довольно сложно.

Генерал-майор
Сосланбек Бекбузаров

Сий (честь)

Весьма щепетилен ингуш и в отношении чести – «сий». По народным воззрениям, это то, что постоянно необходимо оберегать. Тут, пожалуй, будет уместным вспомнить следующую народную притчу – «Утерянную честь не вернуть».

«Когда-то дружили Вода, Ветер, Огонь и Честь. Они всегда были вместе, но как-то им необходимо было на время разойтись, чтобы каждый мог заняться своими делами.

При расставании стали они рассуждать, как им найти потом друг друга. Вода сказала, что ее можно найти там, где растет камыш. Ветер сказал, что он всегда находится там, где трепещут листья. Огонь отметил, что его можно найти

Семья Яндиевых, начало XX века

по идущему вверх дыму. Лишь одна Честь стояла молча. Поинтересовались, почему она не называет своих признаков. Она сказала: «Вы можете и расходиться, и вновь сходиться, а мне это не позволено. Тот, кто однажды расстался со мною, расстался навсегда и более со мною не встретится». (25, 184)

Все ранее упомянутые черты характера и поведения человека в равной мере относятся как к мужчине, так и к женщине. Однако относительно последних понятие «сий» (честь) приобретает более щепетильный характер. «Девушка должна быть чиста как топленое масло» («Дежа дайтта сана ц1ена хила еза йо1»), говорит пословица.

Одной из самых уничтожающих характеристик предстают слова: «Сий доацаш саг ва из» – этот человек без чести. И напротив: «Самое большое богатство, если ты в чести у народа» («Доккхаг1а дола рузкьа да наха хьо сийдеш вале»), напоминает народная мудрость.

Гулакх (воспитанность)

Ингуш немалое значение придает понятию «гулакх» – воспитанность. Иногда трактуется и как «оказывающий услугу», «услужливый». Причем последнее слово, услужливость, совершенно чуждо понятию «холуйство». «Услужливость», в понимании ингуша, это воспитанность, это стремление оказать добрую услугу старшему, ребенку, беззащитному, нуждающемуся и т.д.

«Хороший конь узнается по иноходи, благородный человек – по делам» («Дика ды йорг1ах бовз, эзди саг гулакхах вовз»).

Река Асса

Сабар (терпение, сдержанность)

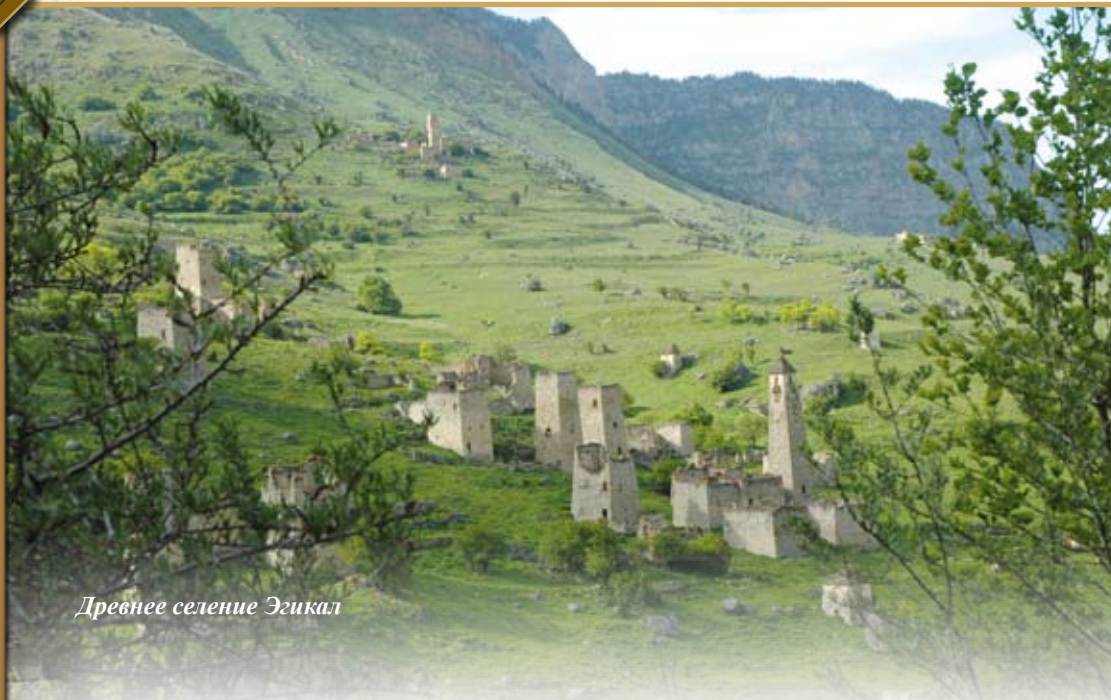
Поскольку ингуш по характеру, как отмечал Ч. Ахриев, сангвиничен, то большое значение в этой связи народ придавал сдержанности. Этим самым народ, как бы зная свой характер, пытался ограничивать вспыльчивость и горячность. И тут весьма благоприятную роль призвана сыграть категория «сабар». Перевести это слово можно как «спокойствие», «сдержанность», «терпение». Если сложить содержание этих слов, то в сумме они и образуют понятие «сабар». Эта черта характера и поведения ингуша весьма необходима для него, поскольку призвана уберечь его от принятия скоропалительных, недостаточно обдуманных решений, принимаемых иногда в пылу горячности, сиюминутного настроения. Не удивительно, что понятию «сабар» посвящено немало разных притч и пословиц. Вот некоторые из них: «Сабар – от Бога, а сихал (поспешность и пр.) – от шайтана», «Сабар – это ключи от рая», «Сабар – ум, а сихал – глупость», «Торопливая река (не имеющая «сабар») до моря не дотекла...»

Ингуш предстает довольно самокритичным, однако не по отношению к самому себе, а по отношению к своему народу. Видя, насколько вредны проявления кровной мести, умыкание девушек, возникновение далеко идущей вражды (ссор, драк...) по незначительным поводам и пр., ингуш, осуждая рудиментарно сохранившиеся в народе негативные явления, как бы пытается избавиться от них через критику, часто несправедливо возводимую на весь народ. Что ж, в этом, наверное, есть и плюс – лишь здоровая нация может иногда позволять относиться к себе критически.

Наравне с тем, что ингуш чаще всего доброжелателен, открыт, откровенен и отход-

Ковдун-Хаджи Тутаев,
общественный деятель

Древнее селение Эгикал

чив, он может представлять и враждебным, если будет затронута честь его народа, семьи, рода и его самого; если будет некоторыми способами выражения обмануто его доверие, если будет очевидна неискренность во взаимоотношениях и т.д. Все это, конечно, присуще многим народам.

Особенно презираемы ингушами понятия, объединяемые под термином «тийшаболх», что, опять же в приближенном переводе, означает подлость, предательство в разных формах их проявления. В буквальном переводе – «обман доверия».

Из всего вышесказанного всем очевидно, что характеру и поведению ингуша свойственны те же качества, которые присущи людям любой национальности, но при этом, естественно, имеются разного рода специфические, часто едва уловимые, свои собственные национальные особенности.

Дош (слово)

Проявления национального характера тесно связаны с языком. Известно, что слово является материальным выражением мысли, и поэтому многое зависит от того, как она высказана. О семейной и групповой языковой принадлежности уже было сказано, но немалый интерес представляет выявление свойств самого языка. Начиная с фонетики, отметим, что в ингушском языке, как и во многих кавказских языках, немало

взрывных, гортанных и щелевых звуков. Помимо них в ингушском языке имеются все звуки русского языка, поэтому неудивительно, что ингуши по-русски говорят почти без акцента. Характерной особенностью ингушского языка является его краткость, лаконичность. Известный лингвист Н.Ф. Яковлев написал немало трудов по кавказским языкам. Ему принадлежит примечательный труд «Ингуши. Популярный очерк» (М.-Л., 1925 г.), на который мы будем не раз ссылаться. Об ингушском языке он пишет: «... ингуш, умеющий говорить по-русски, назовет свой язык трудным, и отчасти он прав, потому что ингушский язык богаче русского некоторыми способами выражения, но очень неудобен, когда дело доходит до таких понятий, которых история Ингушии не знала^{*}. По-ингушски в одном-двух словах можно выразить такие оттенки мысли, которые в русском языке потребовали бы многословных и долгих пояснений: но, наряду с этим, в ингушском языке нет таких простых слов, как, например, «приказать» или «просить». (37, 216)

Несколько подправляя эту цитату, отметим, что слово «просить» имеется в ингушском языке, но не в значении просить милостыню. В других значениях, обычно свойственных всем народам, просьба в ин-

^{*}«Ингушия» – такое, в научном плане правильное название внедрялось в научную литературу в 20-30-х годах. Но оно не прижилось.

Выдающийся этнограф-кавказовед Башир Далгат

Особую чуткость ингуш проявляет к слову как таковому. Вот как об этом, например, пишет известный ингушский ученый Ибрагим Дахкильгов:

«В ингушском языке «дош» – слово многозначно. Это и «дош» – слово в прямом его значении; и «дош да» – слово есть – стоящее, крепкое, надежное, правдивое слово; и «дош деннад» – дал слово (в том же значении, что и в русском языке); «дош аьннад» – слово сказал (дал указание, решил, пообещал); и «дош доацар да» – слово бессмысленное, ерунда, ничего не значащее и т.д. О силе, меткости, значимости слова имеется много пословиц и поговорок.

Известный ингушский ученый-этнограф Албаст Тутаев

гушском языке присутствует, например, «дай мне свое слово» («Хъай дош дал сонна»). А вот насчет слова «приказать» Н. Яковлев совершенно прав.

При бесклассовом и внешне социальном как бы правовом ингушском обществе приказная форма обращения человека к человеку, по ингушским понятиям, нарушает их взаимное равноправие: человек, которому приказали, как бы ставится тем самым в зависимое положение от приказывающего. Поэтому совершенно справедливо, как отметил Н. Яковлев, что слово «сказать» («говоря тебе», «сказал тебе») берет на себя и функции приказной, но мягко выраженной формы.

В древности слово одушевлялось, являлось субъектом. После произнесения оно якобы обретало самостоятельную жизнь и имело изначально заложенное содержание. Люди считали, что слово может творить добро (отсюда благопожелания), а может творить и зло (отсюда проклятия)». (2, 294)

Красноречиво о слове и человеческой речи сами за себя говорят пословицы:

«Ружье и кинжал убивают одного, а плохое слово – десятерых».

«Вовремя сказанное слово – по делу выстрелившее ружье».

«Непроизнесенное слово в твоей власти, а произнес – и ты уже раб его».

«Не ступи ногою, не посмотрев вперед; не молви слова, не оглянувшись (т.е. не подумав о последствиях)».

«Когда попросили самое сладкое, принесли язык; когда же попросили самое горькое, опять же язык принесли».

«Рана от ножа (кинжала) заживает, но рана от языка не заживает никогда».

«Ласковое слово из норы змею выманило, красивое слово гору Казбек растопило».

Этот перечень можно было бы еще значительно продолжить, но и так ясно, что народ видел в языке и «целительный бальзам», и «смертельный яд».

Глава 2

Ингушский социум на рубеже столетий

Землепользование

Мало исследованным и сложным предстает вопрос о социально-экономическом, общественном устройстве ингушского социума в указанный период. Тут приходится учитывать специфические особенности как жителей гор и равнин, так и сельских и городских жителей.

В горах люди, по традиции, жили отдельными родственными коллективами в небольших поселениях хуторского типа. В силу традиций, которые в горах всегда признавались более устойчивыми, жизнь людей мало чем отличалась от жизни их отцов, дедов и прадедов. В горах все пахотные участки и частично сенокосы («цана») были частными, луга для пастбы скота и сенокосения, леса и пустоши были строго разграничены по аульно-фамильному признаку. Испокон веков все уголья были строго распределены и отмечены межевыми камнями («азар»).

Повседневная жизнь горцев-ингушей определялась весьма существенным земельным голодом. Лишь леса, альпийские пастбища и неуголья (дикие скалы, где можно было охотиться) являлись общественными. Потому естественным было, что сохранялись большие семьи, состоящие иногда из двух, а то и трех поколений, поскольку если бы между наследниками делились пахотные участки, то каждому доставались бы лишь жалкие клочки земли.

Во второй половине XIX века, в соответствии с реформами царизма на Кавказе, земли предгорных ингушских селений были объявлены

Г.-М. Даурбеков. Косовица

казенной собственностью, часть жителей была изгнана с насиженных мест, а другая часть вынуждена была платить арендную плату за обработку своих прадедовских земель. Все русскоязычные исследователи той поры, побывавшие в горах, единогласно отмечали крайне бедственное положение горцев. Часть ингушей, которая к тому времени уже успела выселиться на равнину, продолжала сохранять свою собственность на оставленные в горах угодья, с которых они получали, пусть небольшую, но все же кое-какую арендную плату.

На равнинной территории Ингушетии часть лучших земель передается под крепости и казачьим полкам, а также разного рода землевладельцам, за «особые» заслуги перед государем. Остальная земля была поделена между ингушскими селами, исходя из их количественного состава. Сельскими делами заправляли обычно назначаемые царской администрацией старшины. Крупные села, образованные после 1858 года, по своему составу были укомплектованы представителями разных ингушских фамильных кланов. Причем представители крупных родов – фамилий, уже не проживая компактно, могли оказаться одновременно в целом ряде сел. Поэтому здесь имелись, помимо старшин, еще и так называемые «тайпан да – тхьамада» (отец, или глава рода). Существовал институт сельских сходов для решения общественных задач, например, строительства дорог, мостов, каналов, временного содержания на постое какого-либо воинского контингента и т.д., то есть всего того, что царской администрацией вменялось в обязанности сельских обществ.

Часть земли в аулах равнинной Ингушетии являлась собственностью отдельных хозяйств, доставшейся покупкой или «пожалованием». Основная территория аула была общинной и жеребьевкой распределялась между сельскими общинниками. Сельский сход ведал и уплатой в

казну налогов, причем налоги с малоимущих дворов (отсутствие кормильца, сироты, увечные...) распределялись на более имущую часть. Также бедствующим семьям всем селом помогали при пахоте, прополке, сборе урожая. Конечно, не все было так идеально, но какая-то социальная защита малоимущих (маломощных) хозяйств имела место.

Уравниловка в распределении пахотной земли и других угодий не всегда соблюдалась. Находились различные причины для наделения того или иного общинника лучшей и большей землей. Основным мерилом тут становились: насколько прилежно член общины ведет свое хозяйство; за какие-либо заслуги, проявленные им перед селом. Сам старшина аула, как правило, получал пятикратный пай. Небольшая прослойка ингушского офицерства и чиновничества бывала награждаема земельными наделами, которые обычно изымались из общинной земли. Те представители, которые разными способами сумели стать крупными землевладельцами, обычно использовали наемный труд. Представления о равноправии всех ингушей в народе были еще настолько сильны, что ингуш к ингушу работать не шел. Происходило все в скрытой форме: это когда крупный землевладелец, как бы в порядке родовой взаимопомощи, сдавал свои земельные излишки своим беднейшим родственникам. Все это было, конечно же, небезвозмездно.

Традиционная зима

Чтобы лучше разобраться в социальной природе сельскообщинной верхушки, необходим небольшой экскурс в прошлое.

Известно, что жители башенных комплексов Эгикала, Таргима, Хамхи образовывали так называемый «Галгаевский двор» («Галг'ай коашке») и все вместе назывались галгаевцами. Они имели сравнительно лучшие угодья, получали пошлину с провозимых по Ассинскому проходу товаров и облагали данью некоторые племена. Историк Т. Мартиросиани отме-

Анзор Дудаевич Боров, участник русско-турецкой войны 1887-1888 гг., проявил доблесть и отвагу в знаменитом сражении на Шипке

чал: «Эти семьи, принадлежащие к родам, владевшим входом в Ассинское ущелье (роды общества Галга), само собою разумеется, извлекали немалые выгоды из своего положения.

Они производили обмен своих продуктов на привозные предметы иноземной промышленности (украшения, ткани, металлические изделия и т.п.) и затем сбывали товары среди соседних племен: фяппинцев, чулхоевцев, цоринцев и др.». (24, 65)

Возвышение общества Галгай достигло того предела, когда его члены уже стали подумывать об избрании князя из своей среды. Избрание князя сорвалось, но все же видно, что в определенный период ингуши подошли к тому, чтобы образовать в своей среде некие феодальные формы правления.

Хотя форма княжения так и не была создана, но некую организующую роль среди своих соседей стали занимать представители именно Галгаевского общества. Это видно и из другого предания, действие которого предположительно относится к XVI–XVII вв.: «Некогда именитые мужчины фяппинцев, чулхоев, галгаев и цхоев собрались у Места трех крестов. Все они с сожалением говорили, что каждый шахар (общество) определился жить обособленно, что нет между ними согласия.

В то время в Фяппинском обществе мужчин называли «хурхал», а женщин «гарбаш».

О многом говорили собравшиеся, потом от галгаевцев сказал слово некий умный мужчина. Он был хорошо одет. Подпоясывался ремненным поясом, а фяппинцы поверх таких же поясов носили еще и широкие матерчатые пояса (кушаки). Галгаец говорил очень толково и убедительно:

– Из-за того что мы разобщены, враги часто нападают на нас; если мы объединимся, то каждый из нас станет сильнее; нам нужно забыть слова «хурхал», «гарбаш»; нужно убрать широкие матерчатые пояса; если мы

объединимся в один народ, то, подобно другим, сможем поселиться на плоскостных землях. – О многом таком говорил он.

После его слов все, кто был на Месте трех крестов, решили забыть слова «хурхал» и «гарбаш», убрать широкие матерчатые пояса и всех называть одним словом «галга». На память об этом событии они и установили эти три каменных креста.

Вскоре на этом месте состоялось объединение всей страны. И люди в полном согласии стали обживать равнинные земли». (18, 339-340)

Памятник «Место трех крестов» в народной памяти символизирует единение галгаевского, цоринского, чулхоевского и фяппинского обществ*. Из преданий становится ясно, что фяппинцы, в отличие от галгаевцев и других ингушей, скрывали свои кожаные пояса под кушаками, являвшимися, видимо, символом свободного человека. Звучат в этом предании и мотивы признания всех упомянутых обществ равноправными членами консолидируемой национальной общности.

Инициаторами исторического освоения предгорно-равнинных земель, как уверенно говорят предания, выступали галгаевцы. Именно в XVII веке началось продвижение галгаевцев и фяппинцев на предгорные земли, на которых образовалось новое общество – так называемые «Большие ингуши», с центром в селе Ангушт, а позже и «Малые ингуши», с центром в селении Шолхи. Фамильное деление на первых порах продолжало сохраняться и вне гор. Это видно из того, что в Ангуште имелись два кладбища: одно – для представителей фяппинцев, другое – для галгаевцев (с ними же в единстве считались цоринцы и чулхоевцы).

Представители Галгаевского общества оказались весьма предприимчивыми и мужественными людьми, именно они выступили пионерами в освоении равнинных земель по берегам рек Камбилеевка и Назранка. Ориентировочно освоение Назрани произошло в 1781 году. Представителем этих колонистов выступил Карцхал Орцхоевич Мальсагов, предки которого являлись выходцами из аула Таргим Галгаевского общества. О том, что именно галгаевцы были инициаторами и предводителями возвращения горцев на земли предков, сначала на предгорные равнины, а затем и на земли далее к северу, красноречиво говорит присяга вновь образовавшегося Назрановского общества о принятии российского подданства. Начинается она словами:

«По взаимному и обоюдному е.и.в. (его императорского величества) всероссийского г.и. (государя императора) и кр. Владикавказской коменданта Дельпоцо и всего ингушевского народа соглашению, мы, нижепо-

*К сожалению, в 80-х гг. XX века при прокладке автомобильной дороги этот памятник был снесен.

Аул Лялах, горная Ингушетия.
Фото Дж.Бэдли, 1901 г.

именованные шесть фамилий ингушевского вольного и никому не подвластного народа, лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамилии по 10 человек, с доброй нашей воли и общего согласия между собою условились и согласились е.и.в. Всероссийскому г.и. вступить вечно на верность подданства...» (1, 84-90)

Как бы в народе и в некоторых записях различных авторов, побывавших в Ингушетии, ни культивировался миф о том, что ингуши все равноправны, факты свидетельствуют об обратном. Хотя феодальные отношения, завязавшиеся в горах, стали расшатываться с выходом народа на равнины, все же, как красноречиво об этом говорит присяга назрановцев от 1810 года, верховодящими в народе предстают не какие-то общенародно признанные люди, а именно «древние» фамилии общества Галга. Так, и в течение всего XIX – начала XX веков эти фамилии, правда уже по инерции, продолжали считаться почетнейшими. Не зря, когда в 1858 году стали создаваться крупные села, старшинами в них назначались именно представители тех же шести родов.

В конце XIX – начале XX веков представители этих фамилий вошли в наиболее тесные взаимоотношения с местной властью. Большая часть воинской элиты из ингушей состояла из них, хотя уже было много в ней и выходцев из других известных родов. Со второй половины XX века первенство отдельных фамилий начало сходить на нет – они уже не верховодили в общественных делах, хотя с ними считались, особенно при заключении родства.

На рубеже XIX – XX веков огромный авторитет среди ингушей имели представители родов, отличившиеся своими примечательными качествами – благородством и любовью народа, такие, как Магомет и Висангирей Джабагиевы, Эльберд Нальгиев, Заурбек Боров и его сыновья Султанбек и Исмаил, Мурцал Шадиев, Ахриевы (Чох, Саадул и

Гапур), Мустаби и Мурцал Куриевы, Шаухул Зязиков, Султан Дудаев, Хизир Орцханов, Заам Яндиев и многие другие.

Уже в советское время семейно-родовое деление в общингушских делах стало анахронизмом и продолжало существовать лишь в народной памяти. Но во внутрисемейных делах семейное братство еще продолжает существовать и поныне, хотя оно уже далеко не так прочно, как в стародавние времена.

Земля и воля

В большинстве своем ингуши рубежа XIX – XX веков были крестьянами. Небольшой слой составляли духовенство, офицерство и еще меньшую часть – чиновничество. В этот период развивалось отходничество. Ингуши, работая на фабриках и заводах крупных городов России, на промыслах Баку, нанимались охранниками. Причем сторожа из ингушей настолько славились своим мужеством и честностью, что их охотно брали на эту работу.

Всем народам Северного Кавказа царская историография на все лады приписывала хищничество. Действительно, отдельные факты набегов на табуны, стада и на «царскую почту» имели место, впрочем, как и по всей России. Но глубоко ошибались эти историографы, когда начинали

утверждать, что это так называемое «хищничество» являлось основой жизнедеятельности всех кавказских горцев. Эти искусники пера, в силу своей настроенности, не могли, да и не хотели видеть, что некая часть горцев была вынуждаема становиться на этот очень скользкий путь в силу своей экономической безысходности. И, тем не менее, официальная статистика говорит, что преступность в Терской области была ниже, чем в среднем по империи, за исключением одной графы: «Умышленное убийство». Главным мотивом убийств служила среди ингушей, как и среди других горцев Кавказа, кровная месть – подлинный бич общества, втягивающий сотни и тысячи семейств в кровавую вендетту.

Наиболее ущемленными на Северном Кавказе оказались ингуши, остро страдавшие от малоземелья. Известный ученый Н. Яковлев отмечал: «Часть ингушских земель была несправедливо отобрана, и жизнь ингуша сделалась очень тяжелой. Земли, годной для обработки, стало меньше, а кормиться на ней должно было то же число ингушей, что и прежде». (37, 196) Голод и нищета, доводившие людей до последней черты, обусловили то обстоятельство, что некоторая часть молодежи, хотя и редко, но уходила в абреки. Эти люди становились изгоями в обществе, отсюда, видимо, и пошла пословица: «Абреки никогда села не создают» («Эбаргаша юрт йиллаяц»).

Н.Ф. Грабовский в своей работе «Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа» отмечал следующее:

«Вблизи жилищ встречаются искусственно устроенные террасы для посева хлебов. Нужно видеть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшегося на устройство их; они находятся обыкновенно на таких местах, где сама природа отказалась дать что-либо. Чтобы устроить площадку в 10-12 аршин длины и в 5 ширины (приблизительно 7-8 метров на 3-4 метра), необходимо было горку расчистить и сравнять выбранную для этого местность; но так как и после этого площадка, кроме камня, ничего другого не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу...» «Человеку, первый раз попавшему в горы, придется бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые прилагал горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки земли служили ему подмогою в средствах для жизни.

Приготовить покосное место в горах и потом собрать с него сено так же трудно, как и приспособление полей для посевов». (15, 112-113)

Позднее Н.Грабовского, уже в самом конце XIX века, Г.Вертепов в статье «Ингуши. Историко-статистический очерк» приводит данные о размерах земельных владений ингушей равнинной и горной ее частей:

«Для 20344 душ мужского пола, принимая высшую рабочую норму, т.е. по 11 десятин на душу, требуется 223784 десятин земли, между тем как действительный надел всех ингушских селений, горных и плоскостных, достигает всего лишь 76189. Таким образом, все население ингушей терпит недостаток земли в количестве 147595 десятин, т.е. недостаток земли почти в 2 раза превышает действительный надел.

В частности, горные ингуши терпят более значительный недостаток земли, чем плоскостные. Для 3418 душ мужского пола горных ингушей требуется 37598 десятин земли, а наличный земельный надел их простирается всего на 6462 десятины, т.е. все население горных ингушей терпит недостаток земли в количестве 31136 десятин. Таким образом, недостаток земли у горных ингушей почти в 5 раз превышает наличный их надел». (10, 170-171)

Статистика со всей своей беспристрастностью свидетельствует об ужасающем земельном голоде. При этом надо помнить, что фабрик и заводов в Ингушетии не было, что кустарные промыслы не могли уже конкурировать с фабрично-заводскими изделиями и едва лишь покрывали внутренние потребности. Единственной кормилицей ингушей была земля. Естественно, что результатом крайне бедственного положения с землей являлось предельное обнищание населения. Как бы

Хаджимурат Местоев, полный Георгиевский кавалер (слева) и Асланбек Зязиков, общественный деятель

плотком воздуха из этого безысходного состояния представляла для горцев аренда земли, ранее являвшейся их собственностью и отобранной царской администрацией.

Некоторой материальной подмогой для ингушей являлось их добровольное и очень успешное участие в войнах России: в 1877–1878 гг. – на Балканах против Османской империи, в 1903–1904 гг. – в Манчжурии против японских милитаристов, в 1914–1917 гг. – в Первой мировой войне. Многие ингуши стали Георгиевскими кавалерами, ингушские полки награждались Георгиевскими штандартами и личными благодарственными посланиями государя императора. О храбрости и мужестве ингушей в самом конце XIX века писал и Г. Вертепов: «Вообще галгаевцы (ингуши) были очень воинственны, и соседи нанимали их часто на военную службу или платили им дань за защиту своих владений от неприятеля». (10, 159) Особенно эта национальная черта ярко проявила себя в период падения царизма и установления на Северном Кавказе основ нового государственного устройства.

Самое активное участие в этих делах ингушей, конечно же, объясняется тем, что они были самыми обездоленными среди других народов, героическая борьба ингушей за сохранение себя как самобытного этноса в итоге обусловила и создание самостоятельной (в рамках России) государственности в виде национальной автономии. С предельной точностью об этом писал тот же Н. Яковлев: «И надо им (ингушам) отдать справедливость, своей упорной волей к жизни в течение многих десятилетий они сами добились этого, такая необычайная энергия, такое упорство в борьбе за поставленные цели и выдвинули ингушей на одно из первых мест в ряду превосходящих их численностью и отчасти и уровнем культурного развития соседей (тут автор имеет в виду образование). Остается только пожелать, чтобы героическая борьба этого народа за лучшее будущее нашла своего добросовестного историка-летописца». (37, 199)

Земля и хлеб

Проблемы тяжелого положения ингушей во второй половине XIX и в начале XX веков, непосредственно связанные с хозяйственным строительством ингушского общества той поры, т.е. с вопросами земледелия, скотоводства и так далее, требуют более предметного и содержательного рассмотрения.

Следует выяснить, не только какова была наличная земля в горах и на равнине, но и как она обрабатывалась, какие культуры выращивались и т.д.

Еще Вахушти Багратиони, автор первой трети XVIII века, отмечал, что у кистинцев (горных ингушей) горы скудные и малопродуктивные, выращивают на них лишь зерновые злаки (пшеницу, ячмень и овес). (14, 73) О том, что именно ячмень был в древности у ингушей наиболее изначальным и более распространенным, говорит за себя хотя бы то, что ингушское слово хлеб – «маьхх» напрямую восходит к ингушскому названию ячменя – «мукх». В горах лето бывает капризным и менее продолжительным, чем на равнине, потому-то с наибольшим преимуществом употреблялись довольно неприхотливые и имеющие непродолжительный срок вегетации ячмень и реже, в силу его меньшей урожайности, овес.

По статистическим данным, приведенным Г. Вертеповым, в горной Ингушетии на душу мужского пола приходилось «удобной и неудобной» земли всего 1,8 десятины, на равнине же этот надел составлял уже 4,3 десятины (10, 168), к тому же здесь не учитывается качество земли, которое на черноземной равнине было значительно выше. Однако это не означает, что у равнинных ингушей было все благополучно, ведь 4,3 десятины – это намного меньше, чем определенные самой местной администрацией за норму 11 десятин, т.е. норма земельного надела равнинного ингуша была в два раза ниже требуемой.

В горах полезная земля, при всем том, что ее было мало, являлась частной собственностью отдельных патриархальных семей. Причем часто случалось, что эти семьи, состоящие из двух-трех поколений («цла» – по ингушски), не могли разделиться. Совсем другой порядок землепользования существовал на равнине. Об этом Г. Вертепов сказал следующее:

«Каждое ингушское селение на плоскости составляет отдельную общину. Земля, принадлежащая селению, считается общественным достоянием всего населения его. Распоряжается землею общественный сход, состоящий из представителей всех наличных домов (дворов). Пользование землею состоит в следующем: весь сельский земельный надел делится на части; одна часть предназначается под распашку, другая – под сенокосы, третья – под выпас скота. По истечении некоторого промежутка времени, обыкновенно 3-6 лет, сенокос идет под выгон, выгон под распашку, а пахота под сенокос».

Далее автор приводит довольно интересные сведения о том, как же эта земля распределялась уже среди самих общинников:

«Вся пахотная земля делится на подворные участки (паи) по числу дворов каждого селения, платящих государственную подымную подать и другие повинности. Каждый такой двор, будь он из 4-5 работников или только из одной вдовы с малолетними детьми, пользуется равным паем. Паем не пользуются только дворы тех сыновей, которые самовольно отделились от своих родителей... Сам процесс деления пахот-

ной земли на отдельные пай совершается так: вся сельская пахотная земля делится в присутствии всех наличных пайщиков (представителей от каждого правоспособного двора) на кварталы, по числу кварталов селения, или на десятки; участки отдельных кварталов, или десятков, распределяются по жребию, вынимаемому выбранными для этого лицами от каждого квартала, или десятка. Затем уже каждый квартал, или десяток, делит свой участок на равные пай, в первом случае – по числу дворов, входящих в каждый квартал, и во втором – на 10 равных паев. Пай распределяются между членами квартала, или десятка, опять-таки по жребию. Величина пая определяется обыкновенно раньше, назначенная к переделу земля предварительно измеряется избранными от сельского общества депутатами, которые тут же и вычисляют величину надела на каждый платежный дым. В среднем на дым пахотной земли приходится три-четыре загона (полосы), что составляет около 4,7 десятины, или 1,7 десятины на наличную душу мужского пола. Кроме того, многие арендуют землю под распашку у казаков соседних станиц». (10, 172-173)

Из всего сказанного видно, что пользование землею было общинным, при этом соблюдался демократический принцип уравниловки: даже вдова с детьми участвовала на равных в дележе земли. Хотя пай и были одинаковыми, однако силы семей (количество рук, наличие рабочего скота) не у всех были одинаковы, и потому «безлошадные» попадали в зависимость от тех, кто мог помочь им в обработке земли. Существовала на селе и форма взаимопомощи при пахоте, при сборе урожая. Однако эта помощь существовала не как правило, а как исключение. Отрицательной стороной общинного распределения земли являлось то, что общинник не был особенно заинтересован в поддержании плодородия достававшегося ему пахотного надела, ибо через несколько лет этот участок, как правило, переходил в собственность другого пайщика.

Известный исследователь Ингушетии советский историк Е.И. Крупнов* отмечал, что после образования (после 1858 года) больших ингушских сел и определения размера общего земельного владения для всего села «...русское правительство установило ту же форму сельскообщинного владения землей, какая наблюдалась до революции у терских и кубанских казаков, у которых вся станичная земля являлась общественным достоянием, периодически делилась на участки, поступающие в подворное пользование». (21, 157)

*Монография Е.И.Крупнова «Средневековая Ингушетия» была издана в Москве в 1971 г. и переиздана в Ингушетии в 2007 г.

Вечерний Эгикал

Е.И. Крупнов отмечает, что общинно-передельная земельная собственность была искусственно насаждена и узаконена среди ингушей царским правительством.

В предреволюционный период (до 1917 г.) форма общинного распределения земли стала себя изживать: ранее на несколько лет закрепляемые за пайщиками участки перестали перераспределяться и начинали постепенно переходить в их частную собственность. Это обстоятельство уже само по себе обуславливало возможность продажи или дарения земли, что способствовало обезземеливанию маломощных крестьянских хозяйств, вынужденных продавать часть своей земли, и усилению довольно крупных землевладельцев (т.е. кулаков), которые уже имели возможность использовать наемную силу.

Иногда имели место случаи освоения участков ничейной земли: целинных неугодий, лесных участков, где вырубали лес, унавоживали почву и т.д. Такой освоенный ранее целинный участок назывался «ирзу» и являлся собственностью тех, кто его освоил.

У горцев хозяйство было скотоводческо-земледельческим, а у жителей равнин оно имело характер земледельческо-скотоводческий.

Ценность земли определялась и ее расположением: земля, находящаяся вблизи села, ценилась дороже, т.к. легче было ее удобрять и осуществлять над нею надзор. Особенно в горах, а отчасти и на равнине, ценился навоз крупного и мелкого рогатого скота. Обычно навоз измерялся корзинами определенного размера. В связи со скудостью почвы большего и постоянного удобрения требовали горные земельные наделы. Они часто состояли из тонких пластов, лежащих на скальной породе, и потому были весьма ранимы и быстро теряли свое плодородие. В редких случаях в качестве удобрения употребляли и древесную золу.

Вспашка земли в горах также имела отличие от равнинной. Так, в горах из-за того, что земляной покров был неглубок, невозможно было применять плуг, потому что он вместе с выворачиванием земли выносил и камни, или же лемех плуга цеплялся за скальную основу. Об особенностях пахоты в горной зоне Е. Крупнов писал:

«Пахали обычно в конце апреля горской деревянной сохой, впрягая в нее по несколько пар волов. Вспашка была неглубокой. Непосредственно после пахоты следовал сев, причем никаких орудий для этого не существовало. Орудием заделки сева являлась горская борона-волокуша из терновника. Прополке подвергалась вся пашня с помощью мотыги, а чаще всего просто руками, не менее двух раз до уборки урожая. Жали хлеб серпом или косили косою в августе и сентябре. Молотьба проводилась копытами крупных животных (быков и лошадей), которых прогоняли по току, а очистка и сортировка зерна – с помощью лопаты и деревянного лотка путем веяния на ветру». (21, 121-122)

Горцы в меру своих сил как-то пытались эстетизировать свой тяжелый труд. Это касается, в частности, трудовых песен. Вот одна из них, исполнявшаяся при севе зерна:

Когда бросаем в землю,
Тебя (зерно) мы измеряем «гирдами»*,
Когда будем жать тебя,
Да будем измерять большими арбами.
Пусть из каждого «гирда» будет арба,
Как за бороздою идет борозда.
Пусть так за арбою идет арба,
И пусть в согласии живет вся наша семья. (2, 197)

По рассказам старожил, подобную песню припевал сеятель при разбрасывании по полю зерна, которое он доставал из лукошка.

*Гирда – мера сыпучих тел (от 9 до 12 кг). Равнялась 24 горстям – «кана».

Сакля в с.Средние Ачалуки. Фото А.Вильямса

И при пахоте, и при жатве также исполнялась небольшая трудовая песня-пожелание:

Пусть много будет зерна, чтоб мерками его мерить,
Пусть поровну приходят ненастные и солнечные дни,
Пусть хлеба у нас всегда вдоволь будет,
Пусть мир и согласие в доме царят. (1, 198)

Тяжелый труд прополки также пытались скрасить трудовой песней следующего содержания:

«Чарх-чарх» (звукоподражание) – пусть ударяет мотыга,
«Чарх-чарх» – пусть рубит корни травы,
Убирай с поля сорняки.
Пусть ядрится гордая кукуруза,
Пусть будет в доме достаток,
Пусть благодать не иссякает,
А когда везем урожай – от натуги
Пусть воли тяжело вздыхают,
Да будет так, пусть так и будет,
Пусть так и будет, пусть так и будет... (2, 198)

Эти песни исполнялись в ритме работы. Они как-то скрашивали однообразный труд земледельца. Примечательно, что во всех приведенных трудовых песнях настойчиво звучит пожелание большого урожая, семейного благополучия и хорошей погоды, которая в горах бывает иногда весьма капризной. Имеются рудиментарные записи трудовых песен-пожеланий, исполнявшихся при молотье, помоле зерна, при изготовлении конопляной пряжи, при взбивании масла и т.д.

Продолжая свое исследование о характере земледелия у ингушей, Е. Крупнов далее отмечает: «Совсем иное положение стало наблюдаться в связи с переселением горных ингушей на плоскость. В конце XIX века земледелие становится главным занятием населения, развивалось главным образом у плоскостных ингушей, у которых позднее начинают развиваться садоводство и огородничество». (21, 122)

На равнине, вероятно, была глубокая вспашка плодородных черноземных земель. Первоначально применялись деревянные плуги с железным наконечником, призванным разрезать земельные пласты. Со второй половины XIX века в равнинной части Ингушетии появился железный плуг заводского производства, что не только облегчило труд пахаря, но и способствовало более глубокой вспашке и лучшему отвалу земляного пласта.

Вместе с железным плугом в культуре земледелия, уже на рубеже указанных веков, стали применяться более совершенные, фабричного изготовления орудия труда: зазубренные серпы, косы, соломорезки, бо-

роны, сенокосилки. Они сменили деревянные лопаты, гладкие серпы, короткие косы, деревянные волокуши-бороны.

Традиционными культурами были ячмень, овес, просо, а затем кукуруза, пшеница, фасоль. Особенно заметную роль в местном земледелии сыграла позднее других зла-

ков появившаяся кукуруза. Несколько уступая по своим питательным свойствам пшенице, она значительно выигрывала по урожайности, что постепенно выдвинуло ее на первое место среди злаковых культур. Из кукурузы готовили хлеб – чурек, а также использовали ее в качестве прекрасного корма для скота и птицы. Исключительная любовь ингушей к этой культуре выразилась в том, что ей придали особую святость уже в самом имени. Кукуруза по-ингушски называется «хъажкIа», что в переводе означает «пшеница из (места) исламского паломничества». Имеется даже небольшая легенда следующего содержания:

«Пятимат была дочерью пророка Мухаммеда и женою богатыря Али. Как-то сидела Пятимат, и на землю упало две капли ее грудного молока. На том месте, куда капнуло молоко, выросли два стебля кукурузы. Оттуда и пошло кукурузное семя. Так как оно пошло из дома пророка Мухаммеда, кукурузу и называли «хажкIа» – пшеница из места паломничества». (5, 307)

На рубеже XIX–XX веков незначительно в горах, но весьма успешно на равнине стало развиваться огородничество. Тут преимущественно использовался женский и детский труд. Огороды располагались обычно на приусадебных участках. Выращивали лук, чеснок, огурцы, затем стали внедряться подсолнечник, картофель, позднее всех – помидоры. По рассказам старожил, в первой четверти XX века помидоры вначале выращивали как декоративные (наравне с цветами) растения, а не ели потому, что при надкусывании они забрызгивали одежду, и потому их называли «неблагородными» («эзди йоацараш»).

В начале XX века в Ингушетию стали проникать капиталистические отношения. Так, ингуши приобретали предметы фабрично-заводского производства, что значительно ущемляло их кустарные промыслы. Зажиточные крестьяне стали использовать наемных рабочих-батраков, особенно при уборке урожая, сенокошении, пастьбе скота. Стали появляться ссыпные склады, в которых накапливалось товарное зерно. Интересные сведения в этом плане приводит известный историк Ш.Э. Дахкильгов:

«В памяти старожиллов сохранился факт, когда в 1894 году здесь, у железнодорожного вокзала «Назрань», впервые поставили «тараз» – весы для взвешивания кукурузы, скупаемой у окрестного крестьянства. Идиг Илдарович Кетиргов (Гелисханов) вскоре стал одним из богатейших в округе гильдейским купцом. Уже в 1901 году пристанционный поселок превратился в торгово-экономический центр Ингушетии, где функционировали 33 торгово-промышленных заведения, 8 ссыпных амбаров, две сушилки кукурузы, два керосиновых бака большой емкости, принадлежавшие назрановским купцам». (38, 276) Эти данные Ш. Дахкильговым были взяты из «Терского календаря» на 1901 год (Владикавказ, 1900, с. 128-129).

Как видно, зажиточные сельские жители имели излишки товарного зерна, чем не преминули воспользоваться представители торгового капитала.

Отношение народа к вопросам земледелия наглядно предстает в его пословицах:

«Тот не живет настоящей жизнью, кто зерно не растит»,
 «Пахарь всегда ждет хорошей погоды»,
 «Сказанное весною услышали осенью»,
 «Во время пахоты руками не машут»,
 «Лучше свою голову держать в поле, чем у поля вешать лошадиный череп от сглаза»,
 «Тот, кто хватается за землю, тот заполнил сапетку»,
 «Рука, привыкшая к плугу, сильнее руки, привыкшей к кинжалу»,
 «Сказанное при пахоте нашлось при жатве»,
 «Телок кормится выменем, человек кормится землею» и др.

Скотоводство

Второй важнейшей отраслью народного хозяйства ингушей было скотоводство, причем его горные и равнинные формы ведения значительно отличались друг от друга. Уже было отмечено, что сельскохозяйственное производство у ингушей имело свои специфические особенности, исходя из земельных и климатических условий. Так, в горах было значительно меньше удобной земли, причем она располагалась на сложном рельефе. Также в горах позднее приходила весна и раньше наступали зимние холода, из-за чего вегетативный период у растений был короче, чем на равнине, а значит, были разными условия содержания скота и обеспечения его кормами. Из-за сложности рельефа местности в горах было затруднено содержание крупного рогатого скота, который в силу своей массы трудно удерживался на горных склонах, тогда как овцы и козы, имея значительно меньший вес и довольно острые и цепкие копытца, могли пастись и в труднодоступных местах. В горах крупный рогатый скот был намного ниже и массивнее такого же, пасущегося на равнине. Но и на равнине, и в горах крупный скот использовался как тягловая сила, хотя в мясомолочном отношении он во многом выигрывал. Кроме того, для его содержания требовались значительные пастбищные угодья. Недостаток же мяса и молока в горах возмещался получением этих продуктов от овец и коз. Их молоко было более питательным, чем коровье, а овечьи сыры пользовались большой славой, как продукт, укрепляющий организм человека, особенно его мышечную систему.

Равнинные жители улучшали породы своего крупного рогатого скота путем его скрещивания с карачаевскими, кабардинскими, казачьими породами. Также на равнинной и в предгорной местности стали ис-

пользовать буйволов, которые были сильнее волов и давали более качественное молоко, чем коровы. Но недостатками содержания буйволов являлось то, что они имели крутой норов, небольшие надои, а их мясо плохо поддавалось термической обработке. Буйволы были довольно плохо приспособлены к горной местности, и потому там их предпочитали не разводить. К тому же для крупного скота требовалась обильная кормовая база, которая в горных условиях, как известно, довольно скудна.

Мелкий скот, овцы и козы, более неприхотливы к корму. Они могут пастись не только на крутых склонах, но и быть на подножном корму. Их содержали как при домашнем хозяйстве, так и в кошарах, которые часто находились вдали от аулов. Кошары назывались «метт», или «мтт», – овечья стоянка, в отличие от «доахан мтт» – стоянка крупного рогатого скота, которые практиковались в ограниченных случаях. Обычно «мтт» (кошара) представляла собой огороженный частокотом загоном, который охранялся пастухами и овчарками кавказской породы, смело вступавшими в единоборство с волками – главными врагами скотоводов.

Издrevле и до сего дня горцы используют пещеры, в которые они на ночь, а нередко и на зиму сгоняют овец и коз. Содержание мелкого скота в пещерах специально было значительно безопаснее. К тому же некоторые пещеры специально оборудовались: вход в них перегораживали каменной стеной, оставляя проход, закрывающийся на ночь и в непогоду.

К примеру, выход «пещеры Калой Канта», находящейся на горном плато выше аула Эгикала, перегорожен большой каменной стеной, сложенной на крепком известковом растворе. Немало пещер, пригодных для содержания мелкого скота и лошадей, имеется на северных склонах «Маьтлоама» – Столовой горы. В таких пещерах иногда, если позволяла площадь, хранили сено, заготовленное впрок на зиму, а также делались загородки для содержания молодняка (ягнят).

Отгонное животноводство – перегон мелкого скота зимой на равнинные земли ингуши-горцы не практиковали, они предпочитали его полустойловое содержание. В благоприятные зимние дни овец выпасали на южных склонах гор, на которых снег быстрее таял.

Издrevле и до сего дня наиболее распространенной породой овец в горах Ингушетии является так называемая «тушинская» порода полугрубошерстных, довольно неприхотливых овец. Они белошерстные, с черными головами. Еще жрецы при принесении в жертву древним богам овцы произносили, обращаясь к богу Дяла:

«Ты видишь этих черноголовых, а телом чистой, белой шерстью покрытых овец.

Их привели мы тебе.

О-о, великий, могучий наш Дяла!» (2, 186-187)

Помимо этой породы, ингуши разводили и овец черного окраса, мясо которых отличалось высокими вкусовыми качествами, а грубая шерсть

шла на изготовление бурок. Исследователь Ш. Ахмадов также отмечал, что в местном крае «славились черкесская и калмыкская породы овец». (27, 26) Хорошей славой пользовались овцы балкаро-карачаевской породы, шерсть которых была более тонкой и нежной, чем у местных пород. На равнине ингуши практиковали разведение заимствованной у казаков тонкорунной породы, здесь же разводили и курдючную породу овец. По рассказам старожил, у некоторых особей этой породы курдюки достигали таких размеров, что под ними сооружались различные приспособления (колесики, во-

локуши), чтобы курдюки не волочились по земле.

Из-за строптивого характера коз содержать было труднее. Разводили их в ограниченном количестве для получения пуха и для использования в качестве поводырей овечьих стад. В давние времена домашние и дикие (так называемые «туры») козы были высоко почитаемы. Одно из местных божеств «Тамаш-ерда» виделось в облике козла, в облике тура мыслилось и охотничье божество «Хагар-ерда». При праздновании Нового года обязательным было заклание козла или козы. С этими животными связывали плодородие земли и скота. С принятием ислама все эти обычаи с середины XIX века стали исчезать.

Весьма важной и нужной отраслью скотоводства являлось коневодство. В народе различались скаковой (для верховой езды) конь («ды»), обычная лошадь («говра») – для езды в качестве тягловой силы, рабочая лошадь, «алача» – холостеный жеребец. К концу XIX века продолжали еще по традиции использовать «вирбIарза» – мула, лошака, которых предпочитали завозить из Грузии. Хотя мулы отличались физической выносливостью и неприхотливостью, качествами, унаследованными от лошади и осла, их использование в начале XX века было уже малозначительным.

В качестве тягловой силы нередко держали ослов (в просторечье – ишаков). Эти животные экономически весьма выгодные: они могут питаться сорной травой, колючками; физически весьма выносливы. Но

почему-то в народе они стали символом глупости и упрямства. Никогда ни один ингуш не использовал это животное для верховой езды – дабы не навлечь на себя общественное непонимание. Лишь дети, и то в отсутствие взрослых, могли себе это позволить. На равнине ослов ишаков предпочитали не содержать, в горах – другое дело, ибо это животное может протащить довольно большой груз по таким крутым и узким тропам, по которым не всякий конь пройдет. Но и в горах ослы использовались исключительно в качестве вьючных животных.

Известно, что в середине XIX века в Ингушетии, по примеру Кабарды, начали было создаваться конезаводы. Так, известно, что основатель и первый старшина селения Долаково по имени Долак занялся этим промыслом и разводил коней на продажу. Однако развившееся в крае конокрадство сделало невыгодным этот бизнес. Но для собственных нужд (изредка – на продажу излишка) довольно сильные крестьянские хозяйства занимались разведением коней. Большая часть этих животных закупалась в соседней Кабарде. «Лошадь с клеймом кабардинских конезаводчиков пользовалась большой популярностью не только на Кавказе, но и в России, и даже за рубежом... Лошадь карачаевской породы не так высока и красива, но не уступала кабардинской в резвости и экстерьере. Она отличалась неприхотливостью в содержании, подвижностью под седлом и была незаменимой как вьючное животное в условиях горного бездорожья. Карачаевскую, как и кабардинскую, лошадь не подковывали и не запрягали». (20, 65-66)

Особенно у ингушей славились кони, выводившиеся кабардинскими князьями Шолоховыми. Также славились кони серой масти в яблоках и с черными коленями – «гош Iаьржа сира ди». Ингуши считали, что знаме-

нитые кабардинские кони ведут свою родословную от ногайской породы. (18, 417) Покупные дорогие кони приобретались исключительно для верховой езды, иметь их было престижно. Одним из ведущих признаков настоящего мужчины являлось наличие у него верхового коня. Иногда считалось, что весьма примечательный конь приносит славу своему наезднику.

Для повседневных хозяйственных нужд использовались кони местной породы. Содержание коней было делом нелегким, т.к. это животное нуждается в обильном и калорийном корме. Летом коней выгоняли в ночное

(пасли сельский табун ночью). А вот как в этом плане использовалась знаменитая гора Мятлоам, сообщает Л. Семенов. Он пишет, что на этой горе «лошади сильно дичают на воле, бродят табунами по обрывам и в лощинах, купаются в котловане, наполненном мутной водой, пугливо разбегаются при появлении человека». (31, 35)

Известно, что к началу XX века «от роста посевных площадей и уменьшения пастбищ пострадало также коневодство, которое нуждалось в обширных пастбищах». (20, 390)

Содержание скота почти исключительно зависело от кормовой базы. А она, особенно в горах, была весьма скудной. К примеру, Н. Грабовский пишет, для того чтобы подготовить покосное место, «прежде всего, нужно было крутые покатости гор очистить от камня; но так как величина многих из этих камней не позволяла людской силе сдвинуть их, то покосные места должны были остаться между ними. Здесь-то, под палящими лучами солнца, горец работает косою и сгребает накошенную траву в небольшие копны. Непривычный человек едва ли бы сумел свободно ходить по этим покосным местам». (15, 113-114)

Некоторые покосные места в горах бывали на такой крутизне, что по ней невозможно было пройти даже просто пешему человеку. В таких местах горец обычно один конец длинной веревки привязывал наверху склона к камню, дереву или кустарнику, другой конец плотно прикреплял к поясу, а затем всю веревку наматывал на себя. Сделав такое приспособление для самозащиты, горец приступал к сенокосу, постепенно разматывая веревку. Можно себе представить, сколько вращательных движений приходилось делать горцу и при косьбе, и при сгребании сена, при доставке его на сравнительно удобное место. Из-за крутизны местности и частых осенних ветров в горах сено не скирдовалось, а копнилось. Причем под копну часто подкладывалась большая разлапистая ветвь дерева. В зимнее время, по мере необходимости, горец впрягал в эту ветвь какое-либо тягловое животное и с его помощью волоком доставлял копну к кутану или к жилищу. Часто такая волокуша («токхор») могла состоять из 2-3 копен. Поскольку в горах все же не хватало сена для прокорма скота, горцы также делали запасы из листьев и веток деревьев (ветошный корм).

Г. Вертепов, изучив различные статистические материалы, пришел к выводу, что в начале XX века «недостаток сена у ингушей выражается цифрой 633450 пудов, т.е. значительно больше половины всего необходимого для них количества. Однако, несмотря на это, около пятой доли

всего собираемого ими сена вывозится на продажу. Неприхотливые в пище сами, ингуши, тем не менее, заботятся о скоте и недостаток сена пополняют, с одной стороны, суррогатами его... а с другой тем, что скот более чем следует ходит на подножном корму». (10, 184-185)

Чтобы иметь хотя бы какие-то средства для приобретения сельхозинвентаря, ткани, керосина и других крайне необходимых вещей, жители должны были продавать излишки своего производства. Но, как видим, на продажу шли не только излишки, а и то, что необходимо было сохранить в хозяйстве: дрова, сено, скот, птица, молочные продукты. Часто земледелец и скотовод вынуждаем был все это отрывать от себя самого.

Некоторым подспорьем в хозяйстве ингуша была аренда покосных участков и лесных угодий у казаков, многие из которых из-за возложенной на них тяжелой воинской повинности не в состоянии были полностью эксплуатировать имевшийся у них земельный фонд.

Луговое хозяйство и травосеянием ингуши не занимались. Лишь в горах, из-за того что тонкий земельный слой быстро истощался, горцы иногда вынуждены были унавоживать покосные места. В горах имели место случаи применения орошения как посевов, так и сенокосных угодий. Притом что на равнине покосы были обширнее и продуктивнее, тем не менее, горское сено славилось своими более высокими питательными свойствами.

Говоря о скудости кормовой базы для скота, Е. Крупнов отмечал: «Кормовой кризис, который всегда остро ощущался в горах, вызвал в нагорной Ингушетии своеобразный вид договора между владельцем скота и пастухом – «фоат». (21, 125) Это была своеобразная форма эксплуатации: богатый скотовод отдавал на определенный срок какое-то количество скота в наем нуждающемуся горцу с условием, что по истечении срока договора наемщик возвращал владельцу весь арендованный у него скот, плюс – половину приплода. Наемщик за свои труды получал другую половину приплода.

Значение скотоводства в жизни рядового крестьянина наглядно отразилось в народных пословицах и поговорках:

«У пастуха, который рано встает, овца двойню приносит»,
 «У кого ноги бывают в навозе, у того руки бывают в масле»,
 «В хлеву скот – на столе достаток»,
 «У кого на поле пасутся овцы, у того в доме не иссякает благодать»,
 «Хорошей хозяйке корова молока больше дает»,
 «Имеющий дойную корову имеет сытную пищу»,
 «Не иссякнет благодать в доме косаря»,
 «Не было овец у того, кто волков боялся»...

Садоводство

Садоводство в горах практически не было развито, и тому имеются свои причины: во-первых, горцы не могли себе позволить пахотную землю отводить под сады, а во-вторых, горцы щедро пользовались лесными дарами и ягодами: лесными грушами и яблоками, алычой, мушмулой, тутовником, орехами (фундук), диким чесноком (черемша), лесными ягодами – «дитта комараш», полевыми ягодами – «мангал комараш» и др. Все это служило хорошим дополнением к пищевому рациону, а заготовленное впрок в зимнее время восполняло витаминную недостаточность. Например, в больших емкостях на зиму замачивали груши. Также груши сушили, а затем с добавлением слегка прожаренного зерна мололи и заготавливали особую муку – «цу» наподобие русского толокна, которая сохранялась всю зиму. Вообще, груша у ингушей считалась почитаемым деревом; ее нельзя было рубить (пока не засохнет), при ней запрещалось ругаться и произносить проклятия и т.д.

Из грушевого толокна на топленом масле делались «мажаргаш» (колобки), которые обычно брали в дальнюю дорогу или на охоту, т.к. они не портились и были высококалорийными.

С выходом на равнину, когда лесных даров стало меньше, бывшие горцы стали заниматься садоводством. Во многом этому они научились у русских (казаков) и отчасти у кабардинцев. Ингуши довольно быстро освоили разведение культурных пород яблонь, груш, слив, грецкого ореха и др. В Ингушетии уме-

ли, скажем, на дикую грушу привить грушу садовую и т.д. Была освоена и обрезка деревьев, особенно успешно садоводство развивалось в селах, расположенных в поймах рек Ассы и Камбилеевки. Частич-

но внедрялось и виноградарство, но из-за почвенно-климатических условий широкого распространения оно не получило.

Основным препятствием для успешного развития садоводства являлось то, что крестьянин не мог позволить себе такую щедрость, как выделение земли под сады, когда эта земля могла бы дать так необходимый хлеб насущный.

Сочетание лесных даров и садоводства удовлетворяло потребности населения во фруктах.

Ремесла и промыслы

К концу XIX века Северный Кавказ все более и более входил в сферу российского фабрично-заводского производства. Местные промыслы довольно успешно продолжали с ним конкурировать. Тут сказывалась и традиция кустарного производства, и материальные затруднения рядового труженика, не имевшего лишних средств. Большая часть потребностей населения удовлетворялась более доступными и недорогими предметами кустарного производства. Особым уважением у населения пользовался «пхьар» – мастеровой. Основой этого слова является архаизм «пхьа» (тетива лука, стрела), который в зависимости от контекста мог означать «поселение», «мастерскую», а также иносказательно «кровную месть». Родство слов «мастер-умелец» и «поселение» – как плод деятельности человека-умельца – вполне может навести на мысль, что слово «пхьар», определяющее человека, умеющего что-то сотворить своими руками, восходит к глубокой древности. У ингушей сохранились термины «аьшка пхьар» – мастер по железу, кузнец, «дошо пхьар» – мастер по золоту, «дото пхьар» – мастер по серебру, «дахчан пхьар» – мастер по дереву, плотник. К слову «пхьар» по значению примыкает термин «говзо», или «говзанча», т.е. «умелец». Так, строителей башен, храмов, усыпальниц и других сооружений каменного зодчества называли «тIоговзанча» – умелец (мастер) по камню.

К рубежу XIX – XX веков искусство инкрустирования предметов золотом и серебром сохранилось лишь в воспоминаниях. Объяснить это можно и дороговизной самого материала, и конкуренцией дагестанских мастеров, достигших в этом деле высокого уровня специализации. Но кузнечное ремесло имело самое широкое распространение. В народе до сих пор живы термины «пхьоале» – кузня, «лайси» – меха для раздувания углей, «нажарг» – наковальня, «варбаст» – молот-кувалда, «моарзагIа» – щипцы и др. Кузня обычно располагалась на окраине села, часто у реки. Самыми обычными предметами производства сельских кузнецов были ножи, молотки, топоры, подковы, щипцы, стремяна, обода для колес и

кадушек и др. Производство серпов, кос, ножниц, цепей стало постепенно вытесняться фабрично-заводскими предметами. Есть упоминания в народе, что в не столь отдаленные времена в Ингушетии были и свои ювелиры и оружейники. По крайней мере, сабли и кинжалы еще производились в середине XIX века, но к его концу это ремесло почти угасло. Отчасти этому способствовало и то, что царская администрация не только преследовала производителей оружия, но временами вводила запреты на его ношение, из-за чего нередко случались кровавые стычки между жителями и представителями власти, которые никак не хотели учитывать местные традиции, по которым мужчина не имел права быть безоружным, — он должен был быть вооружен хотя бы кинжалом.

С введением в строй железной дороги через Ингушетию в 1893 году усилилось ее хозяйственное развитие. В частности, с начала XX века в край стали привозить различные металлы и жечь, которая долгое время играла важную роль в хозяйственной жизни ингушей. Если в давние времена в башнях использовались очаги для приготовления пищи и обогрева, которые не имели дымоходов, то в XIX — XX веках в домах на равнине использовались «товгIа» — нечто среднее между очагом и камином: очаг устраивался у стены и от него дым отводился через каменную или обмазанную глиной турлучную трубу. Иногда их делали из самана. Эти устройства были не очень рентабельны, т.к. пропадало немало тепла.

В XX веке эти («товгIа») постепенно стали заменяться жестяными печами. Их достоинство состояло в том, что они быстро нагревали комнату, на них было удобно готовить пищу. При хорошей теплоотдаче этим печам требовалось меньше топлива, чем для очагов-каминов. Недостатком этих печей было то, что если они переставали гореть, то быстро воцарялся холод. Тем не менее, печурки эти использовались повсеместно и в течение длительного времени.

За прялкой

Обо всем вышесказанном довольно точно поведал в 1925 году Н. Яковлев: «Для отопления и приготовления пищи служил простейшего устройства камин с турлучной, обмазанной глиной трубой. Никаких заслонок, которыми можно было бы закрывать трубу для сохранения тепла в помещении, не было и в помине. Ветер свободно гулял в довольно широкой трубе и в комнате. Нельзя сказать, чтобы при такой системе отопления температура в помещении зимой, как только переставали поддерживать огонь в камине, была особенно высокая. Теперь понятно, почему переход от такого широкотрубного сквозного камина к простой железной печурке следует считать для ингуша более естественным, чем к русской, например, печке, и в то же время все-таки известным шагом вперед. Чтобы окончательно понять это, следует учесть, кроме нужд согревания жилых помещений, чем, как мы видели, ингуш совсем не избалован, есть еще его топливные возможности и потребности его кухни. Лесов на плоскости давно нет, и, чтобы добыть хоть немного хворосту, ингуш должен ехать довольно далеко к предгорьям...» (37, 208-209)

Первоначально кузнецы являлись одновременно и жестянщиками. Но постепенно потребность в жестяных печах настолько возросла, что ремесло жестянщика обособилось, а жестянщик стал делать печурки не только на заказ, но и на сбыт, поскольку потребность в них была постоянной.

Кузнечное ремесло стало вытесняться фабрично-заводской более качественной и дешевой продукцией. Постепенно на долю кузнецов осталось лишь ремесло по подковыванию лошадей. Хотя и долго сохранявшееся,

Войлочный ковер. К.Эльжеркиева, 1889 г.р.

жестяное производство также имело тенденцию к отмиранию, поскольку место жестяных печурок стали занимать обыкновенные печи.

Горы и предгорья Ингушетии богаты лесами. В них имеется немало ценных пород деревьев, таких, как дуб, чинара, граб, груша, бук и др. Вполне естественным было развитие в прошлом в Ингушетии деревообработки. Культ дерева в старину у ингушей был настолько развит, что даже имелось божество «Хырх-ерда», «хы» – древесный ствол, «ерда» – божество: в лесу определяли наиболее могучее дерево и с ним связывали некоторые, теперь уже забытые обряды. Особо почитали матицу («оарц») – бревно, которое поддерживало всю кровлю дома. Матица пользовалась святостью, поскольку за нее цепляли надочажную цепь; также считалось, что в определенное время у матицы собираются души мертвых. Матицу обрабатывали с особой тщательностью. Она как бы олицетворяла собою основу жилища, и потому одну из клятв могли произнести с ее именем.

Широкое распространение в прошлом имела деревянная посуда. Обычно ее делали из груши или липы. Изделия из груши почитались больше, хотя изделия из липы делались чаще всего потому, что это дерево легко поддавалось обработке. Е. Крупнов, исследуя надземные склепы, отмечал, что в них «... встречаются в значительном числе различные деревянные сосуды: чашки, миски, кружки, кубки. Все они сделаны из мягких пород дерева, преимущественно из липы, но уже на

примитивном токарном станке. На них сохранились явные следы вращения сосудов в процессе изготовления.

В числе прочего инвентаря этих склепов находились деревянные резные коробки, трехструнные балалайки («пандыр»), мало отличающиеся от подобных ингушских музыкальных инструментов недавнего прошлого». (21, 96)

Из твердых пород дерева изготавливались сохи – «нух», вилы – «шода», лопаты – «бахь», грабли – «йолхьинг» и другие орудия земледелия.

Помимо изготовления посуды было довольно развито ремесло бондарей, которые изготавливали кадушки – «пед», обтянутые обручами – «танеш», маслوبيки, корыта, чаны и др.

Обычно геометрическими узорами украшали сундуки, двери, наличники окон. Иногда сундуки обивали жестяными полосками с пунсонным узором.

Особого искусства требовало изготовление арбы. Наибольшее внимание мастера уделяли колесам и осям. Для труженика было большой редкостью иметь сплошную железную ось. Обычно она изготавливалась из карагача – «муш» или другого крепкого дерева. На трущуюся часть оси позднее стали приделывать железные накладки. Верх арбы делали из досок, но иногда и из ивового плетня. В горах, и то не везде, применялись двухколесные арбы. На равнине они имели повсеместное распространение. В начале XX века наиболее зажиточная часть крестьян стала пользоваться четырехколесными телегами, заимствованными у казаков.

В каждой семье имелись и детские люльки, изготовленные особым

Сумка для хранения предметов женского рукоделия, футляр для часов, тесьма

Гребень для расчесывания шерсти

В краеведческом музее, г.Назрань

местным способом. Из дерева изготавливались скамейки – «Ганд» и трехножные небольшие столики – «шу».

Было довольно развитым гончарное производство. Из глины делались чаши – «кад», кружки – «чами», стаканы – «пела», маленькие плошки – «цазилг», кувшинчики – «суралг», кувшины – «кхаба», большие кувшины для зерна и воды – «геба», большие кувшины с заостренным дном для сбивания масла – «кувра». Гончары разбирались в разных сортах глины, умели ее отмачивать. В глиняную массу для прочности и вязкости добавляли каменную крошку. Для ее производства существовали специальные мельницы-дробилки. Готовое изделие покрывали тонким слоем особо вязкой глины (поливная керамика). Изделия изготавливались на гончарном круге, сушились в прохладном месте (чтобы не растрескались) и затем подвергались обжигу. До сих пор в горах еще сохранились следы обжиговых печей. Успешно с местными гончарными изделиями конкурировали изделия кубачинских («кубче») мастеров. Постепенно гончарную посуду вытеснила привозная посуда из фаянса и стекла, по-ингушски – «ингале пхьегла».

Наряду с деревянной, гончарной имелась и металлическая посуда. Из бронзы изготавливались клепаные огромные котлы, вместимостью туши целого быка – «уст бода ей». В этих котлах на свадьбах и других торжествах варилось мясо. До принятия ислама в них варили и пиво. Котлы разных размеров состояли из пластин, настолько искусно склепанных, что они совершенно не протекали. Металлическими были и

разного рода кувшины – кумганы («ГумагIа»). Изготавливались они из латуни или меди.

Было развито кожевенное производство. Шкуры крупного скота («нихь») и мелкого скота («цIока») специальными скребками освобождали от мездры, а затем в специальных чанах держали в кислотном растворе, который назывался «сулла», основным компонентом которого являлась кислота, выделявшаяся из помета птиц. Затем прошедшую эту обработку кожу замачивали в растворе с дубильными веществами. Далее кожу мяли катками или руками. При этом иногда использовали отруби, придававшие коже приятный светлый оттенок. Из готовой кожи делали обувь («нахьара маьчи»), ремни («оаса»), бурдюки («кит»), мешки («лаьжг»), сбрую («дирст», «журал», «тIон») и другие изделия.

Сыромятную обувь, которая имела свойство размокать от воды, периодически положено было смазывать жиром. До сих пор сохранилась пословица: «Свиную кожу надо смазывать свиным жиром» – «Хьакхий цIока хьакхий даьтта хьакха деза». Она свидетельствует, что в доисламский период обувь шили и из свиной кожи. Впрочем, сегодня эта пословица чаще всего употребляется в переносном значении (например, в значении: он заслуживает того, что сам заслужил). Сыромятная обувь делалась просторной, т.к. в нее набивался ковыль («клаж») и лишь затем всовывалась нога, одетая в шерстяной чулок. На икры ног надевались ноговицы («пезгаш»). Они напускались на сыромятную обувь, а сверху ремешками подвязывались под коленом. Обувь («маьчи») с пришитой подошвой называли «пашмакх» – башмак. В обиходе обычными для всех были тапочки – «хулчи». Раньше имелась такая поговорка: «Не дай нам иметь такое потомство, которое

Чаша для процеживания, половник, дурилаг, кружка

Деревянная шкатулка, казачий рубль

по утрам будет искать свои «хулчи»!

Бурдюки обычно делали из тщательно очищенной козьей шкуры, мехом наружу. Обычно бурдюки с водою брали, уходя на полевые работы. Например, в предании о переселении Дудара из фяппинского общества в Осетию повествуется, что он-де был на

покое, но ему мешал принесенный им бурдюк, который постоянно скатывался, и тогда он якобы сказал: «Уйду и буду жить на таком месте, на котором бурдюк не будет скатываться». В Закавказье бурдюки использовались для хранения вина. В Ингушетии не сохранилось сведений о таком их предназначении. Хотя в Ингушетии, даже иногда и после принятия ислама, изготавливались слабоалкогольные напитки – пиво («йий») и брага («них»). Также ингуши изготавливали напиток «масхам», позаимствованный из Кабарды, по крепости этот напиток приближался к вину.

Кожаный мужской пояс, а иногда и конская сбруя украшались инкрустированными серебряными бляшками («метташ»).

Кузнечное и плотницкое ремесла всецело принадлежали мужчине. В гончарном и кожевенном производстве применялся как труд мужчины, так и труд женщины. Например, заготовкой глины и дров, производством кожи, то есть всем тем, где необходимо было приложить много физического труда, занимался мужчина.

Как в древности, так и в период рубежа XIX – XX веков, большое значение в хозяйстве ингушей имело шерстяное производство. Мужчины только стригли шерсть, всю остальную работу с этим материалом выполняли уже женщины. Иногда к этому труду, особенно при чесании шерсти, могли привлекаться и дети. Овечью шерсть различали на весеннюю и осеннюю. Ее сортировали и по цвету. Шерсть необходимо было тщательно промыть, просушить и основательно расчесать. Лишь затем начинали из шерсти сучить нити для тканья сукна. Тут использовались прялка с прялицем («йоачанг»). Для сукна нити пряли как можно тоньше, чем и измерялось искусство пряжи. Для чулок и носок нити прялись уже потолще. Домотканое сукно различали по тонкости и по прочности изготовленного полотна, из которого шили одежду. Сукно окрашивали в черный, белый, охристый, красный цвета. Красители имели растительное происхождение.

Бойкой торговлей в ингушских селениях занимались лотошники (коробейники), преимущественно из армян и евреев. Обычно у них покупали такие ткани, как шелк («даьре»), бязь («боза»), кисея («киси»), иглы, наперстки, гребни и др. предметы.

Ингушскими мастерицами широко применялся войлок: в постельных принадлежностях, в виде паласов, ковров, которые часто делали аппликативными. Изготавливались они следующим образом: брали два войлока разных цветов, допустим, оранжевого и красного; на обоих вырезался один и тот же орнамент, затем эти орнаменты меняли местами и сшивали их с основой. Войлок также шел на изготовление голенищ (т.н. «бурок»), из него делали подседельники и попоны, шили домашнюю обувь, применяли при изготовлении одеял. Позднее одеяла стали делать из шерсти. Из обработанных шкурок молодых барашков («мерлушек») женщины шили мужские шапки. Также из овчин изготавливались шубы – «кетар».

Немалое место в жизни мужчин уделялось бурке, войлочное полотно которой изготавливалось из овечьей шерсти с добавлением козьей. Бурка выполняла функции и плаща, поскольку была непромокаема, и пальто, поскольку хорошо сохраняла тепло и защищала от ветра. Если, бывало, всадник вынужден был заночевать в безлюдном месте, он особым образом заворачивался в бурку, которая при этом становилась для него спальным местом и шатром.

Из козьего пуха вязали большие шали, которыми женщины укрывали себя с головы до пояса. Они им заменяли и пальто, и бурку.

Из тростникового растения «шаша» мастерили циновки – «аьргаш». Так как во многих домах той поры полы были глинобитные, то на пол стлали войлочные паласы и плетеные циновки. Из особого кустарника («магаск» или «ц'увна саьрг») изготавливались корзины, основы для седел, кнутовища, метлы.

Особого искусства требовала обработка конопли. Ее стебли размачивали, затем вымачивали, после этого особыми гребнями вычесывали так, что оставались лишь нити. Сохранилась рабочая песня, которая пелась при обработке конопли:

«Ставя гордые шесты,
Изготавливая охапки пряжи,
Вычесывая очажной золою,
Очищая изогнутым ребром,
Изготавливаем коричневые мотки, –
Да будут длинные, крепкие нити,
И с ними пусть будут красивые бурки
К весенней пахотной поре». (2, 200)

Названные здесь «бурки» нельзя путать с бурками, обозначающими одежду (плащами, пальто), – здесь этим словом обозначена обувь. В песне отразились некоторые элементы трудового процесса: натягивание нитей на шесты, применение очажной золы и скребка (изогнутое ребро). Конопля давала прочную и влагоустойчивую нить, которая была незаменима при шитье, из нее же изготавливали мешки и веревки. Применение же конопли в качестве наркотического средства совершенно не имело места.

Еще в 30-х годах XIX века русский офицер, исследователь И. Бларамберг отмечал, что ингуши, в отличие от других народов, весьма поднапорели в изготовлении мельниц, которые у них имеются в каждом, даже небольшом горском ауле. Позднее Н. Грабовский отмечал:

«У ручьев, протекающих вблизи горских аулов, взоры путника невольно останавливаются на каких-то маленьких безобразных грудах, только верхом своим напоминающих, что они похожи на строение. По однообразному шуму внутри этого оригинального строения можно только догадаться, что это мельница. Устройство мельниц у горцев чрезвычайно просто: складывается четыре бревенчатых или каменных стенки, последние без цемента, высотой в 1,5-2 аршина, и набрасывается земляная крыша; внутри, где могут, сидя на корточках, поместиться три человека, вделываются в коробку из древесной коры два жернова, один из которых (верх-

ний) вращается на оси, прикрепленной к сколоченному крестообразно из двух досок колесу, приводимому в движение струей воды, бьющего под пол мельницы, где находятся и колеса». (15, 108)

Отношение к мельнице у ингушей было особенным. В горах не было профессиональных мельников, т.к. небольшие мельницы, подобные вышеописанной, являлись собственностью небольших горских аулов. На равнине же строились более крупные мельницы, и там уже появилась профессия мельника. С ним расплачивались натурой, скажем, с мешка помола забиралась определенной величины чаша муки – гарнец* «боал». Мельник был уважаемым человеком, иногда он содержал одного – двух работников. Профессия мельника считалась настолько мирной, что с ней даже связана притча следующего содержания.

«В мире и достатке жил мельник. Как-то у него остановились на ночлег абреки, которые хвастали тем, что они не пашут, не сеют, не жнут, но в достатке живут. Соблазнился мельник таким житьем, продал мельницу, на вырученные деньги снарядил коня и оружие, а затем примкнул к шайке абреков. Как-то поскакали они угонять княжеский табун, но удача изменила им – охрана встретила их огнем. Бывшему мельнику пуля попала в голову, но он от этой раны не погиб. Понесли его к лекарю. Лекарь особым скребком стал скоблить черепную кость, чтобы извлечь пулю. Тут один из присутствующих попросил лекаря быть осторожнее и не повредить мозг. Услышав эти слова, полуочнувшийся мельник сказал лекарю: «Скобли смело. В этой голове нет мозгов. Если бы они были, я бы не продал мельницу и не избрал бы бранный путь».

Этими словами народ определенно выразил свое пренебрежение к грабительскому (воровскому) ремеслу и тем самым возвысил значение мирного труда.

Подтверждением того, что мельнице отдавалась дань уважения с древнейших времен, являются два нартских сказания ингушей – «Сеска Солса и Селик Пирья» (5, 37) и «Когда оживут нарты». (5, 261)

В обоих сказаниях, подобно финской Калевале, мельница человеком (нартали) была обретаема в потустороннем мире мертвых, что призвано было подчеркнуть ее необычайность. К тому же, по второму сказанию, эта потусторонняя мельница была настолько волшебной, что давала помол без всякого зерна и в определенный момент спасла нартов от голодной смерти.

Прекрасные природные условия давали ингушам возможность развивать различные промыслы, в частности – пчеловодство. Мало-мальски рачительный хозяин, особенно в горах, обязательно имел

* Гарнец – русская мера объема сыпучих тел, равняется 3,2798 л.

Старинная мельница
в селении Барсуки.
Ей свыше
двухсот лет

свою пасеку. Ульи обычно делались из плетеных прутьев, обмазанных глиной. Сверху улей прикрывался утепленной крышкой. Помимо внутреннего потребления излишки меда шли на продажу. Использовался мед и в народной медицине.

Магия охоты

Охотничий промысел, особенно в горах, также являлся своего рода трудовой деятельностью. Герои ингушских нартских сказаний и сказок, если не участвуют в бранных делах, обычно занимаются своим любимым промыслом – охотой. Вплоть до XX века, даже после сплошной исламизации населения, охотники все еще продолжали чтить божество охоты «Елта», а затем – божество злаков, туров и оленей «Хагар-ерда». Сохранился фрагмент молитвы, обращенной к Елте:

«О божий Елт! Гости пришли к тебе. Идя впереди, дай нам самое крупное из рогатых. Наше выстреливающее ружье направь в круглую голову. Наше верно намеченное (ружье) направь в некрасивое сердце (зверя). Жирного тура дай нам, о божий Елт, тучного мясом, плотного салом дай нам. У тебя, при зверях находящегося духа, просим мы, ты у бога проси». (2, 180)

Е. Крупнов отмечал, что охота имела большое значение в хозяйственной жизни ингушей: «Многие племена и народы Кавказа вплоть до позднесредневекового периода занимались охотой как значительным подспорьем к основным занятиям – скотоводству и земледелию». (21, 129)

К началу прошлого века значение охоты хотя и ослабло, но все же еще продолжало сохраняться. Одним из главных объектов охоты в древности был олень. Так, в сказках герой часто возвращается с охоты с двумя убитыми оленями, которых он держит под мышками. Но к новому времени олени были почти истреблены. Однако еще довольно широко сохранялась охота на диких козлов – туров («хьагI»), серн («мосар»), медведей («ча»), лис («цогал»), волков («борз») и на мелких животных: зайца («пхагал»), барсука («борсакх»), белку («тарсал») и других. Охотились и на птиц: глухаря («довха»), фазана («сарсал»), куропатку («моата»), перепелку («лекъ»).

Ружья («топ») привозились из Грузии, а позднее и из сопредельных регионов России. Вплоть до XX века некоторые ингушские охотники предпочитали кремневые ружья («мажар топ», «моакхаза топ»), имевшие хорошие прицельные качества. Большое значение придавалось чистке и смазке оружия, изготовлению свинцовых пуль. Порох был частично местного производства, но более качественным считался заводской порох, русский.

Не всякий горец мог быть охотником. Этот промысел требовал физической закалки, сноровки и сметливости, терпения, хорошего умения в обращении с оружием, знания повадок животных и т.д. К при-

Имагожев Х.-А.А.-С. Охота горцев

меру, охотники за турами, словно заправские альпинисты, лазили по скалам и осыпям у самых ледников, куда добирались лишь туры и преследовавшие их снежные барсы. Кстати, охотники барсов не убивали, если в этом не возникала необходимость, скажем – в целях самообороны. Трупы барсов, включая умерших естественной смертью, хоронили с определенными почестями.

С охотой было связано немало запретов и магических обрядов, например, люди избегали чрезмерного уничтожения животных, так как считалось, что, погибая, зверь проклинает охотника, потому-то после удачного выстрела охотник обязан был произнести определенное заклинание, оберегающее его от этого проклятия. На примере вышеприведенной молитвы божеству Елте видно, что в языке охотника широко применялась табуизация (запрет – табу), скрывающая истинные намерения и действия, например, говорили «иду исследовать» – вместо «иду на охоту», диких животных называли «рогатое» (олень, тур, серна) и т.д. Все должно было быть предельно засекречено, чтобы об охоте как-то не узнали ни звери, ни их «хозяин» – божество Елта.

Охотники употребляли и свой потайной язык криков, который назывался «языком ворона» («хьаргий мотт»). Были периоды, когда охота строжайше запрещалась, например, когда самки находились на сносях. Охотник, возвращающийся с добычей, обязан был поделиться ею с другим охотником, встретившимся на его пути. Обычно в таких случаях дарили переднюю ногу с лопаткой убитого животного.

Охота в жизни горца играла огромную роль, что неоднократно подчеркивали ученые-этнографы:

«Немаловажное хозяйственное значение для народов Северного Кавказа имела охота. Горы и ущелья были богаты медведями и турами, оленями и козами, зайцами и куницами, лисицами и множеством птиц. Шкуры диких животных использовались для изготовления обуви и одежды, бурдюков, ружейных чехлов и других предметов. Шерсть диких коз шла для набивки седел. Большое количество пушнины продавалось в Россию. Среди товаров, допускаемых к беспопыльному пропуску в Россию через Кавказскую линию, на одном из первых мест стояли лисьи, заячьи, куньи, выдровые, хорьковые, медвежьи, волчьи, барсовые и другие меха». (20, 67)

Шкуры промысловых животных охотники продавали или обменивали на необходимые в семье и хозяйстве предметы у лоточников и коробейников, кроме того шкуры вывозились на продажу в город Владикавказ.

Натуральное хозяйство тех лет было основным видом хозяйственной деятельности ингушей. Лишь в конце XIX и особенно с начала XX

века излишки своего внутреннего продукта ингуши стали сбывать на рынке Владикавказа, а иногда и на сельских ярмарках. Продавали строевой лес и дрова на топку; липовую кору, применявшуюся вместо черепицы;

кожевенные и шерстяные изделия; мясомолочные продукты; паласы и аппликативные ковры, кукурузу и другое. В ингушских селах некоторые зажиточные хозяйства открывали лавки, в которых продавались привозные предметы хозяйственной и первой необходимости. Как видим, в тот период ингуши активно втягивались в систему товарно-денежных отношений развивающегося в России капитализма.

В целом, ингуши являлись трудолюбивыми и рачительными хозяевами. Свидетельством тому служат и некоторые, весьма известные в народе пословицы и поговорки, такие, как:

«Трудно сколотить хозяйство, но легко его разбазарить», «Упаси нас от того, чтобы наше хозяйство обратилось в деньги», «Кто летом отсиживается, тот зимою шустро бежит», «У кого летом голова варилась, у того зимой котел варился», «Трудолюбив хозяин – трудолюбива и его семья», «Чурек, а не золото насыщает человека», «Беспутно проведенное время до добра не доводит», «Отложи то, что легче сделать, и сделай то, что сделать труднее», «Штаны протираются у того, кто много сидит без дела», «Легко чужими руками крапиви рвать», «Сами собою галушки в рот не залетают», «Глаза боятся, а руки делают», «Жизнь любит тот, кто любит труд» и другие.

Наши мудрые предки говорили о важности целостного наполнения времени, особенно дневного, благородными делами.

В беседах люди старшего поколения всегда повторяют, что: «Если человек днем или за день не преподнес радостное человеку, не сделал что-нибудь доброе, не накормил животное или птицу; выйдя и возвратившись с улицы или с дороги, не убрал с пути то, что мешало людям на ней (если таковое имело место), – не сделав такую милость перед Всевышним и перед собою, то такой человек бесследно и впустую потерял свой день, дарованный ему Всевышним в первый и последний раз в его жизни».

Глава 3

Общественное устройство и быденная жизнь

Фамильные образования

Особенностью ингушского народа является то, что каждый его представитель четко и ясно осознает свое происхождение, знает свои корни, конкретную фамильную принадлежность. Иноплеменнику невозможно «затеряться» в ингушском обществе. Конечно же, в нем есть роды инационального происхождения, но, хотя их представители уже давно стали настоящими и полноправными ингушами, все же их происхождение всем известно.

Первоначально фамильные роды состояли из больших патриархальных семей – «ваьры» или «цIа», обычно состоявших из трех поколений (дед, сыновья, внуки – все члены одного коллектива). Различные авторы XVIII – XIX веков Л. Штедер, Н. Харузин, В. Миллер, Б. Далгат, позднее – В. Христианович отмечали в ингушской среде большие семьи с численностью от 20 до 70 членов. Это были настоящие «фамилии». Некоторые такие семьи из-за невозможности поделить хозяйство сохранялись в горах еще и в начале XX века. Главой такой семьи являлся ее самый старейший предок, которого называли «цIенда», – буквально «отец дома», большим уважением пользовалась и его жена «цIен-нана» («мать дома»). Все члены семьи были подчинены им и обязаны были беспрекословно исполнять все их распоряжения, которые обычно касались вопросов ведения хозяйства, взаимоотношений с родственниками и соседями и т.д. Но чаще

главой становился наиболее способный и уважаемый член фамилии независимо от возраста. Изучая такие большие семьи, Е. Крупнов отмечал:

«Оказывается, что по всем существенным особенностям такая большая патриархальная семья с наличием главы семьи и всем внутренним распорядком, типичным для определенной стадии развития родовой организации, очень близка к известной сербской «задруге», хорватской «скупшине», сванской «коче». (21, 153)

Временами, после смерти «хозяина дома» («цIен-да»), во главе патриархальной семьи («цIа») становилась «хозяйка дома» («цIен-нана»), вдовая старуха. Она заведовала всеми домашними и хозяйственными делами. Образ «жер-бабы» в ингушском нартском эпосе предстает в образе женщины – хранительницы благодати. Так, в нартском эпосе «жер-баба» имеет особые припасы, например, она из пары ребер баранины и горстки муки приготавливает столько мяса и галушек, что ими насыщаются 63 нартских богатыря.

До сих пор в народе сохраняется особое уважительное отношение к женщине, и когда говорят: «цIен-нана», то означает, что данная женщина полновластная хозяйка, всецело посвящающая себя семье и воспитанию детей.

Следует отметить, что сохранение в Ингушетии сильных семейных традиций, перераставших затем в земляческие и общественные связи, не означало сохранения так называемых «первобытно-общинных

пережитков». В ингушской фамилии, или тейпе, отсутствовала коллективная собственность на основные средства производства и с незапамятных времен господствовала частная собственность. Введение той же общинной собственности на обрабатываемую землю царским правительством в 60-х годах XIX века в равнинной части Ингушетии было своеобразным регрессом.

Большие патриархальные семьи к началу XX века лишь рудиментарно сохранялись, да и то только в некоторых горных аулах, в горах, на равнине к рубежу XIX – XX веков повсеместно уже появились однодвуколенные моногамные семьи («дезал»). Выделением моногамной семьи еще в глубокой древности заканчивается цикл развития ингушской семейной организации и переход к тейпу, как организации социального типа. Совокупность мелких хозяйств, объединенных в большой плоскостной аул – общину, состоящую из семейных тейпов, складывавшихся по земельному принципу, представляла собой новую картину.

Дом и очаг

Жилища горных и равнинных ингушей отличались друг от друга. Хотя из горных селений постоянно происходил отток населения на равнину, в горах старые каменные сакли и башни по-прежнему были обитаемы. Больших домов, как на равнине, здесь не строили из-за сложного рельефа местности. Однако к старым башням, там, где это было возможно, вплотную пристраивались небольшие каменные сакли или турлучные однокомнатные домики.

Совсем другая картина наблюдалась на равнине. Здесь не было и не строилось башен (за исключением единственной башни Овлура в селении Гамурзиево, и та была разрушена по распоряжению местной администрации). На рубеже веков на равнине ингуши обычно строили турлучные дома, благо, материала для них было предостаточно. Он состоял из прутьев, которые шли на плетеную стену, и глины, которой она обмазывалась. Несколько позднее было освоено производство самана.

Большое значение придавалось выбору места под возведение дома. Если какое-то место бывало облюбовано скотом или птицами или же отличалось хорошей растительностью, то оно считалось пригодным для строительства дома. Также учитывалась близость водного источника. Стремилась построить дом так, чтобы он, по мере возможности, находился в центре усадеб и угодий.

Как уже отмечалось, с 1858 года стали ликвидироваться хутора и образовываться укрупненные села (количеством не менее 300 дворов). Однако во вновь образованных селах люди одной фамилии предпочи-

Жители горной Ингушетии

тали селиться в своем квартале (по-ингушски «кур»). Между воротами и домом всегда располагался обширный двор, сами дома не выходили фасадами на улицу, а строились в глубине двора.

Вместо фундамента под дом укладывались большие камни или делались на растворе каменные стойки, на которые по всему периметру дома клались бревна. Над ними возводились стены из плетня. Под камнями (или стойки) всегда закладывалась своего рода строительная жертва, состоявшая из монет, зерен и прочего. Это было магическое действо (имитативная магия), призванное обеспечить дому богатую и счастливую жизнь. Перед началом строительства в жертву приносился белый баран (редко бык) и совершались исламские молитвы. К строительству приступали лишь после того, как был заготовлен весь необходимый материал. По традиции, у ингушей еще со времен строительства башен в горах, здесь, на равнине, также стало правилом завершать строительство дома в течение одного года. Предпочтительными считались сроки: от весеннего равноденствия до осеннего равноденствия. Впрочем, к XX веку это правило уже было необязательным.

Довольно трудоемкими и тяжелыми были работы по установлению балок и опор, по созданию плетня – основы стен, по возведению кровли. Обычно такие работы требовали тяжелого физического труда. Нанимать для этого большое количество рабочих было, во-первых, довольно затратно, а во-вторых, трудно было найти эту рабочую силу, т.к. ингуш к ингушу никогда на работу не нанимался. Другое дело, использовать дармовой труд родственников, соседей. Тут вступал в силу обычай «белхи» – от слова «болх», работа (кстати, такая практика существует и поныне). Исследователи отмечают:

«На белхи сходиллся широкий круг родственников и соседей, которые заготавливали необходимый материал. В последующие белхи выкладывали стены, сооружали крышу, обмазывали дом снаружи и изнутри. В работах принимала участие молодежь. Везде слышались разговоры, шутки, смех. Для приглашенных готовили угощение». (6, 63)

Во время белхи одна из девушек исполняла на гармони музыкальные номера. Заканчивались белхи общим ужином и танцами с шуточным сватовством. На такие белхи сельская молодежь, не избалованная праздным досугом, шла с охотой. Если родственник или сосед мог принять участие в белхи, но не делал этого, он тем самым ставил себя как бы вне коллектива, а этого сельский житель позволить себе не мог; не зря в народе говорили: «Погас очаг у того, кто поссорился с селом» – «Юртаца ийгIачачун кIур лекъаб».

Большая роль отводилась матице, которая была длиною во весь дом и на которой на расстоянии примерно в метре друг от друга крепились

поперечные балки. Большого умения и немалого приложения сил требовалось для того, чтобы поднять, правильно и надежно закрепить прямо по центру крыши довольно тяжелое бревно – матицу. На поперечные балки также накладывался плетень или просто плотно прижатые друг к другу толстые прутья. Кровля снизу обмазывалась, сверху на нее насыпали довольно толстый слой глинистой земли. Крыша была двускатной. В XX веке более состоятельные хозяева стали возводить дома с чердачным помещением и кровлей из черепицы. Как отмечают исследователи, с конца XIX века «в результате развития капиталистических отношений и втягивания Северного Кавказа во всероссийский рынок на жилище народов края все сильнее стало ощущаться воздействие русской домостроительной культуры. Это нашло свое реальное отражение в использовании нового строительного материала (пиленых досок, обожженного кирпича, черепицы, кровельного железа и пр.), в улучшении конструкций, появлении печи с плитой и трубой, в увеличении площади окон и остеклении рам, настиле деревянных полов, потолков, стандартной мебелировке помещений и т.д.». (9, 42) Такой модернизированный тип дома могли себе позволить лишь состоятельные люди. Простой люд довольствовался более простыми домостроениями: без чердака, крытыми соломой и глиной, с глиняным полом.

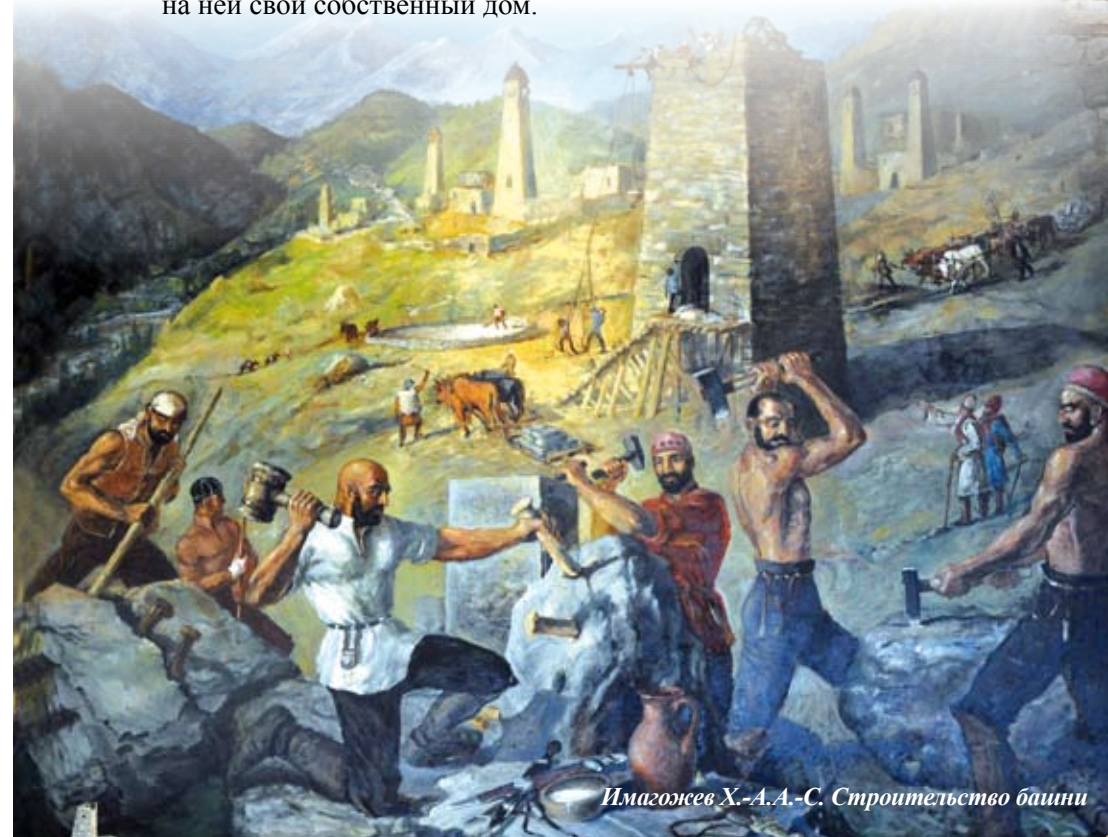
Дома обычно строились длинные и неширокие, примерно 20х5 метров. Вот как описывает дом и прилегающие строения ингуша среднего достатка начала XX века Н. Яковлев:

«Часто к такому неразгороженному, заброшенному на вид двору-пустырю вдалеке примыкают еще один – два дома, это – постройки ближайших родственников, родных или двоюродных братьев хозяина. Сам дом обращен фасадом внутрь двора и производит приятное впечатление чистотой своих выбеленных стен и опрятностью красной черепичной крыши. Фасад украшен во всю длину узкой крытой терраской с перилами и деревянными столбами. Где-нибудь в сторонке, против дома, вы видите сложенную кукурузную солому – главный корм скота. Сена мало, и его берегут к самому трудному времени – весне. Иногда вы можете заметить, как у входа в баз (помещение для скота) на четырех высоких столбах высится над землею копна сена, сберегаемого таким образом и от скота, и от сырости, и от вора. Но вот интересное незнакомое сооружение привлекает ваше внимание: сплетенная из хвороста, выше человеческого роста, длинная и узкая, не более 1 аршина в ширину, большая корзина, или, по-местному, «сапетка». Сверху она покрыта миниатюрной двускатной крышей из соломы или из черепицы. Дощатое дно приподнято на четверть от земли и стоит на камнях или кольях. Это распространенное по всему Северному Кавказу соору-

жение служит для хранения кукурузы в початках, главного хлебного растения, разводимого теперь ингушами и постепенно занявшего у них место прежних проса и пшеницы. Такая узкая, легко проветриваемая сапетка, или, по-ингушки, «доа», вполне приспособлена для хранения легко преющей кукурузы в сырую осень и зиму, которыми так отличается здешний климат». (37, 201-202)

Оригинальным строением предстает деление дома на комнаты. Во-первых, дом строился длинным, с таким расчетом, чтобы каждая комната была отдельной и имела свой выход на террасу.

В центре дома располагалась основная комната, так называемая «комната матери» («найна цла»). Как исключение эта комната могла иметь одну, иногда две смежные с ней комнаты, так как тут готовилась пища для всей семьи и в этой и смежной комнатах на ночь располагались старая хозяйка дома и внуки – дети ее сыновей. Ставшему взрослым и женившемуся члену семьи к дому пристраивали дополнительную комнату с отдельным выходом на уже удлиненную террасу. Но тут постепенно, с дроблением семьи, женившиеся сыновья, если это позволяли размеры земли, стремились выделиться, получить свою долю земли и возвести на ней свой собственный дом.

Имагожев Х.-А.А.-С. Строительство башни

Семья Тутаевых из Таргима. 20-е годы XX века

В стародавние времена очаг («кхуврч») являлся святыней. Древние предки ингушей были огнепоклонниками и, как следствие – солнцепоклонниками. Они оставляли в наследство своим потомкам магические знаки крестов, свастики, спиралей, лучистых кругов – символов огня и солнца и выразителей понятий чистоты, жизни, добра, справедливости и т.д. Один из этих символов автором знамени Ингушетии помещен в его центре: это символическое изображение солнечного круга с тремя отходящими лучами. Лучи эти изогнутые, чем подчеркивается вращение солнца. Оно у ингушей называлось исцеляющим – «дарбан малх», золотым и божественным – «даьла дошо малх». До сего дня сохранилась в народной среде поговорка: «Хоть и грозит пожаром, огонь милее; хоть и грозит засухой, солнце милее». Святость очага в горах сохранялась и в описываемое время. Об этом Н. Яковлев сообщал следующее:

«Каждый вечер хозяйка сгребала железной лопаткой жар на очаге в кучу и, прикрыв сверху золой, приговаривала: «Дай бог, чтобы огонь сохранился» или: «Дай бог, чтобы огонь век был целый». На праздниках на очаг в виде жертвы клали кусочек «хинкала» – род галушек, кусочек сала и т.п. Над очагом висела железная цепь, на которую вешался котел для варки пищи. Эту цепь, теперь давно уже лежащую без упо-

ребления, горец-ингуш хранит и сейчас, как родовую святыню. Он не продаст ее вам ни за какие деньги, считая это делом зазорным для своей родовой чести». (37, 255)

В башнях огонь горел, не угасая десятилетиями и веками. Одним из тяжелейших было проклятие: «Чтоб огонь погас в вашей семье!» («Хьа даь йов цӀи»). Сохранение огня символизировало собою сохранение родового коллектива (семьи) и предохранение его от всяческих напастей. У многих горных хозяек «матерей огня-дома» («цӀен – нана») эти негасимые очаги разом погасли утром 23 февраля 1944 года, когда внезапно и скоротечно началась, проводимая самыми жестокими методами, депортация всего народа в Казахстан и Среднюю Азию. О своих погасших очагах долго еще горевали пожилые женщины, волею злосчастной судьбы не сумевшие сохранить святой очажный огонь, переданный им многими поколениями матерей.

На равнине была совсем другая картина, поскольку там значительно изменился сам образ жизни. Вместо дымных очагов стали появляться камины, а следом и печи. Огонь же по-прежнему еще почитался, но теперь он уже не пользовался столь высокой святостью, которую был наделен в горах.

Важное значение у ингушей придавалось обрядовой стороне вселения в новое жилище, дом. Об этом имеется следующее свидетельство.

«У вайнахов на ночь перед поселением в новый дом помещали петуха и, после того как он кукарекал перед выходом солнца, запускали кошку. Затем в дом входила старшая женщина – хозяйка дома («цӀен-нана»), неся тлеющие угли со старого очага и горшок из-под масла («геба»). Но, прежде чем войти, она опускала через порог горшок, и, если на последний при этом успевало упасть несколько капель масла, это считалось добрым предзнаменованием. После этого женщина резала около очага петуха и его кровью кропила углы и проемы окон и дверей нового дома, а остатками масла смазывала дверные «пяты», а после появления дверных петель – и петли.

До восхода солнца она должна была успеть развести огонь в очаге и замесить тесто. В огонь при этом бросали копчик курицы и концы крыльев зарезанного петуха.

Перед восходом солнца у порога дома собиралась вся семья. При этом мужчины держали в руках по три ветки дуба и граба, а женщины – по три ветки тиса и березы. С восходом солнца они входили в дом – сначала женщины, бросавшие в огонь по одной тисовой ветке и все березовые, а затем и мужчины. Последние складывали дубовые ветки к опорному столбу, а ветки граба – в красный угол. Оставшиеся тисовые ветки раскладывали по углам и под стены». (6, 67-70)

Перенесение горящих углей из старого очага в новый дом знаменовало собою святость, преемственность и неиссякаемость всего того, что связано с семьей и ее жилищем. Из старого дома в новый переносили и веник – это тоже был своего рода акт преемственности от старого жилья к новому. Не только у ингушей, а и у многих других народов считалось, что петушиный крик отпугивал злые силы и каким-то магическим способом способствовал пробуждению солнца. К кошке, врагу грызунов, извечно было почтительное отношение. Также кошка символизировала домашний уют и как бы являлась оберегом жизни и здоровья детей. Различные акции, связанные с солнцем, одни – до его восхода, а другие – с его восходом, несомненно, восходят к давнему времени поклонения солнцу. Тут вспоминаются ритуалы, которые были связаны с древнеиранским божеством солнца Митрой. Например, при поклонении этому божеству необходимо было находиться в пещере (в святилище или другом месте) и выходить из нее для поклонения Митре лишь с появлением солнечных лучей. Так, например, еще в середине XIX века поступали представители некоторых родов, когда они поклонялись своему местному божеству.

К началу XX века многие названные магические обряды, увязанные с новосельем, начали уходить в прошлое. Теперь все чаще стали появляться мусульманские обряды, чтение сур из Корана, проведение «мовлида». Но по-прежнему приносились в жертву домашние животные.

С появлением нового типа жилья, развитием межнациональных связей и капиталистических отношений произошли значительные изменения в ассортименте домашней утвари и орудий производства. Еще в 1892 году исследователь Г. Вертепов отмечал, что в домах ингушей «в последнее время вводится и европейская мебель». (10, 164) В новое время деревянная посуда уже почти не применялась, более ограничено, чем прежде, стала употребляться глиняная посуда. Теперь на первое место стала выходить покупная фаянсовая посуда. В домах появились ранее невиданные самовары, котлы, кастрюли, кружки, ложки фабрично-заводского производства; такого же производства сундуки, зеркала, деревянная мебель. Наряду с традиционными аппликативными коврами все чаще стали пользоваться популярностью узорчатые, чаще всего привозимые с Востока ковры. На них, по традиции, развешивалось как дедовское, так и современное оружие. На видном месте выставлялась гармонь, свидетельствующая, что в этом доме проживает девушка, умеющая на ней играть. В исключительных случаях в домах стали появляться пианино и граммофоны.

Семья: мир и согласие

В жизни человека семья всегда является колыбелью культуры. Через семью, ее устои и традиции формируется носитель культуры, впитывающий с самого рождения сказки и легенды своих предков, традиции отношений между старшими и младшими, между отцом и матерью... Именно здесь человек становится членом своего народа, именно семья закладывает моральные устои и открывает человеку глаза на окружающий мир...

У ингушей много пословиц, поговорок и пожеланий, посвященных семье и

Семья из горной Ингушетии. Конец XIX века

внутрисемейным отношениям. Вот некоторые из них:

- «Двор без семьи (большой), что мельница без помола»,
- «Бездетный дом – тюрьма для души»,
- «Выросший в большой семье уживчив с людьми»,
- «Хороша семья, много благодати в доме»,
- «Семья без надзора – свора бродячих собак»,
- «Огонь гаснет, если не подкладывать дров: родство угасает, если его не поддерживать»,
- «Да не вырастут у нас непослушные сын и брат и неуживчивые в замужестве дочь или сестра»,
- «Сиротское сердце всегда ущемленное»,
- «На том свете жернова будут молоть голову мачехи»,
- «Пусть у нас будет лучше погибший, но хороший сын, чем живой, но плохой»,
- «Брату нужен брат, так же, как и сестре сестра»,
- «Ничто не может быть хуже плохого потомства»,
- «И брат твой тебе не брат, если к тому же он еще не друг тебе»,

«В рай не пустили того, кто не чтит своих родителей»,
 «Сыну достались фрукты от дерева, которое посадил его отец»,
 «Кто плох со своими родителями, у того вырастет жестокосердное потомство»,

«Хорошая жена – рай на земле; плохая – ад на земле»,
 «Нет ничего лучше хорошей жены и нет ничего хуже плохой жены, но, какая бы ни была, все же она должна быть»,
 «Плохая жена – дом без фундамента»,
 «Плохой муж в своей семье урядник, а на людях базарник»,
 «Из никчемного мужчины хорошая жена сделала достойного мужа, плохая же жена обеславила достойного мужчину».

Большое значение в народе придавалось взаимному единству и согласию членов семьи. В народе говорили: «Не дай нам быть главою семьи, в которой царит разлад». Видимо, будет уместным привести здесь любимую в народе притчу «Возвращение Благодати».

«Некто проснулся утром, вышел во двор и увидел, что по свежеевыпавшему снегу идут следы из его дома, но во двор следы не вели. Задумался он и стал гадать: что бы это могло быть?»

Решив выяснить, отправился по следу, который и привел его к пещере. Он крикнул в нее:

– Не оставляя следов к моему дому, но оставляя их, покидая мой дом, кто-то ушел. Кто же он?

Какой-то голос ему ответил:

– Это я, Благодать, которая рассердилась на тебя и покинула твой дом. Зря ты трудился и пришел за мною.

Тогда человек начал просить ее вернуться, говоря, что он обездоленный человек и без Благодати пропадет. Благодать ответила:

– За то, что ты потрудился и пришел за мною, я дам тебе что-нибудь одно: золото, большое хозяйство, здоровье или что-нибудь другое, что пожелаешь сам или твоя семья, но не проси меня вернуться к тебе.

Подумал человек и сказал:

– У меня мало ума. Если ты позволишь, я посоветуюсь дома. Благодать согласилась. Он вернулся домой и все рассказал. Ему стали советовать попросить кто золота, кто зерна. Младшая же сноха сказала: «Попроси нашей семье согласия («барт»): там, где его нет, ничего не будет». Послушал он ее и пошел в пещеру, где у Благодати попросил согласия своей семье. И тогда Благодать сказала:

– Обхитрили вы меня. Даю вам согласие, а где согласие, там должна быть и я, поэтому возвращаюсь к вам.

Благодати не бывает там, где между людьми нет согласия». (25, 215)

По другой притче, «Вопросы Шамиля», народ, считая большим не-

счастьем смерть родных, самым большим несчастьем считает смерть жены, что, по притче, равносильно распаду всей семьи. Вопросам взаимного согласия членов семьи посвящено специальное нартское сказание «Сеска Солса и волк».

«Как-то юный Сеска Солса пас семейную отару. Тут подошел к нему волк и сказал:

– Дай овечку, состарился я, а не то и просить бы не стал. За одну овечку сделаю для тебя три хороших дела.

– Без отцовского позволения я не могу тебе дать овечку, – ответил Сеска Солса.

– Пойди к отцу и попроси у него, я тем временем постерегу ваших овец, – предложил волк.

– Как я могу волку доверить овец?

– Да быть мне отцом семейства, которое не чтит своих родителей; да буду я главою семьи, в которой царит разлад, если я трону ваших овец, – поклялся волк.

Пошел домой Сеска Солса и сказал отцу, что, так-то и так-то, пришел волк и просит овечку, что волк произнес такую-то клятву. И тут отец воскликнул:

– Вернись и всех овец отдай волку, пока он свою клятву не превратил в проклятие!

Но волк взял всего одну овечку». (5, 113-114)

Не зря в текст этого сказания введен именно предводитель нарт Сеска Солса – высокочтимый божественный герой ингушского эпоса. Введение в нравоучительные народные повествования имен пророков, героев эпоса, известных исторических личностей призвано возвеличить саму главную идею, которой это повествование посвящено. В примечании к приведенному тексту (5, 114) дается пояснение к словам отца Сеска Солсы «...пока он свою клятву не превратил в проклятие» следующего содержания: «Ингушские благопожелания и проклятия часто предстают взаимной антитезой. Приведенная здесь волчья клятва могла бы быть легко переименована в проклятие: «Чтоб тебе быть отцом семейства, которое не чтит своих родителей; да быть тебе главою семейства, в котором царит разлад!».

*Ингушская женщина,
начало XX века*

У народа отношение к проклятиям самое суеверное. Не зря в сказании отец Сеска Солсы предстает настолько встревоженным, что готов незамедлительно всех своих овец отдать волку.

Почтительное отношение к родителям считается едва ли не первым качеством благородного человека – «эзди». Так, в народной среде бытует легенда, в которой повествуется, что Юсуп (библейский Иосиф), сын пророка Якуба (библейский Яков), став царедворцем при фараоне, не встал со своего места, когда вошел его отец, и потому-то Юсупу не достался сан пророка, хотя изначально он ему и был предназначен. (25, 198) Эта библейская легенда стала почитаемой в ингушской среде именно благодаря тому, что ярко, доходчиво и убедительно преподносит идею о том, что потомки обязаны с особым почтением относиться к своим родителям. А в том, что библейский сюжет является равноправным среди ингушских легенд, нет ничего удивительного, поскольку в исламе, как и в иудаизме и христианстве, чтится Библия (по-ингушски – «Товрат», т.е. Тора).

Благодаря тому, что в народе высоко превозносится крепость семейных уз, взаимное согласие членов семьи, возвеличивается роль родителей, разводы были крайне редки, и почти не было случаев, чтобы старые родители или немощный член семьи остался незащищенным или брошенным. Развод считался большим несчастьем,

Ингушская семья. 30-годы XX века

особенно это касалось женщин, у которых было мало надежд обзавестись новой семьей. Лишь изредка разведенная могла быть засватана вдовцом или взята замуж в качестве второй-третьей жены многоженца.

В давние времена из-за кровной мести, вражды и войн мужская половина населения была в меньшинстве. Ликвидации нарушения баланса полов служило практиковавшееся еще в доисламский период многоженство. Ислам же его узаконил, позволяя мужчине иметь до четырех жен. Но при этом должны были соблюдаться следующие предписания: мужчина мог себе позволить иметь нескольких жен лишь при условии, что он имел материальные возможности их содержать; к тому же многоженец был обязан уделять во всем равное внимание всем женам. Многоженство в то время было более распространенным. Оно не являлось прихотью мужчин, часто объяснялось бездетностью первой жены или ее болезненным состоянием. Бездетность, особенно отсутствие наследников мужского пола, считались большим несчастьем. «Чтоб ты остался без потомства!» («Фу хадалда хьа!») – таково было одно из самых тяжелых проклятий. В бездетности чаще всего обвиняли жену, хотя нередко в этом был виноват и сам муж. Предыдущую жену (или жен) оставляли в семье, чтобы они не испытывали горькой доли одинокой женщины. Довольно низкий экономический уровень не способствовал широкому распространению многоженства. В основе ингушского общества находилась семья моногамная. О многоженстве в народе складывались веселые песни:

«Зачем двоеженцу идти на базар –
Ведь большой базар царит в его доме!
Зачем троеженцу идти воевать –
Ведь большая война идет в его доме!»

Вместе с тем в повседневной жизни ингушей много примеров благополучия и согласия в подобных семьях.

Наряду с некоторыми фактами многоженства той поры имели место случаи, когда мужчина иногда до преклонных лет оставался холостым из-за отсутствия материальных возможностей.

Весьма специфической особенностью внутрисемейных отношений у ингушей является полное взаимное избегание зятя и тещи. Хотя этнографы трактуют этот обычай тем, что он якобы восходит к отдаленным временам, когда происходили половозрастные и родственные запреты, призванные регулировать брачные взаимоотношения людей, в народном понятии этот запрет будто бы был введен предками в интересах сохранения целостности семьи. Об этом народная память гла-

сит: некогда на общенародном совете («мехка кхел») было вынесено решение – мужчина не может быть полновластным хозяином в доме, в котором находится теща, и потому она и зять обязаны избегать взаимного общения. Впрочем, этот довольно строгий запрет и в наше время имеет силу.

Ингушская женщина

Несмотря на огромное почтение и уважение, с одной стороны, с другой – жизнь ингушской женщины была нелегкой: на ее плечи ложились многие хозяйственные работы; она обязана была позже всех ложиться и раньше всех вставать; непременно должно было быть ее подчеркнуто уважительное отношение к свекрови и свекру. Так, женщины в песнях жаловались на свою судьбу:

«Говорят, иней лег на вершину Казбека.
Говорят, лед сковал воды Терека.
Иней тот ведь ветер унесет,
И лед лучи солнца растопят.
Но кто ж с моей головы иней развеет
И кто растопит на сердце моем лежащий лед?»

Имагожев Х.-А.А.-С.
Девушка в курхаре

В недалеком прошлом так называемые борцы с пережитками прошлого утверждали, что горская женщина была чуть ли не рабыней. Конечно же, это далеко от истины. Какой мужчина будет, как с рабыней, обращаться со своей матерью, сестрой, дочерью и, наконец, с матерью своих детей? Разумеется, все обстояло не так просто. А разве легче была доля мужчины – воина-защитника, пахаря, дровосека и охотника? В ингушском обществе женщина была весьма почитаема и защищена. Она являлась хранительницей очага, мира, согласия и спокойствия в доме. Святое слово «Родина» по-ингушски

звучало «Наьначе» – в приближенном переводе: «материнская земля». В народе бытовали термины «Нана-Галг1айче» – «мать Ингушетия», «Нана-Наьсаре» – «мать Назрань». Поединок двух сражающихся прекращался, если между ними становилась женщина, бросавшая на землю снятый с головы платок.

Убить женщину означало нажать себе, вместо одной (как за мужчиной), две кровные мести и плюс к тому же – вечный позор, передававшийся даже потомству. Строжайший запрет существовал и на убийство женщины, как ответчицы за кровную месть, а вот сама женщина при этом могла вооруженной рукою свершить акт кровомщения, но и при этом никто не имел права поднимать на нее руку. Бить жену считалось уделом ничтожных мужчин. Жизнь, честь и достоинство женщины, как святыню, оберегали ее отец, муж, братья и сыновья. Идеальный образ женщины воплощен в нартских героинях Села Сата и Маьлха Аза, в народных преданиях. Так, в одном из них сестра мужественно мстит за кровь невинно убиенных своих семерых братьев. Тема взаимоотношений мужа и жены довольно развита в произведениях устного народного творчества. Например, в притче «Настоящий мужчина с женою не дерется».

«Известному мужчине Уциг Малсагу необходимо было поехать к шамилевским наибам. В этом опасном пути ему нужен был мужественный и храбрый попутчик. Начал он людей расспрашивать, и ему посоветовали: «Есть известный абрек Умарий Элла. В бранных делах только он может уступить тебе».

С помощью односельчан абрека Уциг Малсаг дошел до его дома. И тут он увидел мужчину крупного сложения, который вел себя покладисто перед женой... За воротами мужчина столкнулся с Уциг Малсагом. Разговорились, и Уциг Малсаг узнал, что этот мужчина как раз и есть тот самый Умарий Элла.

Уциг Малсаг не сказал ему о цели своего приезда, попрощался и поехал далее. В этой поездке он погиб. Говорят, после этого Умарий Элла часто горестно восклицал: «Эх, Уциг Малсаг! Если бы ты взял меня с собою, то ты погиб бы только после меня! Не успел я тебе сказать, что настоящий мужчина не тот, который храбрится перед женщинами». (25, 207)*

Житание

Ингушские пословицы и поговорки гласят: «Пустой мешок не стоит» («Даьсса гали уралаттац»); «Продрогшего лучше, чем печка, еда согревает» («Шелвеннача йайхача пишкал дайха даар тол»); «Кто любит меня, тот любит мой живот» («Со везачоа са гийг еза»); «Горячая каша лучше длинной болтовни» («Дяьхача хабарал дайха худар тол»). Из приведенных народных изречений наглядно видно, какое большое значение в народе придавалось пище.

В описываемый период, если подходить обобщенно, питание ингушей было не на должном уровне, что, естественно, сказывалось на здоровье нации. В этой связи Г. Вертепов отмечал:

«Вообще ингуши очень умеренны в пище и довольствуются тем, от чего русский крестьянин давно бы умер с голоду; кусочек сыру и чашка кислого молока зимою, арбуз и головка луку летом, с кусочком ячменной или кукурузной лепешки, вполне удовлетворяют ингуша, как и всякого другого туземца Северного Кавказа». (10, 179)

Конечно же, у каждого народа своя кулинария, свой пищевой рацион, всецело зависящие от среды проживания, типа хозяйствования и т.д. К примеру, у русских в прошлом существовала поговорка: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Понятно, что это изречение могло возникнуть во времена, когда началось более тесное сближение двух народов (в Петровские времена), нечто подобное происходило и при активном взаимодействии горцев и русских. Весьма показательна в этом отношении анекдотичная притча: «Пришел казак в гости к ингушу. Но он был настолько беден, что поставил на стол ту пищу, которую обыкновенно потреблял. А это были кукурузный чурек и чашечка кисло-соленого раствора, в котором сохранялись сыры. Еда, прямо

*Малсаг Уцигович Долгиев, российский офицер, и его сподвижники были убиты, когда они ехали на мирные переговоры, чтобы прекратить затянувшуюся кровавую войну. Эта личность в ингушской среде пользуется большой популярностью. С нею связано немало преданий, повествующих о благородстве и мужестве. Умарий Элла был благородным и мужественным человеком, активным борцом против самодержавия, а затем (в середине XIX века) эмигрировал в Турцию.

сказать, совершенно чуждая казаку. Гость, поблагодарив за гостеприимство хозяина, вернулся домой и поведал следующее:

– Кунак поставил мне кушать «точило» и «мочило». Точило я все же кое-как съел, но вот мочило было настолько злое, что я никак его кушать не смог».

Здесь необходимо пояснить, что при заточке инструментов точильный камень смачивают и потому рядом ставят емкость с водой, в которую периодически окунают затачиваемый предмет.

Прежде чем коснуться народной кулинарии, необходимо обратиться к ассортименту продуктов питания. Их можно подразделить на мясомолочные, хлебные, растительные и др. Наиболее доступной и ценимой была баранина. Ценилось и более редкое мясо коз. Менее доступным, но также желанным, было мясо крупного рогатого скота (говядина, буйволятина). Употреблялась и конина. Впрок заготавливали вяленое мясо, обычно – баранину: приготавливался рассол, в который добавляли разные душистые, отпугивающие насекомых травы: мясистые части надрезались, чтобы туда мог проникнуть рассол; продержав мясо в рассоле в течение определенного времени, его вывешивали под навесом и оно вялилось на воздухе. Часто вяленое мясо выручало хозяина, когда к нему приходил гость. Впрок заготавливался и кур-

дьюк: его соответствующим образом надрезали с двух сторон и он растягивался, словно мехи гармошки, затем его обильно пересыпали солью и также вывешивали на просушку. Такой курдюк становился слегка прозрачным и долго сохранялся. Летом все эти продукты вялились на ветру. Зимой их подвешивали над очагом или печкой. Мясо, подвешенное над очагом, не только проявлялось, но и копилось на дыму и потому дольше сохранялось. Традиционно в почете была курятина. Нередко она выручала хозяина при приеме не столь редкого гостя. Позднее в хозяйстве ингушей стали появляться индюки и гуси. Считалось проявлением особенного уважения, когда на стол ставилась приготовленная индюшатина.

Гусь не пользовался популярностью, хотя и употреблялся в пищу, но ценилось гусиное перо. Позднее стали разводить уток, но не для еды, а для добычи пера. Неупотребление в пищу уток ранее объясняли тем, что их противное кряканье якобы является одним из голосов, исходящих из ада, при этом самих уток называли то «боабашк» (тюркизм), то «адские лягушки» («жожаглатара пхьидаш»). Но такое отношение к уткам длилось недолго, и люди вскоре оценили их вкусовые качества.

Молоко в цельном виде ингуши, за редким исключением, не употребляли, предпочитали пить простоквашу («ета шура»), из нее же готовили творог. Он мог быть жирным или обезжиренным, смотря по тому, были с молока сняты сливки или нет. Творог («кюлд») мог заготавливаться впрок. При этом его спрессовывали в небольшие круги, которые хранились в кадках, наполненных подсоленной сывороткой («мордз»). Для приготовления сыра использовалась специальная закваска-сычужка («шоа»). Она делалась следующим образом: желудок ягненка наполнялся молоком, предпочтительно молоком первого надоя — молозивом («пкьи»), перевязывался с двух сторон и подвешивался над очагом (печкой). Постепенно он усыхал, находящееся в нем молоко также усыхало до пастообразной консистенции и уже могло идти в употребление. Небольшой щепотки этой массы хватало на то, чтобы заквасилась сырная паста. С помощью дуршлага ее прессовали в круги-сыры («нахча») и так же, как и круги творога, хранили в кадках с соленой сывороткой.

С особой остротой вставал вопрос о приобретении соли, которая в начале XX века уже продавалась в лавках, а до этого добывалась в

солеварнях в местечке Берхате. Там из колодцев доставали круто соленую воду, из которой на печах выпаривали соль, имевшую хорошие вкусовые качества. Во второй половине XIX века этот источник был объявлен казенным владением — продажа соли была прибыльным промыслом. Также до появления соли из России ее покупали у кумыков. Соль нужна была не только для обычного употребления в пищу, но и для сушки (вяления) мяса, курдюка, для приготовления раствора, в котором хранились круги творога, сыров.

Прокисшее молоко покрывалось сверху сметаной («тлоа»), ее сгребали специальной ложкой. В основном сметана шла в пищу в цельном виде. Из нее же делалось сливочное масло («налх»). Этой цели служили как остроудонные большие глиняные кувшины («кувра»), так и маслобойки («кьулг»), в которых пестом («пицха») взбивалась сметана. Кувшин же песта не имел, его просто раскачивали и тем самым взбивали масло. Процесс этот был довольно длительный и однообразный. Видимо, поэтому данный вид работы сопровождался небольшой трудовой песенкой. Эту работу делали женщины и дети. Раскачивая, желая, резкими движениями, кувшин со сметаной, они в такт работе напевали следующую песенку:

«Кура, кура, кура ба,
Курал дукхагIа налха ба,
Тиркал дукхагIа шара да...

«Кура», «кура», «кура» есть,
Больше «куры» масло есть,
Больше Терека пахта есть...

В этой песенке вместо Терека могла называться и другая река, например, Камбилеевка («ГIалми»), Сунжа («Шолж»), Асса («Эса»), Фортанга («Фарта»). Песенка не только скрашивала однообразный ритм работы, она же как бы магически выражала желание получить как можно больше продуктов этого труда.

Из сливочного масла, путем его прожарки, извлекалось масло топленое («дежа дайтта»). Завозное растительное масло в Ингушетии стало появляться лишь в начале XX века.

Маслобойка и чаши

Наравне с пшеничной и кукурузной мукою на мельницах умудрялись молоть кукурузную сечку – «ишк» и витаминную муку из смеси сухофруктов (чаще – груш) с прожаренным зерном. В результате появлялось толокно – «цу».

Свое место в ассортименте продуктов питания занимали яйца домашней птицы, мед, орехи и фрукты. Выращивали лук, чеснок, фасоль, картошку и прочие культуры.

В повседневном питании горца преобладали молочные и мучные блюда. Вот некоторые из них:

«Маькх» – хлеб из пшеницы (ржи, ячменя).

«Сискал» – хлеб кукурузный (раньше – из проса).

«ХьалтIам» – галушки из пшеничной или кукурузной муки. Варили еще и крупные галушки из кукурузной муки («селий хьалтIам»).

«Олг» – лепешки из пшеничной или кукурузной муки.

«Топаш» – колбаски из кукурузной муки, печенные на углях. Также пекли початки молодой кукурузы.

«Гарзаш» – лапша из пшеничной муки, варенная в молоке. Также могла вариться и в бульоне.

«КЮ» – мамалыга из кукурузной сечки. На блюдо с мамалыгой клали измельченный творог, иногда поливали маслом.

«КЮдар» – творог в топленом масле и «ета шура» – простоквашу ели с хлебом или чуреком.

В натуральном виде, также с хлебом или чуреком, ели «пкьи» – молозиво, «шар» – пахту, «тIоа» – сметану, «налх» – сливочное масло, «лок» – остаток после топленого масла.

Следующие блюда изготавливались с начинкой:

«Чаьпалг» – лепешка, начиненная творогом с зеленью или картошкой, своего рода тонкий пирог.

«Хингал» – длинный пирожок, начиненный вареной тыквой. Начинка могла быть творожная, картофельная, мясная.

Эти два блюда могли также жариться на жиру или топленом масле. Однако более правильным считалось сначала их просто испечь на сухой сковородке (печной плите), затем обмакнуть в кипяченой теплой воде (для смягчения), затем обмазать топленым маслом или же масло подать в отдельной пиалке.

Коронными считались мясные блюда:

«Дулх-хьалтIам» – вареное мясо с галушками и соусом.

«Кхерза дулх» – мясное жаркое с разными специями.

«Кхерза думи» – слегка поджаренный сушеный курдюк, обсыпанный мукою.

«Мухь теах сискал» – чурек, в котором запекался внутренний жир животных.

«БIар» изготавливался двух видов: 1. Куски желудка, начиненные рубленными печенью, легкими, сердцем, внутренним жиром, затем зашивались и варились. 2. Из хорошо очищенных бараньих кишок сплетали толстую косу и варили ее.

«Датгараш» – жаркое из потрохов животных.

В местной кулинарии большое место отводилось «берхIа» – соусу (приправе, подливе). Он был разных видов. Самым элементарным был «миста берхIа» – кисло-соленый раствор, в котором хранились круги сыров или творога. Чурек («сискал») имел свойство быстро черстветь, и, чтобы не есть его всухомятку, куски чурека макали в этот раствор (вспомним «мочило») и съедали. Для блюда «дулх-хьалтIам» делали специальный мясной соус, который назывался «дулха берхIа». Соус под птицу имел свой рецепт и назывался «котам-берхIа». С началом разведения картофеля появился соус «коартолий берхIа». По сути, это тот же традиционный соус, но уже с добавлением жидкого пюре. Основными компонентами этих двух видов соусов являлись бульон, соль, перец, чеснок, лук, яйца, мука, сметана, разные душистые травы. Эти компоненты употреблялись в разных пропорциях. Тут некоторые хозяйки имели свои секреты в изготовлении этих соусов. По большей части от них зависел вкус мясных блюд. Помимо соуса («берхIа») на стол всегда в отдельных плошках («цIазилг») ставили соль, перец, толченый чеснок.

Угощение (гостевое)

Угощение по случаю разных торжеств (свадьба, новоселье, рождение ребенка и др.) было особенным и обильным. То же самое относится и к приему гостя. Правда, тут могли быть некоторые нюансы, учитывающие степень важности гостя. В одних случаях достаточно было приготовить курицу, но для особо почтенных гостей резали барана.

Свое отношение к гостеприимству народ выразил в некоторых пословицах:

«Ни бог Дяла, ни люди не любят того, кто не любит гостя»,

«Сорной травой зарастает дорога к дому, в котором гостей не принимают»,

«Тот, кто умеет достойно принять гостя, тот умеет с людьми ужиться»,

«Пришел гость – раньше встань и позже ляг».

Видимо, иногда гостеприимством злоупотребляли или оно бывало в тягость. Тогда-то и родились следующие пословицы:

«Гостям – веселье, хозяйке горе» (большие заботы),

«Более любезным становится плохой хозяин, когда гость собирается уходить»,

«Приятно видеть лицо приходящего гостя, но также приятно видеть и его спину, когда он уходит»,

«Спина гостя золотая».

В начале 20-х годов прошлого века (что характерно и для предыдущего времени) Н. Яковлев довольно внимательно пронаблюдал за тем, как угощают гостя:

«Хозяин извиняется и просит закусить, пока не поспеет более солидное и почетное, с точки зрения ингуша, кушанье – баранина. Перед вами в центре стола, в большой круглой фаянсовой чашке, какие обычно изготавливались нашими заводами для Туркестана и других стран Востока, налита золотисто-желтая густая теплая жидкость, в которой вы различаете мелко крошенную беловатую массу творога (имеется в виду «кюдар»). По краям стола перед гостями разложены плоские круглые лепешки из кукурузной, а иногда и из пшеничной муки. Для вас, как для русского, предусмотрительно положена чайная ложка; в стаканы наливается чай. Вы еще соображаете, как приступить к этому невиданному кушанью и что оно собой представляет, как ваш сосед, пожилой ингуш с белой повязкой вокруг головы (хаджи –

побывавший в Мекке), отламывает кусок кукурузного «чурека», как называют на Кавказе выпеченный лепешками хлеб из пресного теста (по-ингушки «сыскал»), и, степенно макая его в поданную жидкость, ловко зачерпывает беловатую массу, отправляя все вместе себе в рот. Другой ваш сосед проделывает то же с помощью чайной ложки, с аппетитом заедая чуреком. Не боясь уже попасть впросак, вы следуете их примеру. Золотистая жидкость оказывается прекрасным, душистым растопленным маслом, в которое крошен соленый коровий творог. Все вместе представляет довольно приятное кушанье, относимое ингушами к разряду «почетных», и удобное по быстроте и легкости приготовления. Поэтому оно обычно и подается гостю в виде закуски, чтобы не слишком томить его ожиданием более основательного угощения». (37, 209-210)

В прежние времена гость обычно проделывал нелегкий, порою долгий путь и, естественно, бывал голоден. Поскольку «основательное угощение» ингушские женщины готовили долго и со всей тщательностью, чтобы не уронить свою честь хозяйки, гостю для начала ставили еду попроще, чтобы он мог несколько утолить свой голод и спокойно дожидаться. Вплоть до XX века и несколько позже в домах (в горах) имелась довольно широкая и неглубокая круглая деревянная посуда, которая называлась «гий». В центре посуды клалась горка кусков вареной баранины, вокруг которой раскладывались галушки. Перед каждым из присутствующих ставились пиала («кадаклиг»), в которой находился соус («берхла»), и тарелочка. Обычно мужчины имели небольшой подкижальный ножичек («мукх»), которым они пользовались для мелких нужд, в частности, для разрезания куска мяса на мелкие ломтики. Они, и попеременно с ними галушки, обмакивались в соус и поедались. В наступивший более цивилизованный период XX века эти широкие плоскостонные посуды («гий») стали исчезать и вместо них, ранее и чаще всего на равнине, мясо стали раскладывать на фаянсовые блюда. На них же отдельно клались галушки. Это главное угощение для гостя также не осталось без внимания Н. Яковлева:

«Вот, впрочем, несут и для вас на столике угощение: в середине блюдо с вареной бараниной, тут же в миске жидкая сильно посоленная подлива из бараньего бульона с луком или чесноком. На втором блюде – вареные, совершенно пресные на вкус клецки (галушки) из кукурузного теста, заменяющего всякий иной хлеб. С мясом иногда подается несколько вареных картофелин... Клецки и куски мяса непрерывно макаются в подливу, заменяющую соль... Наконец с мясом покончено, и вас спрашивают, не желаете ли вы бульона... Если вы не постесняетесь попросить бульона, вы не раскаетесь. Вам подадут большую чашку ве-

ликолепного, крепкого, обыкновенно несоленого и заправленного только кукурузной мукой бульона». (37, 213-214)

Но как убедить гостя, что мясо, поданное на стол, это не остатки для кого-то ранее зарезанного барана или мясо не было одолжено у соседей? Хозяин, желая убедить гостя, что баран был зарезан именно в его честь, после поедания мяса и перед тем как предложить бульон, ставил перед тамадой стола главное и довольно широкое блюдо, на котором непременно лежали вареные голова барана, грудинка и курдюк. Перед варкой голова барана рассекалась вдоль на две половины, а затем перевязывалась нитями. По рассказам, в давние времена было принято, перед тем как резать, барана показывали гостю. К описываемому времени это перестали делать, исходя из этических соображений (дескать, неприлично хозяину хвастаться, а гостю сомневаться в его чистосердечности). Обычно тамада от всех трех частей отрезал по кусочку и передавал блюдо сидящему справа от него, и так блюдо проходило по кругу. Иногда тамада мог позволить себе следующее: он отрезал баранье ухо и просил передать такому-то (или сидящему за столом, или обслуживающему), что могло означать – «слушай внимательно», или «глаз» – «будь зорче», иногда кусочек языка – «не говори лишнего». Но это делалось редко, да и то в более или менее дружеской компании.

Часто гостевое угощение довольно долго задерживалось из-за длительности процедуры приготовления бараньей головы. Ее смолили, очищали все полости; все это окатывалось кипятком и вновь чистилось, и лишь затем она варилась.

В отличие от мяса курдюк не принято было жевать: его небольшие кусочки полагалось заглатывать целиком.

Бывали и такие исключения: в молоке целиком, или разрезанный пополам, варился ягненок (козленок) и ставился на стол с соответствующим соусом, приготовленным из его же бульона.

Особо следует остановиться на чае. Чаепитие стало первоначально появляться в богатых домах, следуя примерам городских богачей, затем оно постепенно стало приобретать

широкое распространение. Чайный лист и особенно сахар являлись предметами роскоши, и они обычно берегались для гостей или каких-то торжеств. По традиции, даже сегодня ингуш, приглашая кого-либо в гости, никогда не скажет, что он накроет обильный стол, а просто предложит гостю зайти на чашку чая. Случается, что человек, не знакомый с этими тонкостями этикета, заходит в гости именно с желанием попить чаю, но затем бывает удивлен, что чай почему-то долго варится, а затем вместо него на стол ставится гостевое угощение, которое лишь потом завершается чаепитием. Есть даже такая шутка: «Знаем мы ингушский чай».

Беседа о народных традициях

Не для гостей, а в обиходе употреблялся так называемый «калмыцкий чай» («галмакхий чей»): в кипятке слегка провариваются плиточный чай, определенные травы; добавляются молоко, немного масла, соль и перец – все по вкусу. Это несколько бодрящий напиток. Обычно им сопровождают обед из чурека с сыром или «чяпилгаш» – лепешки с начинкой.

Этикет предлагал человеку идти в гости не натошак, чтобы не выдать своего голодного состояния. Гость всячески пытался показать, что он ест не потому, что он голоден, а потому, что он не желает обидеть хозяина. Если, бывало, рядовому гостю (родственнику) ставили яичницу из трех яиц, он съедал два и оставлял недоеденным одно.

В народе существует такая притча.

«Жили муж, жена и сын. Как-то муж умер. На похороны приехал брат жены и, прощаясь, сказал:

– Пусть твой дом не постигнет большое несчастье.

На что старуха ответила:

– Ничего, все в руках Всевышнего. Бывает и большее несчастье.

Случилось, что вскоре умер сын старухи. Опять же, прощаясь, ее брат пожелал, чтобы ее не постигло еще большее несчастье. И тут старуха ответила, что бывает и большее несчастье.

Прошло время, и брат этой старухи решил: «Совсем она осталась одна, надо мне навестить ее». Приехал он к ней и видит, что старуха

весьма печальна. Она бросилась во двор и стала осматривать курятник, затем понуро вошла в дом и сказала брату:

– Вот и наступил тот день самого большого несчастья, о котором ты говорил: мне нечего поставить тебе на стол, даже куры сегодня не принесли ни одного яичка».

В народе говорят: «Хороший гость приходит прямо к ужину». Достоинство принять гостя – честь для хозяина, и потому важным правилом гостеприимства является достойное угощение гостя.

Хорошо, если хозяин имеет достаток, а если он бедствует, как тут быть? Обычно гость, по себе зная, насколько обременительно предоставить достойное угощение гостю, стремится не быть обузой малоимущим хозяевам. Если все же это произошло, то долгом соседей, а в селах они обычно бывали и родственниками, было помочь хозяину, выручить его из сложившейся ситуации.

Издревле бытует выражение: «Они вместе переломили хлеб». Сотрапезничество воспринималось как акт заключения дружбы. Едва ли не заключением родства и принятием обязательства взаимной помощи считалась гостевая трапеза. О том, какое значение прежде придавалось тому факту, что в вашем доме человек вкусил хлеб, убедительно и наглядно повествует и народная притча:

«Некие братья пленили своего самого большого врага. Он жестоко покончил с их отцом, а им причинил много вреда, и потому братья решили

убить его, но сделать это как-нибудь по-особому. Крепко связали они его веревками и заперли в доме. Они должны были по срочному делу отлучиться из дома и потому наказали матери:

– Мы уходим на три дня и три ночи. Вернувшись, мы воздадим должное нашему врагу. В наше отсутствие не давай ему ни пить, ни есть, ничего не давай, как бы он ни просил.

Братья ушли. Прошел день, за ним второй. На третий день пленник попросил у старухи:

– Принеси мне хоть немного еды и воды, не дай мне умереть в мучениях.

– Мне наказывали ничего тебе не давать, – ответила старуха.

– Да отлучит тебя твой Бог от себя, если ты будешь столь жестока ко мне! Завтра убьете меня, я готов к смерти, но сегодня дай мне глоток воды и немножко еды, – попросил пленник.

Пожалела его старуха и дала ему воды и еды. Пришли братья домой и, как только увидели пленника, спросили у матери:

– Дала ли ты ему воды и еды?

– Да, – призналась мать.

– Что же ты наделала? Как же мы теперь убьем человека, вкусившего наш хлеб? Придется отпустить его, – сказали братья и отпустили пленника с миром, чтобы потом изловить его вновь.

Раз он отведал пищу в их доме, он уже не являлся пленником, а был гостем». (18, 422-423)

Кроме обычной пищи и пищи для гостей и торжеств имелась еще и дорожная пища («наькъа хьош бола кхача»), которую брали с собою, уходя в дальний путь, на охоту. В этих случаях собирали продукты, не портящиеся и не требующие долгого приготовления. На первом месте тут был курдюк – он хорошо сохранялся, и его достаточно было лишь слегка поджарить над костром, предварительно нанизав на прутик. Вторым важным продуктом было толокно («цу») – мука из прожаренного зерна, иногда с добавлением сухофруктов. Его («цу») можно было употреблять вместо хлеба в натуральном виде, но поскольку это было не так просто из-за его большой вязкости во рту, его предпочитали разводить с водою в походной чашечке. Пастухи имели возможность разводить это толокно в молоке. Хорошо сохраняющимися были («даьтта») продолговатые колобки, сделанные из толокна и топленого масла. Брали с собою и сыр, который мог сохраняться в течение нескольких дней. Изредка, на первые день-два, могли прихватить с собою и жареное мясо.

Существовало правило, выраженное в следующей поговорке: «Если отправляешься в дальний путь и при этом хорошая погода, все же прихвати что-нибудь накинуть на себя, и, если ты к тому же сыт, все же прихвати

А. Чахкиев. Страна вайнахов

с собою еду». Такая поговорка могла появиться лишь в результате немало-го житейского опыта.

С воцарением мира на Северном Кавказе, с активным проникновением во все сферы жизни капиталистических отношений, с активизацией межнациональных связей и появлением отходничества на рубеже веков в местной среде стали возникать новые столовые культуры (прежде всего огородные) и новые рецепты блюд (борщ, пюре, холодец и пр.). Историки отмечают:

«Из всех элементов материальной культуры народов Северного Кавказа пища оказалась наиболее устойчивым. Она продолжала оставаться в своей основе традиционной. Однако происшедшие в конце XIX – начале XX веков социально-экономические изменения не могли не сказаться и в пище». (20, 506)

Утварь

На рубеже веков стали происходить немалые изменения и в изготовлении и применении разнообразной утвари, посуды.

Вместо тяжелых и легко бьющихся терракотовых кувшинов для носки и хранения воды все чаще стали появляться медные или латунные высокие кувшины с узким и кверху расширяющимся горлом. Это была исключительно женская (скорее – девичья) посуда. Мужчины по воду не ходили. Эту обязанность с удовольствием брали на себя девушки:

они имели возможность общаться у водного источника, туда же юноши приводили на водопой своих коней. Бывало, как рассказывают, девушки умыленно дома как можно быстрее растрчивали воду, иногда поливая ею двор, чтобы была возможность лишний раз сходить за водою. Нередко водный источник служил местом знакомств, свиданий. Стали появляться в употреблении также металлические небольшие кувшинчики, тазы и крупные лохани («чара»). Кувшинчики и тазы служили для умывания и омовений. Позднее их место стали занимать металлические рукомойники. Большие тазы служили для стирки, купания и для других нужд. О появлении самовара Л. Семенов в 20-30-х годах XX века писал следующее:

«Лет тридцать назад Пацы (житель селения Гули) приобрел медный самовар – первый в Цоринском обществе. В то время такая покупка была диковинкой, о которой много и долго говорили в соседних селениях». (31, 128)

По-прежнему в быту употребляли более доступную деревянную посуду. По историческим источникам: «Одним из основных методов изготовления посуды было выдалбливание. Готовый предмет подвергали кипячению, смазывали жиром и сушили. Несмотря на примитивность орудий деревоотделочного производства, изделия получались прочные, удобные и по-своему красивые. Распространена была для украшения и резьба по дереву. Применялся геометрический и растительный орнамент». (20, 72-73)

Значительные изменения стала претерпевать и домашняя утварь. Вместо нар («поднар») все чаще

Кувшин для воды, подушечка, лента

Деревянные ложки, совок

стали употреблять деревянные и, следом, железные кровати, хотя нары довольно долго сохранялись. Стали уходить в прошлое небольшие трехножные деревянные столы и стульчики. Их место стали занимать домашнего изготовления квадратные столы на четырех ножках. Городские жители имели возможность приобретать их в продаже. Лавки стали заменяться покупными стульями или табуретками местного изготовления. О внутреннем убранстве ингушского жилища довольно подробные наблюдения были сделаны Л. Семеновым:

«Кровати аккуратно прибраны, покрыты одеялом; на каждой кровати по две или по четыре подушки в белых наволочках. Нары покрыты циновками и войлочными ковриками. В одном углу сложены запасные коврики, одеяла и подушки. Иногда кровать бывает сплошь покрыта белой бязью. На окнах часто видны занавески. В этой комнате поставлены предметы получше: вывезенные из города комод, небольшой стол, покрытый клеенкой, один – два сундука, несколько стульев. На стенах развешаны лучшая одежда, бурки, оружие (кинжалы, винтовки, револьверы, шашка), козья шкура, употреблявшаяся во время намаза. На комод или столе поставлены лампа, маленькое зеркало, графин для воды, самовар, чайная посуда. Украшениями служат многоцветные войлочные ковры,

семейные фотографические карточки, лубочные картинки, бумажные цветы, красочные плакаты агитационного характера или кинопостановок, бархатные, расшитые золотом и серебром, крючья для полотенец и карманчики для часов, денежные знаки, вышедшие из употребления, – дореволюционные ассигнации «керенки», встречаются лубочные рисунки религиозного характера с арабским текстом. На стену вешается пучок душистой высушенной травы. Здесь же встречаем музыкальные струнные национальные инструменты старинного образца и гармоники, а также швейные машины и чемоданы из крашеной фанеры». (31, 127-128)

Наличие хорошей утвари и посуды являлось предметом гордости хозяек дома. Все лучшее и красочное стремились поместить на самом видном месте. На кровати, подушке, столе и стене девушки помещали предметы своего рукоделия: полотенца и накидки с вышивкой; различные коробочки, чехлы и пр. Все это должно было свидетельствовать, что в этом доме живет искусница – мастерица на все руки. Вся посуда и утварь должны были иметь опрятный вид и вычищены до блеска. Иногда молодые люди, придя на смотрины, пытались белым платочком провести по укромным местам и тем самым выяснить, насколько чистоplotна девушка, живущая в этом доме.

Одежда

Повествование об одежде того периода начнем со следующей цитаты:

«Традиционная одежда вайнахов (чеченцев и ингушей) принадлежит к тем наиболее важным элементам материальной культуры, в которых очень ярко отразились многовековая хозяйственная деятельность народа, его культурные традиции и художественные вкусы, мировоззрение, взаимоотношения и контакты с другими народами. Постоянно возникающие и возрастающие потребности в одежде вайнахи в прошлом успешно удовлетворяли в основном за счет богатейшей местной сырьевой базы (в частности,

в крае издревле были широко развиты скотоводство и охота), хотя активно использовались также и привозные материалы (ткани, отдельные виды готовой одежды, украшения и т.д.). (35, 3)

Выявляя ассортимент одежды жителей той поры, прежде всего, необходимо провести разделение на

одежду мужскую и женскую, затем необходимо рассмотреть верхнюю одежду, обувь и головные уборы. Попутно возникает необходимость обращать внимание на материал, из которого изготовлена одежда, а также и на ее украшение.

Мужские головные уборы раньше делались из сукна, сшиваемого клиньями, и простегивались шерстью. В исследуемый период обычной была барашковая папаха с суконным верхом. В жару носили широкополые войлочные шляпы «мангалкий» – в переводе «шляпа косаря». В ненастную погоду на голову надевали «дарзала-кий» – «шапку непогоды». Она была без суконного верха, сплошь меховая, со свисающими космами, по которым в дождливую погоду стекала вода. Дома предпочитали носить маленькую войлочную шапочку без полей («беттиг»). Помимо утилитарных свойств, головному мужскому убору придавали немалое символическое значение: головной убор рассматривался как один из признаков мужского достоин-

*Женские
национальные
костюмы*

ства, мужества. Во многом именно этим можно объяснить появление в начале XX века каракулевых папах с суконным верхом. Каракуль обычно бывал завозной, дорого ценился и имел так называемый «золотистый цвет». Эти папахи иногда назывались «бухарин кий». Такое название шло от имени среднеазиатского города Бухара, откуда вывозился ценный каракуль. Каракуль мог заменяться шкурками ягнят с красивой завитой шерстью (курпей). Серый, завозной, каракуль появился позднее. Такие папахи являлись выходными и были непрактичны в непогоду: промокший каракуль (курпей) начинал терять свои свойства. В таких случаях хорошую службу оказывал башлык («палчакх»). Он делался из тонкорунной шерсти. Были и завозные башлыки из мягкой верблюжьей шерсти. Башлык по форме напоминал современный капюшон с длинными свисающими полосами («коараш»). В холодную ненастную погоду башлык накидывался на папаху, а его полосами крест-накрест перевязывали грудь. Концы полос на талии перевязывались в узел. При сильном ветре полосами башлыка обматывали лицо и шею. Когда необходимость в башлыке отпадала, его просто откидывали за спину.

Башлыки бывали обычно цвета верблюжьей шерсти (охристо-коричневые), иногда их красили в красный цвет. В редких случаях носили башлыки, сделанные из белого козьего пуха, но это не стало традицией.

Ближние знакомые, друзья, кунаки из соседних народов в знак дружбы нередко обменивались папахами. Папаху иногда преподносили в качестве ценного подарка.

Первое и наиболее полное для своей поры описание мужской и женской одежды принадлежит Н. Грабовскому (вторая половина XIX века), который отметил:

«Обыкновенно верхняя одежда горцев-мужчин состоит из черкески туземного сукна, ситцевого бешмета, папахи и чевяк,

Старинные серьги шаровидной формы

делаемых из лошадиной кожи или из сафьяна, с подошвами из этой кожи; зимою сверх этого костюма носится овчинная шуба, а ноги облачаются в полстяные теплые чевяки, похожие на валенки. Женщины, сверх обыкновенной кумачной рубахи, доходящей до колен, носят бешметы из такой же материи; остальной костюм составляют широкие шаровары, подвязанные у чевяк; голова повязывается куском белой бязи; костюм девушки несколько не разнился от женского, но голова последних повязывается особым манером». (15, 116)

В 30-х годах XIX века И. Бламберг отмечает, что при этом одежда ингушек была разных цветов: у замужних женщин, вдов и старух и у девушек. Эту особенность Н. Грабовский, как видно из приведенной цитаты, уже не отмечает. Из чего можно заключить, что одежда не всегда оставалась консервативной, а была подвержена изменениям во времени. Уже во второй половине XIX века различие в одежде девушек и женщин определялось

не цветом шаровар, а особой манерой повязывания головного убора.

Исследования Г. Вертепова в области мужского костюма ингуша в конце XIX века в чем-то перекликаются с описаниями Н. Грабовского, но даны несколько полнее. Так, Г. Вертепов пишет:

«Одевается ингуш просто, без особенных затей и излишних украшений, которыми изобилуют костюмы его южных соседей – хевсур и грузин. Одежда состоит из суконной черкески, черной, серой или коричневой, ситцевого бешмета, суконных шаровар, суживающихся книзу, чевяк на ногах и барашковой шапки на голове. Сукно для черкесок употребляется местного изделия; его готовят женщины из бараньей шерсти и окрашивают в растительные краски. Чевяки делаются из сыромятной кожи, в большинстве случаев лошадиной, а также из сафьяна с подошвой из более грубой кожи; они плотно облегают ступню, и местные щеголи, прежде чем надеть, размачивают их в воде. Надеваются они прямо на голую ногу или сафьяновый чулок, а поверх их на голень натягиваются ноговицы, заменяющие голенище наших сапог. Зимою носят полстяные чевяки, нечто вроде русских валенок, но только ши-

тые («блоржаш»). В горах предпочитают чевякам крепкие башмаки с толстой подошвой из буйволиной кожи. Вообще, на плоскости заметна некоторая склонность к щегольству, но в горах предпочитается прочность и практичность...» (10, 161)

Наиболее значимой мужской одеждой являлась черкеска («чокхи»). Она утвердилась на Кавказе с появлением огнестрельного оружия, когда на обыкновенный халат стали крепить заряды пороха и пуль, то есть газыри. По-ингушки их называют «бустам», что переводится как «мерка». Такое название они получили потому, что в полый газырь закладывались поочередно свинцовая пуля и мерка пороха. Достаточно было газырь опрокинуть в дуло ружья, как туда засыпался порох, и следом шла свинцовая пуля. После чего шомполом в ствол затыкался пыж. Газыри сверху закрывались костяными или металлическими инкрустированными колпачками.

С появлением пуль фабрично-заводского производства надобность в газырях отпала, но поскольку газыри являлись единственным украшением черкески, вместо настоящих газырей стали использовать уже декоративные – из серебра.

Шилась черкеска из домотканой ткани, но с начала XX века состоятельная прослойка могла позволить шить ее из сукна промышленного производства. У молодых людей длина черкески была чуть ниже колен, у взрослых она доходила до щиколоток. На груди черкеска имела вырез, а затем до талии застегивалась на пуговицы. Первоначально роль пуговиц, как черкески, так и бешмета и рубахи, исполняли скрученные в комочек шнурки, а затем их заменили костяные или металлические пуговицы. До талии черкеска плотно облегал фигуру, ниже талии она была шире и свободнее.

Большое значение раньше придавалось фигуре человека, его осанке, особенно объему

Мужской
национальный
костюм

талиии. Так, одним из достоинств народного героя Малсага Уциговича Долгиева, воплощавшего собою эталон благородного и этичного человека, как говорят в народе, была настолько узкая талия, что, когда он ложился на бок, то под ним могла проползти кошка.

Рукава черкески были длиннее рук и потому закатывались. В холодное время достаточно было опустить рукава, и они уже могли исполнять роль рукавиц. Вырез на груди, а иногда и другие края черкески обшивались тонкими орнаментированными тесемками («инза»).

Верхняя часть черкески имела подкладку из ситца, но иногда и из шелка.

Большое значение придавалось ремennому поясу. Мужчина (кроме глубоких стариков и детей) не имел права появляться на людях распоясанным. Насколько черкеска сама была бедна украшениями, настолько богато отделывался ремень серебряными с чернью бляшками. Кожаным ремешком к поясу подвязывался кинжал таким образом, чтобы он висел косо, острием в левую сторону и рукояткою вправо, чтобы до нее

можно было быстро и без затруднений дотянуться. Ранее к поясу подвешивались предметы, необходимые для огнестрельного оружия: пороховница в роге, пули в кисете, огниво, трут и кремь также в отдельном кисете. По мере состоятельности и надобности к поясу подвязывались с боков шашка и пистолет.

Поскольку черкеску надевали лишь на выход и на различные торжества, ее роль как верхней одежды в повседневной жизни выполнял бешмет («Говтал»). Он шился короче черкески и не имел газырей, рукава были зауженными, чтобы не мешали при работе. В зимнее время под бешмет надевались меховые или стеганные из шерсти безрукавки. В обыден-

ные дни бешмет затягивался простым кожаным ремнем с кинжалом, которые снимались только во время работы и в домашних условиях. К материалу, из которого шился бешмет, не предъявлялись столь высокие требования, как к черкеске, кроме одного – прочности и практичности.

Повседневной одеждой являлась рубаша («коч»). Обычно мужчина

имел их две: одну повседневную (рабочую) и вторую – на выход, как говорит пословица: «Старая одежда – слуга новой одежды». На работу мужчина обычно надевал старую, поношенную, иногда залатанную рубашу. Рабочая рубаша и рубаша на выход имели одинаковый покрой. Они были довольно просторными, чтобы не затруднять движений, длинными – чуть ли не до колен, имели небольшой прилегающий к шее стоячий простроченный воротник, разрез был спереди. В описываемое время вместо пуговиц, скрученных из шнурков, все чаще стали употреблять металлические. Рубашу на выход по вороту, рукавам и подолу часто обшивали тесемками, по мере старения она становилась рабочей одеждой.

Исключая рабочее время (сенокос, заготовка дров и др.), в обычные дни ворот рубашки должен был быть застегнут на все пуговицы, а на талии застегнут ремень. Большое значение придавалось чистоте одежды. В этом вопросе затрагивалась честь жены и дочерей, которые, естественно, не хотели ославиться как нечистоплотные женщины, не могущие содержать в чистоте одежду главы дома, детей.

Мужские брюки («хачи») имели довольно скромный вид, поскольку сверху они прикрывались довольно длинной рубашкой, а снизу – ноговицами, закрывающими голени и колени. В бедрах брюки были широкими, а от колена вниз – зауженными. Штаны подпоясывал «барч» (типа кушака). Такая форма одежды по своему типу приближалась к галифе, и поэтому неудивительно, что в начале XX века, по мере возможности, галифе получали преимущество перед традиционными брюками. То же самое произошло и с сыромятною обувью: «маьчи» и «пезг» (ноговицы) стали предпочитать сапоги. Не каждый мог их приобрести, и поэтому традиционная обувь среди простого населения сохранялась и в

первой половине XX века. Был еще один вид обуви, который назывался «бюржаш» – по-русски «бурки». На «маьчи» с подошвой сверху нашивались голенища из войлока. Часто вместо него применяли и куски вышедшей из употребления мужской бурки.

В осенне-зимнюю стужу черкеска не спасала от холода. Поверх нее надевалась шуба («кетар»). При ненастной погоде шубу выворачивали мехом наружу. По нему стекала вода, и шуба не промокала. Допустить это было нежелательно по той причине, что ее сыромятная основа раскисала от воды.

Женская одежда состояла из рубахи – «коч» и «чокхи» – черкески без газырей, а обувь именовалась «пашмакх», или башмак, голова должна была быть обязательно покрыта. В погожие дни на голову надевался довольно просторный платок – «йовлакх». Если в мужской одежде преобладало домотканое или покупное сукно, то на женскую одежду того периода предпочитали использовать преимущественно покупные ткани: «исхали» (тонкое сукно), «боза» (бязь) или «киси» (кисея, ситец) и «даьри» (шелк). В праздничной и свадебной одежде по большей части употреблялись шелк, бархат и парча – все ткани, естественно, завозные. Выходная рубаха девушек также шилась, по мере возможности, из дорогой привозной ткани. На грудь прикреплялись инкрустированные продолговатые бляшки с позолотой – «метташ». На свадьбу девушки надевали на голову небольшую шапочку. Ее твердая основа покрывалась дорогой тканью, которая щедро украшалась вышивкой с национальным орнаментом. Поверх шапочки накрывался шифон, концы которого свисали на всю длину платья. Большое значение придавалось и праздничным или свадебным поясам. Обычно они были привозные и дорогие, сделанные из богато инкрустированных металлических (бронза, серебро) пластин. Названные пояса, нагрудные дорогие бляшки-застежки, серьги – «Галакхаш» часто переходили по наследству, иногда по случаю одалживались.

В отличие от мужской, женская одежда всегда щедро украшалась различными вышивками. Мужской же костюм, кроме пояса, кинжала и газырей, вообще ничем не украшался, ибо в противном случае мужчина мог быть презрительно назван кокетствующим («зудал долаш»). Понятно, что это никак не относилось к женской одежде. «Значительную роль в женском ко-

стюме играли разнотипные украшения: сердоликовые, халцедоновые, агатовые, перламутровые, хрустальные, стеклянные, жемчужные и янтарные бусы, бисер, золотые, серебряные и бронзовые височные кольца, серьги и подвески, браслеты, цепочки и т.д. Многие из них своими корнями уходят в глубокую древность». (9, 49)

В ингушской среде из предметов одежды наибольшее внимание уделялось головному убору и обуви. Этому имелось и шуточное объяснение: «доставь приятное человеку, к тебе расположенному, ибо он будет смотреть тебе в лицо; пусть зависть гложет человека, невозлюбившего тебя, ибо он будет смотреть тебе в ноги».

Детская одежда была непритязательной, в чем-то подражательной одежде взрослых. Случалось, что поношенная одежда взрослых перешивалась в детскую. О каких-то украшениях не могло быть и речи.

Традиционные материалы, из которых изготавливалась на рубеже веков мужская и женская одежда, уже стали не удовлетворять возросшие требования к верхней одежде. Как отмечают исследователи, «с появлением на Северном Кавказе российских городов и ростом торговли вайнахи предпочитали покупать или обменивать ткани на рынке. Среди них наибольшей популярностью пользовались хлопчатобумажные ткани и шелк». (9, 45)

В начале XX века в ингушском обществе значительно углубились социальные различия. В горах это было едва заметно, ведь проживавшее там население жило беднее населения равнинной части и являлось более патриархальным и традиционным. Среди же равнинных жителей стала активно выделяться богатая прослойка землевладельцев и скотоводов, духовенства и представителей торгового капитала. Представители этого не столь многочисленного слоя были наиболее подвержены влияниям городской жизни. Зажиточная часть населения проживала во Владикавказе. Здесь и дома строились по-городскому, и жители одевались соответствующим образом. Женщины стали носить кофты и юбки, на голову надевать шляпы, обуваться в туфли. Мужчины, все же имея дома изредка по случаю надеваемую черкеску, уже имели вполне городской вид: вместо папах на голову надевали низкие меховые шапочки, типа кубанки, и картузы (фуражки); стали носить костюмы и пальто, была модной воинская одежда.

Усиливавшееся в то время имущественное неравенство отразилось, к примеру, в небольшой притче:

«Когда девушку, засидевшуюся в девичестве, спросили: «Почему не выходишь замуж?» – она ответила:

– Тот, кто носит черкеску, меня не сватает; а за того, кто ходит в бешмете, я замуж выходить не хочу».

Родство

Большое значение в ингушском быту придается родственным отношениям. Во многом ими регламентировалась внутрисемейная и общинная жизнь народа на стыке двух веков. Любой ингуш четко и определенно должен был выражать свою принадлежность к определенной группе общества – семье, фамилии, родовому селу и т.д. Определялась она почитанием своего древнего родового корня, отношением к определен-

Султанбек Заурбекович Боров, ротмистр, командир 4-й сотни Ингушского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии, кавалер Золотого Георгиевского оружия, отмечен многими воинскими наградами России. Полный Георгиевский кавалер

ному башенному комплексу, знанием имен своих предков до седьмого колена (это как минимум, на практике же знали значительно больше), участием во всех делах родственных фамилий и взаимной помощью. Как уже отмечалось, кланы – роды – не были одинаковыми. Одни были древнее, другие моложе. Память обо всем этом сохранилась и до сего дня, хотя никакого общественного значения эти бывшие подразделения уже не имеют. Однако в исследуемый период рубежа двух веков градация фамильных родов еще имела определенный вес, особенно при заключении родства. Уже в то время бытовала поговорка: «Сыну ищи семя, дочери ищи толокно». Здесь необходимо сделать следующее пояснение: «ищи семя» означает «жени сына на представительнице благородного рода», а слова «ищи толокно» – «выдай дочь в состоятельную семью».

У ингушей была и сохраняется до сих пор самая строжайшая экзогамия. Между женихом и невестой исключается даже самое малейшее родство. Нельзя жениться не только на представительницах родов отца и матери, а и на представительницах родов дедушек и бабушек и т.д. В общем, ищется самая далекая и совершенно неродственная кровь. В прошлые века ингуши не раз были доводимы до полного физического уничтожения то полчищами завоевателей, то свирепствовавшими инфекционными заболеваниями (чума, холера, оспа...). Даже имеется

такое предание, что некогда богиня «У-нана» – мать «у», где «у» заразная болезнь, уничтожила весь ингушский народ, но чудом в одном краю страны уцелел один мальчик, а в другом краю – девочка; от них вновь возродился весь народ. Видно, что это повествование имеет мифологические основы, однако тут в фантастической форме все же отразились мрачные реалии далекого прошлого. То уменьшавшийся, то возрождавшийся, и к периоду новой истории бывший численно небольшим, ингушский народ и должен был иметь строжайшую экзогамию, иначе ему грозило бы вымирание от кровосмешения. Не в меньшей степени благодаря именно экзогамии ингушский народ в целом физически крепок, свидетельством тому является, к примеру, то, что у ингушей завидная продолжительность жизни.

Известно, что ислам признает эндогамные браки. В арабских странах вполне обычны браки между двоюродными братьями и сестрами. С принятием ислама и в ингушской среде имелись единичные случаи эндогамных браков, особенно среди клерикальной верхушки. Но такие формы бракосочетания были дикими для ингушей, и эндогамия среди них не привилась.

Экзогамия среди ингушей способствовала унификации их языка, результатом чего явилось полное отсутствие диалектов в ингушском языке. Можно говорить, что отсутствуют даже говоры: известно всего несколько слов с незначительными фонетическими изменениями, такие, как «къай – къахыг» – ворона, «лоабат – лоабарт» – глина, «генарг –

Заурбек Темаркович Боров. Полный Георгиевский кавалер, ротмистр Ингушского конного полка Кавказской Туземной дивизии. В Персии ему было присвоено звание генерала

гендарг» – семечко. Из этих парных слов первые принадлежат равнинным жителям, а вторые – горным.

У ингушей есть собственные имена Гаьбарте – Кабардинец, Черсе – Черкес, Гумке – Кумык, Тоаркхо – Тарковец, Эрси – Русский и др. Данный факт свидетельствует, что ингушам была чужда национальная ограниченность. В брачных отношениях были нередки межнациональные браки, и если они случались, ничего предосудительного в этом не находили, хотя и различали, с представителем какой национальности в брачные отношения вступили ингуш или ингушка.

Экзогамные браки являются типичной чертой патрилинейного отсчета родства. Каждый ингуш знает своего пращура. Его имя и название рода чаще всего совпадают. В Ингушетии есть роды, носящие имя далекого предка, а фамилии сравнительно молодые, на каком-то отрезке времени отпочковавшиеся от более древнего рода.

По преданию, когда-то некий юноша влюбился и похитил девушку из своего рода. Это неслыханное нарушение экзогамии тут же стало предметом обсуждения выборным органом «Мехка кхел» (парламент края). Им была выяснена степень близости по родству между юношей и девушкой. Оказалось, что они отдалены друг от друга на семь колен. Под давлением неуступчивого юноши и его ближайших родственников старики якобы постановили, что по прошествии семи колен возможно заключение родства. Однако и это разрешение не вошло в житейскую практику.

В предании «Потомство Турпала» (Турпал – герой) повествуется, что-де некогда в местные горы пришел человек по имени Турпал. Женится он на княжеской дочери. «Здесь родила она ему сына, державшего в руке лист, и назвали его Листом («Га»)). Второй сын родился с сыром («Наьхч») в руке, и назвали его «Нохчу», т.е. чеченец. Он поселился в месте, называемом Нашах. Третий сын был Арстхо, то есть арстхоец, и поселился в месте, называемом Мераж.

Старший сын Га остался жить в месте Маг (в теперешней нагорной Ингушетии). У него был сын Галмет. У Галмета был сын по имени Эндрий (Андрей)».

Записавший это предание Н. Яковлев отмечает, что сам Турпал был из рода Курейшитов, то есть из дома самого пророка Мухаммеда. Вполне понятно, что такое указание появилось в результате прямого влияния ислама, и оно было призвано возвели-

Товбот-Хаджи Горбаков с сыном Аллабеком

чить родового предка вплоть до знаменитого пророка, утвердить идею о якобы исконной принадлежности всего народа, а с ним и своего рода к исламу. Хотя известно, что среди ингушей новое вероучение окончательно утвердилось в 1861 году, когда ислам последними приняли жители аула Гвилети. Да и имена потомков Турпала Га и Наьхч представляют из себя не что иное, как народную этимологию, возводимую к словам «Га» – лист и «наьхча» – сыр. Появление в этой генеалогии имени Андрей можно увязать с давним влиянием христианства, которое утверждает, что Андрей Первозванный распространял христианство и среди народов Кавказа (прямое влияние Византии).

Древнейшая часть генеалогии ингушских фамильных родов бывает довольно сложной, подверженной книжному влиянию и несущей на себе печать родовой идеализации. Зато последующая часть является правдивой и уже повествует о реальных личностях.

По существующей паспортной системе ингуши чаще всего пишут в качестве фамилий свои родовые имена. В XIX веке, и особенно в начале XX века, некоторые ингуши в качестве фамилий избрали имена не столь отдаленных своих предков, хотя в быту никоим образом не забывалось более древнее родовое имя. Это обусловило появление целого ряда одинаковых по написанию фамилий, но восходящих к разным родам.

Немалая работа по изучению родов и исходных из них фамилий была проделана Ш. Дахильговым. Его труд «Происхождение ингушских фамилий» сегодня является единственным и достаточно полным сводом всей номенклатуры ингушских фамилий. (38, 143-205)

Из приведенного Ш. Дахильговым перечня крупных родов и их фамилий можно составить приблизительное представление о номенклатуре ингушских фамилий, сложившихся в начале XX века. В тот период,

когда ингушские фамилии стали записываться, уже произошло значительное дробление крупных старых родовых образований на целый ряд новых фамилий. При этом появились фамилии, пишущиеся одинаково, но принадлежащие к разным старым родам.

На родном языке ингушские фамилии оканчиваются обычно на «хой» (Хамхой, Тлоаршхой, Хьулахой...), на «ой» (Евлой, Барханой, Оздой, Хоаной...) или на «наькъан» (Бохтарнаькъан, Боранаькъан, Кулбужнаькъан, Кетенаькъан...). Слово «наькъан» образовано от слова «никъ» – дорога, путь, т.е. приращение к имени предка (скажем, Бек) слова «наькъан» дает уже название фамилии «Беканаькъан», что дословно означает «идущие путем (дорогою) Бека».

Сравнительно с фамилиями, оканчивающимися на «хой», «ой», фамилии на «наькъан» являются обычно отпочковавшимися и молодыми. Но с течением времени, по прошествии ряда поколений, они уже осмысливаются как самостоятельный род. В редких случаях имеется оформление фамилий с приращением слова «къоангаш» (сыновья): «Эккаж-къоангаш» – сыновья, потомки Эккажа.

В русском написании фамилий в конце XIX и начале XX века было принято русское окончание «ов», «ев» (Льянов, Батыров, Сапралиев, Тутаев...). В 20-30 -е гг. прошлого века были попытки в печати добавлять к ингушским фамилиям слово «наькъан» через дефис, но такое оформление ингушских фамилий не прижилось. Все ингушские фамилии теперь пишутся с окончанием «ов» и «ев».

В ингушский язык (возможно, с XVIII – XIX веков) проникли термины «тайпа» (арабизм) – вид, класс и «тукхам» (тюркизм). Первое слово приобрело значение «род» (фамилия), второе слово пустило слабые корни, и потому его осмысление в народе довольно туманное.

Исконно ингушскими были слова, обозначающие родственные объединения, такие, как «ваьр» – от слова «родившиеся» – «родня», «цIа» – дом – объединение 2-3 поколений, «вошал» – братство, «некъе» – фамилия, род. На протяжении всей своей истории ингушский народ сохранил вечные ценности: взаимовыручку, достоинство, национальное самосознание и терпение. Здесь чтут родственников и почитают старших, особенно трепетно – родственников по материнской линии. В этом тоже особая мудрость.

Магомед Исмаилович Зязиков

Поколения рода перечисляются по отцовской линии. По материнской же линии такого перечня нет. Однако некоторые рудименты свидетельствуют, что в отдаленные времена это вполне могло быть. Об этом есть записи у ученого Чаха Ахриева в работе «Орстахойцы» и в других источниках. В многочисленных фольклорных записях есть такие примеры: «Еще более ста лет назад у ингушей дядя по матери обязан был своему племяннику снарядить верхового коня под седлом по достижении племянником 15-летнего возраста». (5, 81)

И вообще, вплоть до сегодняшнего дня ингуши с особым уважением и почтением относятся к родственникам по материнской линии.

Постоянное дробление древних родов на фамилии («цIа», «некъе»), позднее преобразовывающиеся в самостоятельные роды, усилилось после вхождения Ингушетии в состав России (после 1770 года) в связи с началом их расселения по плоскости отдельными хуторами, которые в 1858 году были объединены в укрупненные села. В 1907 году Сунженский отдел, в который входила и Ингушетия, был разделен выделением из него Назрановского округа. В те времена проводились записи населения. При этом нередко случалось, что одни семьи записывали свои фамилии по имени рода, а некоторые семьи – по имени деда или прадеда. В результате чего происходило дальнейшее дробление родов на фамилии.

Здесь вполне уместно будет привести высказывание Ш. Дахкильгова, проделавшего немалую работу по систематизации ингушских фамилий:

«Не случайно в народе говорят: «Из всех даров мира остается только доброе имя, и несчастен тот, кто не оставит его».

Отец, дед, прадед каждого был частью истории. Судьба наших предков связана с историей народа, с историей родной страны, и, значит, можно и нужно заниматься жизнью, судьбой отдельного человека. Из истории каждого, отдельных судеб и складывается история Отчизны». (38, 144-145)

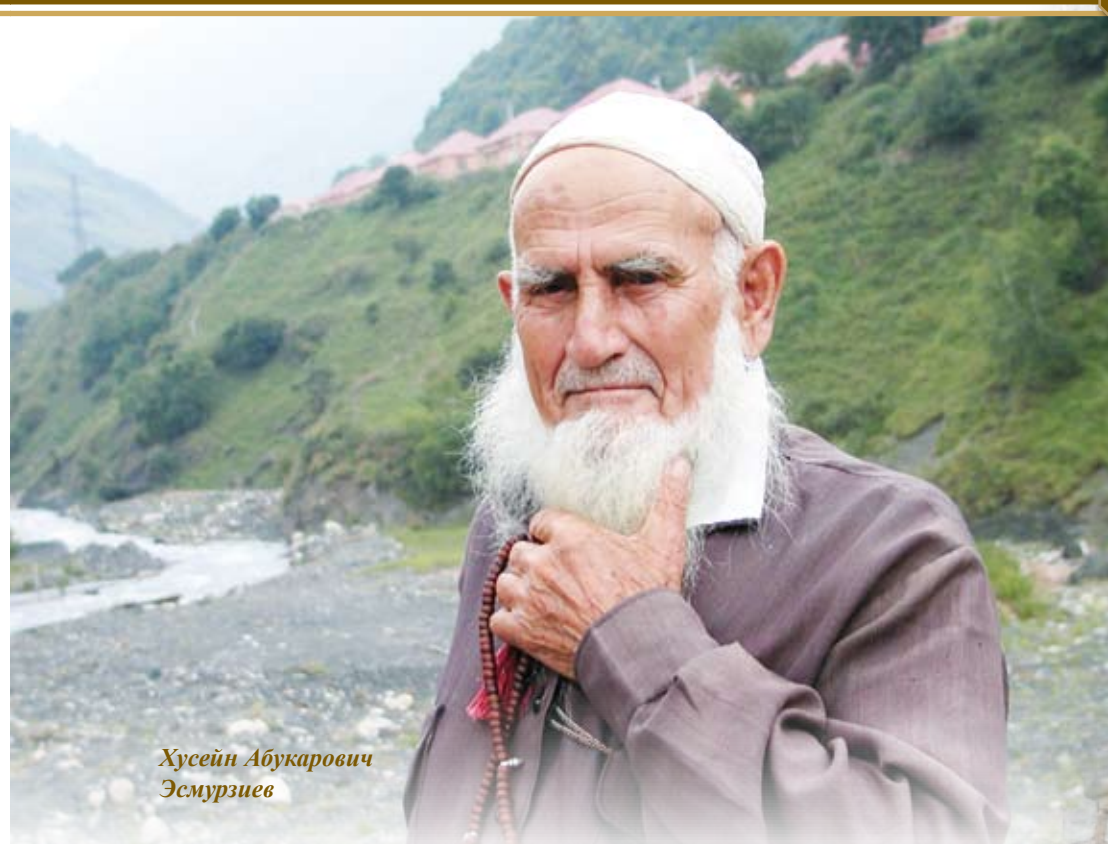
Семейная структура

Ранее был рассмотрен вопрос о патриархальной семье (семейной общине), состоящей из родственных моногамных семей, а также затронута проблема выделения моногамных семей как отдельных хозяйственных единиц. На очереди вопросы: как происходило это деление и каковы были внутрисемейные взаимоотношения?

К концу XIX века, и особенно в начале XX большая патриархальная семья стала исчезать. Каждый взрослый и женившийся мужчина стремился обособиться и иметь свое личное хозяйство. Для разделения патриархальной семьи нужны были определенные материальные условия. На равнине, где в личном владении было больше земли, процесс обособления малой семьи происходил более интенсивно. Постоянный отток горского населения на равнину также способствовал развалу крупных горских семей. Патриархальные семьи имели как свои преимущества, так и недостатки. К преимуществам можно отнести экономическую целесообразность, социальную защищенность, прочность родственных взаимоотношений и т.д. Главный недостаток этих крупных семей заключался в часто возникавших внутрисемейных ссорах из-за большой скученности людей разного пола, возраста, неравномерного распределения обязанностей.

Например, наибольшие тяготы ложились на плечи снох, они должны были раньше всех вставать и позже всех ложиться спать; беспрекословно подчиняться воле «цѣн-да» и «цѣн-нана», их сыновьям (братьям мужа), золовкам. Особенно доставалось самым младшим снохам. Видимо, отсюда пошла поговорка: «Выходя замуж – является невесткой, а выйдя – становится прислужницей» («Йодача хана – нускал, ена эттача – йу»). Вполне естественно, что снохи подбивали своих мужей на обособление от этого «коллективного хозяйства». Случались недоразумения и во взаимоотношениях между братьями; особенно много хозяйственных работ доставалось молодым мужчинам этих крупных семей; иногда возникали ссоры между снохами, между их детьми и т.д.

«По мере женитьбы сыновей, родители выделяли их в самостоятельные хозяйственные единицы. Однако обычно такое выделение проис-

*Хусейн Абукарович
Эсмурзиев*

ходило по истечению некоторого времени, необходимого для создания материальной основы будущего домохозяйства. И в малой семье господствовали патриархальные порядки – полное повиновение женщин мужчинам, младших старшим, традиционное разделение труда. Ведущие отрасли хозяйства семьи по-прежнему находились в руках мужчин, а домашнее хозяйство – женщин». (20, 229-230)

Главы большой патриархальной семьи стремились создавать хороший внутрисемейный климат, к справедливому распределению обязанностей и получения прав и не были заинтересованы в разрушении сложившихся и привычных семейных взаимоотношений. На людях всячески стремились подчеркнуть экономическую мощь семьи, мир и согласие в ней. Когда же крах большой семьи был неизбежен, начинался процесс разделения имущества большой семьи на малые – «був балар». Обычно этот акт происходил следующим образом.

Отец семейства приглашал к себе нескольких близких и авторитетных родственников, и с их помощью полностью описывалось все: земля, дом, постройки, скот, утварь и пр. Затем определялось количество дольщиков. Это не представляло труда. Дольщиками являлись все сы-

новья с их семьями и сам старший глава большого семейства. Размер семей в счет не брался. Осиротевшие семьи пользовались равными со всеми правами. Далее все оцененное хозяйство делилось на количество дольщиков, и определялся размер одного пая. Большие сложности возникали при распределении этих паев, поэтому тут часто прибегали к жеребьевке – «кхадж тохар». После того как пай были распределены, братья полюбовно могли пойти на взаимные уступки. Особенно благородным считалось проявление уступчивости к брату увечному или многодетному. Вполне понятно, что при таком дележе трудно было избежать разных неурядиц, но авторитет стариков, осуществлявших весь процесс деления большой семьи, был решающим.

Мать большого семейства, как и положено, оставалась со своим мужем. Их дочери (сестры разделенных братьев) на наследство прав не имели. Они оставались на доле отца с матерью. Чаще всего пай родителей объединялся с паем младшего из братьев. На него ложилась большая часть опеки над старыми родителями, но зато их пай со временем, после кончины родителей, переходил в его безраздельную собственность. Если же бывший отец большого семейства был еще способен вести самостоятельное хозяйство и, даже вновь женившись, завести новую семью, он на это имел полное право. Если же у него от нового брака появлялся наследник, то после кончины отца он наследовал его хозяйство. В противном случае оно поступало во владение младшего сына, который

Молодая ингушская семья. 1930 год

брал на свое иждивение всех оставшихся членов семьи отца (его жену – свою мать, незамужних сестер, детей от нового брака отца...).

При обособлении моногамной (малой) семьи, как отмечено исследователями, «менялось, прежде всего, положение супругов и их детей, взаимоотношения членов семьи и распределение обязанностей между ними. Молодой хозяин приобретал право единоличного решения семейных вопросов. Одновременно он выполнял самые трудоемкие работы: заготовку дров и сена, строительство и ремонт дома, сарая, забора, крыши, трудоемкие полевые работы, воспитание подростков. Трудился он, согласно данным многих этнографических свидетельств, более заинтересованно и самоотверженно, чем в большой семье.

Заметно изменялось положение женщины в малой семье. Круг ее обязанностей также увеличивался: кухня, уход и воспитание малолетних детей, уход за скотом, доставка воды, уборка помещений, двора, обмазка и побелка дома, помощь мужу в полевых работах и др. Если в семье жила свекровь, то она брала на себя часть домашних обязанностей, помогала, в частности, в уходе за детьми». (22, 15)

Если старики бывали недовольны своим житьем в доме младшего сына, они свободно могли перейти к любому другому из своих сыновей, разумеется, что младший сын всячески стремился не допустить этого, ибо в противном случае он порицался обществом и к тому же лишался права на наследование отцовского пая. Как видим, социальная защита стариков была на должной высоте. Отделившиеся сыновья не выходили окончательно из-под опеки своих старых родителей, которые при возникновении определенных обстоятельств могли довольно активно вмешиваться в их семейные дела. Несмотря на то что старики жили с младшим сыном, старшие сыновья обязаны были всячески, в том числе и материально, оказывать внимание своим родителям.

Разделение большой патриархальной семьи на ряд малых семей не означало их взаимной отчужденности. Все они обязаны были по случаю и без него навещать друг друга, оказывать всяческую взаимную

помощь. Если же один из братьев умирал раньше времени, то его осиротевшую семью другие братья брали под свою опеку, причем проявляли к ней внимания не меньше, чем к семье собственной. В противном случае они были бы осуждаемы всем обществом. Родство отпочковавшихся семей было настолько прочным, что двоюродные братья мало чем отличались от собственных братьев. Индикатором выявления степени и важности родового братства, сохранявшегося еще в начале XX века, является степень ответственности близких и более отдаленных родовых братьев за кровную месть. Это достаточно убедительно проиллюстрировал Н. Яковлев:

«Между тем родственники убитого посылают посредников к остальным родичам убийцы, начиная с выделившихся родных его братьев и кончая «однофамильцами» до десятого поколения включительно, с требованием «побратской платы», или «вошил», как говорят ингуши.

Под угрозой нападения «на дом» каждый из этих родственников убийцы должен уплатить выкуп по такому расчету: каждый родной отделившийся брат платит по 10 коров, каждый двоюродный брат или родной племянник – по 9 коров, троюродные братья – по 8 коров и т.д. до десятиродных братьев, с которых полагается получить по 1 корове». (37, 239)

Но в описываемое время, как видно из приведенной цитаты, ингуш, во-первых, должен был знать и помнить всех своих родичей от первого и до десятого поколения, а во-вторых, круговая порука кровнородственных братьев, хотя и ослабевала с каждым последующим поколением, объединяла представителей десяти колен.

Многочисленные факты истории, начиная со второй половины XIX века, почти кончая XX веком, свидетельствуют, что власти относились к внутренним нуждам ингушей и их интересам довольно отстраненно.

Поэтому неудивительно, что ингуш свою защиту видел, прежде всего, в своем роде, и потому наиболее желательным для ингуша было наличие большого и сильного рода, а заодно и большого хорошего потомства.

Проблемы родства нашли свое отражение в этнографических реалиях и в фольклоре. Хотя, по сообщению Н. Яковлева, кровная месть простиралась на десять поколений кровных родственников (родовых братьев), до сего дня сохранилось в ингушской среде проклятие: «Да погибнет тринадцать мужчин из вашей семьи!» («Кхойтта вала шун даь!»). Такое проклятие идет из самых отдаленных глубин веков.

Существовало и другое проклятие: «Да погибнет семеро из вашей семьи!» («ВорхI вала шун даь!»). Семь – это этическое число (равное одной фазе луны), наличествующее в этнографии многих народов. С этилированным числом «семь» связана ингушская поговорка: «Со времени седьмого предка» («ВорххIе даь ханара денна»).

Даже в самые отдаленные времена кровомщение сильных родов по отношению к слабому осуществляли так, чтобы никто не ставился на грань уничтожения.

Понятно, что подобные акции со временем должны были исчезнуть. В период гражданской войны 1918-1920 годов на Северном Кавказе общенародный ингушский съезд, проходивший в селении Базоркино летом 1918 года, постановил временно, на период военных действий, приостановить кровную месть по всей Ингушетии.

Постановление это соблюдалось неукоснительно и позволило всем боеспособным мужчинам сплоченно, не боясь кровной мести, выступить против общих врагов. Общенародные решения были обязательны для всех ингушей и свято ими соблюдались под угрозой всенародного осуждения. С теми, кто противопоставлял себя общенародной воле, не дружили, не роднились, не вступали в контакты, их публично осуждали.

Сила рода, прежде всего, оценивалась количественным составом его мужской половины. Тут уместно привести слова из песни девушки, которой не позволяют выйти замуж за любимого из-за того, что его братство немногочисленное; она поет:

«Мне-то ты люб, но не любят тебя мои братья,
Говоря, что редки ветки твоего дерева...

(Сонна-м везар хьо, вежарашта везац, –
ГабнатIара гIаьнах нилха я хьа, яхаш...).

О значимости даже отдаленного родства существует поговорка, сохранившаяся до сего дня: «Брат, кузен, свояк... разве не лучше, чем чужак?» («Шуча-мохча, заахал-махал, дикагIа беций наьха нахал?»)

Брак

Древнейшей формой брака, и не только у ингушей, является, как об этом свидетельствует этнография, похищение девушек из другого племени, селения или рода. То, что было обычным и приемлемым на определенной исторической стадии развития, со временем подвергалось изменениям. Так и этот обычай стал со временем неприемлемым и потому исчез из житейской практики многих народов. Однако рудиментарно, и уже в виде вредного обычая, он долго сохранялся, в частности, у народов Северного Кавказа, в их числе и у ингушей.

«Пойдет как-нибудь под вечер невеста по воду, — отмечал Н. Яковлев, — где-нибудь за кустом уже поджидает жених с парой молодцов-родственников — хватить ее на коня, и был таков. Укроется он где-нибудь в доме влиятельного, известного на всю Ингушетию человека — жениху не принято отказывать в гостеприимстве и покровительстве в таких случаях. Затем начинаются долгие переговоры с использованием очень авторитетных людей до тех пор, пока не будет согласия и благословения на брак родственников невесты. В целом, осуждая обычай умыкания, тем не менее, надо отметить, что к нему необходимо подходить с дифференцированных позиций».

Сегодня основным условием сватовства девушки является ее личное согласие. Лет сто назад бывали случаи выдачи девушек замуж и против их воли. Народ всегда осуждал браки не по любви, которые не способствовали созданию крепкой семьи, какой представляли себе ингуши идеальную семью.

Но случалось, что любящие юноша и девушка не могли вступить в брачные отношения по вине родителей (прежде всего отца) девушки. Основными причинами этого являлись или «худородность» юноши, или его материальная несостоятельность.

Также свою роль могла сыграть и какая-то застаревшая вражда, некогда существовавшая во взаимоотношениях семей (или родов) юноши и девушки. Переступить через волю родителей, по ингушским понятиям, большой грех. И все же, в случае отказа родителей юноши и девушки, любящие нередко шли на инсценирование похищения, и при этом никто не мог упрекнуть девушку в том, что она пошла против воли родителей. Им ничего не оставалось делать, как пойти на мировую. Бывали случаи, когда родители (преимущественно отец) оказывались чрезмерно упрямыми и весьма щепетильными и потому не давали согласия на брак и добивались возвращения своей дочери. В таких случаях возвращенная в дом родителей девушка становилась несчастной — никто уже к ней

Полковник Ярыч Хантыгов с семьей,
начало XX века

Полковник Мурзал Куриев с семьей

не сватался, поскольку не хотел наживать себе врага в лице отвергнутого жениха. Такие случаи были, но довольно редко.

Народ всячески осуждал похищение девушки без ее согласия. Тут не может быть никакого разговора о том, что такое обычаи. Обычай похищать девушек против их согласия, принятого в народе за норму, нет. Это считалось неприличным, хотя отголоски данного явления докатились и до сегодняшних дней.

Приемлемым и одобряемым в народе являлось самое обычное сватовство. К нему проводилась большая подготовительная работа.

Прежде всего, юноша и девушка каким-то образом познакомились друг с другом. Традиционно знакомство происходило у сельского водного источника, куда девушки ходили по воду, а юноши чуть ниже по течению поили и купали своих коней. Обмен взглядами и некоторыми репликами происходил довольно скупно и прилюдно. Порицались встречи юноши и девушки один на один. На свадьбах и других торжествах, когда собирались близкие и дальние родственники, тоже имелась возможность для знакомства. В те годы и вплоть до последнего времени у ингушей имелось хорошее игровое действие («ловзар»), в переводе – «игра». Оно устраивалось в честь дорогого гостя, на свадьбах и других торжествах (родился долгожданный ребенок, вернулся кто-то из дальних и продолжительных странствий и т.д.). Обычно ловзар проводился во дворе, если позволяла погода, или в доме. В один ряд рассаживались юноши, на некотором отдалении от них выстраивались девушки. Для юношей считалось зазорным сидеть развалившись или опершись, облокотившись. Также и девушки обязаны были стоять, «словно свечи» («клерамаш сана»). Каждая сторона имела своего тамаду. Их знакомила

девушка – представительница семьи хозяина дома. Затем тамада парней и тамада девушек делали вежливые расспросы. Активная роль отводилась тамаде юношей. После дежурных расспросов о здоровье и прочем он говорил, что они собрались весело и во взаимном согласии провести время и т.д. Непременными на «ловзаре» были шуточное сватовство, танцы и исполнение девушками песен или мелодий «для прослушивания» («ладувгла йиш»). Иногда юноши и девушки могли друг другу загадывать загадки в форме небольшого рассказа. Танцы и мелодии для прослушивания исполнялись на гармонии, которая в начале XX века прочно вошла в местный обиход. В то время барабан еще не привился, его функцию заменяли хлопки юношей. Одним из признаков воспитанности девушки являлось ее умение играть на гармонии: на вечеринках «ловзар» девушки обычно передавали гармонию друг другу. Нередко девушка входила в круг танца вместе с гармонью.

Обычно процедура «ловзар» проходила следующим порядком: сидящий справа от тамады юноша в шуточной форме сватал тамаду девушек за тамаду юношей. После получения притворного согласия от тамады девушек она и тамада юношей исполняли обычно принятый у ингушей парный танец. Затем попеременно проводились шуточное сватовство и танцы. «Сватают» всегда юноши за сидящего от него справа парня. Обычное содержание шуточного сватовства сводится к всемерному восхвалению «жениха» и обращению к девушке с просьбой «выйти за него замуж». Обычно девушка для видимости выдерживает небольшую паузу и затем произносит: «Если он возьмет, я согласна выйти за него замуж».

Шуточное сватовство может быть пространным, а может быть и весьма коротким, смотря за кого сватают. В шуточном сватовстве допускается чрезмерная гиперболизация качеств «жениха». Тут уместны шутки, к месту приведенные притчи, пословицы и поговорки. Обычно шуточное сватовство начинается со своеобразного зачина. Например:

«Да не будем мы двуличными и не вздумаем
Обманывать тебя ни притворной любовью,
Ни двуличными мыслями о ней,
Все то же самое да не вздумаешь сделать и ты.
Вместе должны мы лелеять и пестовать любовь.
Если будут едиными наши мысли,
То проведем мы время столь сладостно,
Сколь сладостен мед из пчелиных сот,
На фарфоровой тарелке разложенный...»

Затем сватающий переходит к основной части – всемерному возвеличиванию юноши – потенциального «жениха»:

«Сердце его, что волка храбрее, бьется в груди,
Словно коршун, зажатый в цепких руках.
Клопочет оно у него, словно коршун, сидящий на дереве...
Не подумай, что, в Терек войдя, он от страха
В лодке вниз по реке поплывет...
Да ради тебя, если надо, он разметет
Вон те дальние хребты черкесские...
Сколько дней и ночей он грустит о тебе!
Вспомнив тебя, подстегнет он коня, играючи...
Думает он о тебе и тоскует ночи напролет,
То воет он, подобно голодной волчьей стае,
То стонет, подобно продрогшей красной лисице...
Из-за Терека зорко поглядывая,
Он следит за этой его стороной.
С этого берега зорко поглядывая,
Он следит за той его стороной –
С четырех сторон света все он видит и слышит...
Мать родила его в ту ночь, когда щенилась волчица,

Имя дали ему в ту ночь, когда рычал лев,
Цвет лица его булатный, сердце его волчье...

А будешь ты шуршать шелками,
Звенящей будет посуда твоя,

И будет для тебя одна лишь работа –
Чистить полотном серебро монет до блеска...»

Далее «сват» превозносит благородство и красоту девушки, дает ей наставления, как она должна будет вести себя в замужестве. Обычно это «сватовство» завершается словами:

«Если при жизни
не вкусишь сладости любви,
Умерев же, уже никогда
ты не насладишься ею,
Пусть сердце твое забьется,
как бьется оно
У доброго коня, скачущего
в дальний путь.
Труден ответ, и не беда,
если слегка побледнеешь,
Дай же ответ нам,
сказав одно только храброе
слово: «Да!» (2, 248-256)

Шуточное сватовство включает в себе как устойчивые фразеологизмы и клише, так и свободные вариации. Чем их больше, тем искуснее считается «сватающий». Для сравнения с предыдущей приведем другую концовку шуточного сватовства:

«Устремил ты к нам пристальный свой взгляд,
Дорогая наша Асе Бусулмат.
Навостри свои уши к нашим речам.
Если замуж пойти за него ты согласна,
Смело скажи: «За него я пойду!»
И клянусь: не найти тебе лучшего парня
Ни на этом, ни на том реки Терека берегу...» (2, 258)

Вместо обычного трафаретного ответа («Я согласна выйти за него» или «Если он меня возьмет, я согласна пойти за него»...) девушка иногда дает более пространственный, свидетельствующий о ее уме ответ. К примеру, когда сватающий утверждает, что труды и заботы юноши посвящены благу страны и за это люди его ценят и чтут, девушка отвечает так:

«Раз своими трудами и земными плодами
Он содержит и кормит всю нашу страну,
За что она славит его, а он ее ценит и чтит,
Я согласие даю, что замуж за него пойду». (2, 260)

В народе шутку расценивают как прелюдию к серьезному разговору. На вечеринке «ловзар» юноша может попросить кого-либо из своих друзей шуточно засватать за него полюбившуюся ему девушку, тем самым он как бы преодолевает первую ступень к подлинному сватовству. Хотя шуточное сватовство никаких обязательств на девушку не возлагает, тем не менее оно ею не забывается. Раз сватовство шуточное, то в нем наблюдается большое раздолье для шуточного озорства. Юноши, участвуя в шуточном сватовстве, имели возможность показать свою остроумность ума и речи. Сватающий, вознося до небес как подлинные, так и вымышленные достоинства потенциального жениха, может перед девушкой нарисовать и негативную картину, если она выйдет замуж не за восхваляемого «жениха», а за какого-то другого:

«Будет жаль, если ты достанешься тому лежебоке,
Что будет спать под дырявым насквозь продраным одеялом,
При этом блохи шею его кусают...
Да упасет Всевышний тебя от того, кто,
Как бороною, подолом шубы дороги метет...
Да отведи его Всевышний от тебя!» (2, 252)

Разнообразие в вечеринку «ловзар» вносили танцы, загадки, песни-диалоги юноши и девушки. Танцы были непременной составляющей этого игрища: «Ингушский танец первой начинает девушка, и только

после того, как она сделает три круга, на танец выходит юноша. Танец юноши и девушки – это институт, имеющий свою историю и являющийся импровизацией жизни. Мысли юноши устремлены к девушке, но ингушский этикет не позволяет свободно общаться с ней. То, что юноша входит в танец только после того, как девушка сделает три круга, означает, что он должен преодолеть столько же этапов реального сватовства, прежде чем иметь счастье общения с ней. В танце

степенность считается высшей добродетелью. Во время танца юноша не должен касаться в своих движениях девушки и умело, красиво вести ее по кругу. Юноша во время танца оказывает внимание всем присутствующим, и в то же время остается в паре с девушкой». (26, 60)

Еще в начале XIX века, как это было засвидетельствовано И. Бламбергом, у ингушей имелся и коллективный танец, при котором девушки и юноши, взявшись за руки, образовывали круг. Но с усилением позиций ислама и появлением строжайшего запрета на взаимные прикосновения юноши и девушки коллективный танец ушел в прошлое, и к концу XIX века и позднее у ингушей прочно вошел в быт парный танец.

К концу XIX века среди ингушей, по традиции, еще продолжали существовать песенные диалоги между юношей и девушкой. Вот один из них:

Юноша: «От тоски по тебе душа печалится,
Больше, чем душу свою, тебя я люблю,
Чтоб мне умереть за тебя,

Во всем ты цветом красивая, Сераж.
Как сокол хватает сову,
Словно добычу свою,
Как кот хватает мышей –
Играет пищей своей,
К себе забрал бы любя.
Чтобы мне умереть за тебя,
Во всем ты цветом красивая, Сераж».

Девушка: «Не смотри, не поглядывай
На ту (мою) грудь –
Разве не видел ты лебединые яйца?»

Юноша: «Видеть-то видел я лебединые яйца,
Да боюсь, что, доставшись слепой сове,
Лебединые яйца протухнут.

Чтоб мне умереть за тебя,
Во всем ты цветом красивая, Сераж».

Девушка: «Не смотри, не поглядывай
На мой стройный стан –
Не видел ты разве в черкесском лесу
Ввысь растущий стройный прут?»

Юноша: «Видать-то видел в черкесском лесу
Ввысь растущий стройный прут,
Да боюсь, что на краю села
Вплетут его в старый плетень.

Чтоб мне умереть за тебя,
Во всем ты цветом красивая, Сераж».

Девушка: «Не гляди, не поглядывай
На чернью расписанное серебро,
Что лежит на моей груди*.

Не видел ты разве красивые письма?»

Юноша: «Видеть-то видел я
Те красивые письма,
Да боюсь, что прочтет их кто-нибудь из дураков.

Чтоб мне умереть за тебя,
Во всем ты цветом красивая, Сераж.
Уж очень мне надоело из-за тебя
Спорить с матерью, родившей тебя,
Словно Шамилю, громом и молнией

*Праздничная рубаха на груди девушек застегивалась продолговатыми бляшками – застегками из серебра с позолотой, которые по-ингушски назывались «метташ».

Спорившему с московским царем
Из-за высоких гор».

Девушка: «Пусть в уста тебя целуют
Те, кто краше всех,
Пусть твой гордый стан обнимут
Те, кто всех других стройнее.
Да не прекратится твой род,
Пока жив род волчий,
Да будет славиться имя твое,
Пока славится львиное имя!» (2, 226-228)

Песни-диалоги юноши и девушки были и другого характера. Их содержание сводилось к тому, что девушка исполняла роль преследуемой стороны, а юноша выступал в роли преследователя. К примеру, одна из песен начинается так:

Юноша: «Слушай, дочь богатого князя,
Должна ты замуж пойти за меня».

Девушка: «Чтоб не пойти за тебя,
Я б замуж вышла за волка,
Сырую ягнятину едящего».

Юноша: «Если б ты вышла за волка,
Сырую ягнятину едящего,
Я стал бы умелым охотником
И вслед за тобою погнался бы...»

Далее девушка попеременно поет, что она превратилась бы в ценного зверя, в птицу, в пояс княгини, в тапочки княжны, в мельничное колесо, в мельничный жернов, в рыбку... На каждое ее притворное превращение юноша поет, что он, поочередно, превратился бы в княжеских гончих, в крыло той птицы, в платок, в сафьяновый башмак, в речной поток, в верхний жернов, в удочку рыбака и т.д. Помимо устойчивых песенных клише, которые могут быть использованы разной парой юношей и девушек, такие песни давали простор для импровизаций. Скажем, девушка могла бы пропеть, что она превратится в утку, а юноша при этом отреагировал словами, что он превратился бы в орла, а затем схватил бы и унес утку. Таким образом, каждая из сторон имела возможность проявить свои индивидуальные творческие способности на радость равнодушным участникам вечеринки.

Исполнение таких песен-диалогов представало в виде мини-спектакля. Естественным завершением песенного диалога являлся парный танец. Такие песни поднимали общее настроение, давали возможность юноше и девушке лучше познакомиться друг с другом.

Драматические действия, подобные приведенным, были любимы народом. Помимо самих «исполнителей» в подобных театрализованных действиях активное участие принимали и «зрители». Еще одним из таких театрализованных действий являлось загадывание на вечеринках загадок, имевших форму притчи. Вот одна из них:

Спрашивает юноша: «Девушка, стоят три кружки. Одна из них золотая, вторая серебряная, а третья оловянная. Скажи, какую бы ты выбрала кружку, чтобы напиться воды?»

Отвечает девушка: «Я бы выбрала серебряную кружку».

Своим ответом девушка дает понять, «что она не высокомерна и считает себя вместе с тем не хуже других». (25. 351) После ответа девушки, каким бы он ни был, в знак благодарности юноши вежливо встают, а тамада или загадавший загадку благодарят девушку.

На вечеринках присутствует и своего рода распорядитель, роль которого, прежде всего, сводится к тому, чтобы танцы проходили организованно. Именно от него зависит, какую девушку вывести в круг для очередного танца.

Роль тамады сводилась также к тому, чтобы умело регулировать очередность танцев, шуточного сватовства, песен-диалогов, прослушивания «мелодии для слуха», загадывания загадок; а также следить за

общим порядком и объявлять перерыв, когда в этом возникнет необходимость.

Свою роль на вечеринке играли и «зрители»: женщины, дети... Среди них были и юноши, которые следили: не была ли прикосновением или неудачным словом затронута честь их сестры, которую они сопровождали на эту вечеринку. В самом драматическом действии «ловзар» зрители непосредственно не участвовали: их роль сводилась к одобрительным (или порицательным), вполголоса сделанным замечаниям. Подростки из этой зрительской среды своими хлопками сопровождали танцы.

В предварительном сговоре потенциальных жениха и невесты немалую роль играют подружки и родственницы, которые могут даже устроить тайное свидание молодых, а также могут выступать в роли посредниц.

В те годы довольно живучей была следующая форма общения юноши и девушки. Она была официальной и называлась «йолах бларг тохар» – своеобразные смотрины. Проходил этот обряд следующим образом.

К семье девушки посылался вестовой с извещением, что если им позволят, то в такой-то день к ним придут юноши, чтобы познакомиться с их девушкой. Получив согласие, молодой человек вместе с родственником дома девушки, а с ними могут быть и еще несколько юношей, идут в гости. Там для них накрывают стол. Причем угощение должно быть не слишком богатым, но и не слишком бедным. Входит девушка и еще две-три, по количеству явившихся юношей. Начинаются взаимные распросы, проводится шуточное сватовство и т.д. Естественно, что в окна и двери подглядывают и подслушивают родственные девушки женщины и дети. Присутствующие мужчины не проявляют заинтересованности – все, что надо, им потом сообщат женщины. Часто такие «смотрины» проводятся, когда юноша и девушка заранее уже могли прийти к взаимному согласию, так что иногда эти «смотрины», по сути, становились «смотринами» за молодым человеком. Но если допустить, что юноша и девушка ранее не были знакомы, что на юношу эта девушка не произвела должного впечатления, все же со стороны юноши должны были послать в семью девушки официальных сватов. Поскольку с первого же сватовства у ингушей не принято давать положительного ответа, вся процедура на этом заканчивается, но зато не пострадала честь девушки (ведь ее все же пытались засватать!). Но чаще всего такие «смотрины» являлись прямой дорогой к началу настоящего сватовства.

Впервые вопросы ингушского сватовства были затронуты в конце 70-х годов XIX века Н. Грабовским, который отмечал: «Один из род-

ственников задумавшего жениться отправляется к родным девушки, которую хотят сватать, и делает предложение выдать ее за называемого человека, зовут девушку и спрашивают, согласна ли она выйти за него. Это допрашивание – ни больше и ни меньше как форма, которую обычай требует исполнить, и после этого, согласна или нет девушка, решают выдать ее». (15, 120)

Хотя Н. Грабовский и пишет, что испрашивание согласия девушки на брак является формальным актом, все же это является показательным и, как известно, мнение девушки было не последним в решении ее судьбы. Конечно же, были случаи, когда девушку выдавали замуж и вопреки ее желанию, но это было, скорее, исключением.

Более реальную картину ингушского сватовства дает Н. Яковлев, побывавший у ингушей в самом начале 20-х годов прошлого века:

«Сватают в присутствии отца жениха уважаемые и известные своей «доблестью» родственники. «Мы давно тебя знаем и любим, уважаем твой род, – говорят они отцу невесты, – и хотим с тобой породниться. У нас есть жених – у тебя невеста...» Если тот считает их фамилию недостаточно знаменитой и партию для себя неподходящей, он отвечает уклончиво, что дочь моя, мол, больна, да и с лица неказиста, кривая и проч. Но сваты не сдаются: «... не ради лица, мол, сватаемся, но из уважения к тебе и твоей фамилии хотим породниться с тобой на пользу всему ингушскому народу». Сватовство повторяется 2-3 раза... и лишь на третий раз отец невесты, который успеет уже посоветоваться со своими родичами, даст окончательный ответ». (37, 225-226)

Из этой цитаты критическому осмыслению подлежат слова «что дочь моя, мол, больна, да и с лица неказиста, кривая и проч.». Такое наговаривание отца на свою дочь для ингушей совершенно не свойственно. Тут, скорее всего, произошло какое-то взаимонеопонимание автора и его информатора. В действительности же, отец будет выдвигать причины, совершенно не порочащие его дочь, а таких причин всегда найдется предостаточно. Ежели же отец, в принципе, не против этого сватовства, то он на первый, а иногда и на второй заход сватов выдвигает причину: мы должны посоветоваться с родственниками, мы еще не со всеми успели посоветоваться и пр.

От воли отца многое зависит – ведь, в конце концов, именно он дает согласие на брак, но в меньшей степени вопрос бракосочетания зависит от матери и других близких женщин. Именно они проводят своего рода «разведку» обо всем, что касается потенциального жениха и его семьи, рода. Не менее активны и женщины с жениховой стороны, разными путями испытывающие все, что касается невесты и ее окружения.

Ингуши со всевозможной основательностью относятся к вопросам бракосочетания. Особенно в изучаемое время разводы среди ингушей были редки, а если какой и случался, то это считалось сверхординарным событием и большим несчастьем, особенно для женщины, и тем более, если у нее имеются дети. В ингушской житейской практике довольно нередко были случаи, когда овдовевшая женщина, имея на руках всего лишь одного мальчика, всю свою жизнь посвящала ему и не выходила повторно замуж, даже если такая возможность и появлялась.

Родители, как жениха, так и невесты, вполне естественно, искали достойную пару. Идеалы юноши и девушки были созвучны требованиям своей исторической действительности. С двух сторон большое значение придавалось родовитости, авторитету семьи, людской молве о юноше или девушке, их характеру и этикетному поведению; выясняли: имеется ли что-либо порочащее их и их семьи и пр.

Именно об этом говорит следующая притча.

Ответ девушки

Одному юноше посоветовали жениться на некоей девушке, сказав, что, помимо красоты, она обладает еще и умом и благородным поведением.

«Я проверю, насколько все это верно», – ответил юноша и пошел на вечеринку, где была и эта девушка.

Когда юноша пришел, вечеринка была в самом разгаре, и юноши, по обычаю, стали девушкам загадывать разные загадки. В свою очередь этот юноша спросил у той девушки:

– Если знаешь, ответь, пожалуйста, что это такое, что было создано до сотворения Вселенной и исчезнет только после того, как Вселенная перестанет существовать?

– По моему разумению, – ответила девушка, – это благородство и добрые дела.

Понял юноша, что девушка умна, и вскоре засватал ее.

Йо!о денна жоп

Хьаькьал долаш я, г!улакх-эздел долаш я, хозахилар совнаг!а, аьнна, цхьа йо! могаяь хиннай з!амигача сага. Из г!улакх аз тохкаргда, аьнна, ловзарга вахав з!амига саг. Цу клала йо! а хиннай. Сакьердо-ош мехкарашка цхьацца х!ама хоатташ хиннаб кагий нах. Цу з!амигача саго хьагтад цу йо!ага:

– Хьайна хой, хьаалал фуд из, Дуне кхоллалехьа кхелла а долаш, Дуне дехачул г!ехьаг!а мара д!адаг а доацаш дар?

– Сога хьагтача, из да, аьннад йо!о, – эхь-эздели хоза г!улукхи.

Немалое значение придавалось физическим достоинствам и внешним данным. К достоинствам девушки относили ее умение вести хо-

зяйство и быть умелой рукодельницей. Большое внимание уделялось и материальным возможностям жениха, и все же на первое место выходили его наследственные качества. Высоко чтились семьи, отличавшиеся традиционной именитостью и родовитостью. Существовала даже такая поговорка: «Благородный человек девять своих дурных поступков исправляет одним благородным делом; неблагородный же – одним дурным поступком перечеркивает девять ранее им сделанных хороших дел». (25, 170) Самое пристальное внимание уделялось личным качествам жениха (благородство, мужество, доброта и др.).

На рубеже XIX – XX веков отмечает исследователь Ф. Кудусова: «Обязательным было соблюдение возрастной очередности заключения брака со стороны братьев и сестер. Часто неустроенность старшей дочери или сына являлась помехой своевременному вступлению в брак их младших сестер и братьев». (22, 38) Отметим, что в особенности этот запрет был чувствителен для младших сестер, которые никак не желали попасть в разряд «засидевшихся девиц» («яьг!а йо!»). Со временем этот запрет относительно девушек стал нарушаться, но в отношении мужской половины он живуч и сегодня.

Если сватовство все же не состоялось, хотя девушка и была согласна выйти замуж, юноша бросал эту затею или же начинал с друзьями искать благоприятный случай для ее похищения. Зная это, родители начинали всячески оберегать свою дочь – она становилась затворницей. Видимо, тогда и появились слова девичьей песни:

Пусть скажут: «Сама вышла замуж!»

Пусть скажут: «Замуж сама побежала!»

(«Ше яьхар», – алийта вай!
Едда яьхар», – алийта вай!»)

Бывало, что родители были бы не против выдать свою дочь, но этому мешала какая-то застаревшая вражда двух родов. В таких случаях родители могли на все закрыть глаза, а после «похищения» дочери перед своими родственниками в недоумении развести руки, как бы говоря: «Видите, мы-то были против, да вот парень оказался чрезмерно настырным, да и дочь теперь оказалась в безвыходном положении». Из этого примера наглядно видно, что похищение похищению рознь.

Как видим, процесс ингушского сватовства довольно усложненный и длительный. В этом деле принимает участие немалый круг родственников с двух сторон. Но, что дорого достается, то дороже и ценится.

Сейчас промежуток между сватовством и свадьбой составляет всего один или несколько месяцев. Но лет сто назад этот промежуток достигал года, а иногда и более. За это время готовилось приданое невесты, а заодно как бы проверялась «на прочность» сторона жениха. Она должна была всячески показывать свои приятные отношения к семье и родственникам невесты, которых уже называли «захалаш».

Урдув (калым)

Теперь обратимся к так называемому «урдув» – калыму. Тут сделана оговорка (так называемый) потому, что укоренившееся в этнографии понимание калыма совершенно не соответствует ингушскому понятию «урдув». Традиционно понимаемый калым в ряде исламских стран – это материальное возмещение родителям девушки, или, проще говоря, плата за невесту.

У ингушей невест не покупают и не продают.

Чтобы лучше понять основу ингушского «урдув», обратимся к понятию «приданое». У русских, индусов и целого ряда других народов калыма, в подлинном смысле этого слова, нет. Но есть «приданое», которое невеста несет в дом жениха. Несчастной являлась девушка, которую называли «бесприданницей». Не каждый отваживался жениться на такой. Приданое сколачивалось всей семьей в течение длительного времени и наносило ей немалый материальный ущерб. Так вот, ингушское «урдув» можно приравнять к «приданому», но с одной важной оговоркой: ингушское приданое («урдув») готовит не сама невеста (ее семья), а сам жених (его семья и родственники). Родители жениха в качестве «урдув» передают определенную сумму родителям невесты. При этом «урдув» предназначается не им, а непосредственно самой невесте. Отныне «урдув» – это ее личная собственность, но с двумя условиями. Первое:

она обязана принести в дом жениха все необходимое для их совместной жизни (кое-что из мебели, постельные и прочие принадлежности, свой гардероб и пр.), а также подарки для свекра, свекрови, деверей, золовок. Все это приносимое в дом жениха приданое, приобретенное за счет его «урдув», называется «поартал» и часто его стоимость превышает сумму выданного «урдув». Второе условие: отныне весь этот «поартал» является личной собственностью невесты, и, если она будет разведена, она весь этот «поартал» как свою личную собственность увозит с собою. Как видим, невестина сторона тут материально ничего не выигрывает; считается постыдным привезти с собою «поартал» стоимостью ниже суммы самого «урдув». Чтобы не прослыть скрягами и людьми, желавшими пожить за счет своей дочери, ее родители, по мере возможности, стараются не ударить в грязь лицом и идут на расходы, превышающие сумму самого «урдув». В обязанности жениха входит иметь хотя бы отдельную комнату, а уж обставить ее всем необходимым (с собою привезенным) является обязанностью невесты. По этому поводу имеется краткая заметка Н. Яковлева:

«Калым обычно идет на расходы по закупке и заготовке приданого, состоящего из носильного и постельного белья, платья, зеркала и медных тазов, кувшина для ношения воды и большого таза для очистительных омовений». (37, 228)

Картина вроде бы складывается идиллическая – материальные расходы на «урдув», понесенные стороной жениха, возвращаются к нему в дом. Однако тут возникает сложность: где взять деньги на это самое «урдув», если крестьянская семья кое-как поддерживает свое существование? А ведь такие хозяйства и составляли основную массу населения. Конечно, какая-то материальная поддержка поступала от близких родственников, но ее было далеко не достаточно, в связи с чем порой бедные юноши вынуждаемы были становиться на скользкий путь.

Накир Озиев. Уродника

текла кровь, обнял шею лошади и приказал товарищам ехать домой, зорко следя за добытыми конями. Когда всадники вместе с желанным «калымом» добрались до аула, уже мертвым сняли они жениха с седла. Этот случай горячо обсуждался моими знакомыми, молодыми ингушами, и ни один из них не был на стороне отца, своей скупостью погубившего и счастье дочери, и «настоящего» человека». (37, 227-228)

В этом отрывке звучит заслуженный упрек в адрес отца девушки. Однако нередко в этом бывала виновата и мать, которая обычно заявляла: «Моя дочь не выйдет замуж, имея приданое хуже, чем у других!»

К чему это вело, можно судить из ниже следующего случая, приведенного Н. Яковлевым:

«Старик – ее (девушки, которую сватали) отец, известный своей скупостью, заломил невозможный «калым» и запер дочь в четырех стенах. Наш молодец собрал своих молодых родственников и поехал добывать «калым». Им удалось ночью угнать целый табун коней, которого хватило бы на уплату «калыма». Но в самую последнюю минуту жених был ранен пулей в живот. Без звука склонился он на гриву коня, оторвал зубами кусок черкески, заткнул им рану, чтобы не

Попутно заметим, что в приведенных фрагментах из труда Н. Яковлева везде слово «калым» им взято в кавычки. Видимо, его «знакомые молодые ингуши» (по его замечанию) растолковали ему особенности ингушского «урдуд».

С одной стороны, стоимость «урдуд», вернувшаяся в дом жениха, закладывала материальные основы молодой семьи, что во многом гарантировало ее прочность. Однако, с другой стороны, собрать необходимую сумму «урдуд» далеко не всем было под силу. Именно поэтому:

«Большой размер калыма и отрицательные последствия, связанные с необходимостью его уплаты, вызвали беспокойство прогрессивных людей того времени (рубежа XIX и XX вв.), выступавших за полную отмену калыма или его сокращение до минимума». (20, 509)

Официальные власти, видя в калыме один из источников криминалитета в крае, также были обеспокоены этой проблемой. Зная, что полная отмена калыма совершенно нереальна, власть сделала решительные шаги в сторону его ограничения. О том, как это было реализовано, мы находим известие у Н. Грабовского:

«До 1863 года калым за невесту в Ингушском округе определялся 18 коровами, считая за каждую средним числом по 10 рублей, – 180 рублей. Так как подобная плата, при экономических условиях ингушей, для большинства была обременительна, то в названном году сделано предложение народному суду, при предполагавшемся изменении некоторых обычаев, изменить и настоящий. Тогда суд постановил: вместо существовавшего калыма вносить только 25 рублей и 80 рублей назначил собственно в обеспечение выходящей замуж на случай смерти мужа или развода с ним. Первые деньги должны вноситься при заключении условий, а последние, т.е. 80 рублей, предоставляются девушке при выходе замуж или впоследствии, когда она найдет это нужным». (15, 120)

Этой оговоренной народным судом суммы в 105 рублей ингуши придерживались вплоть до октябрьского переворота 1917 года, когда стали часто меняться как сама валюта, так и ее стоимостное содержание. Обращает на себя внимание то, что до 1863 года мера калыма исчислялась в коровах. Тут необходимо внести следующее пояснение: данный факт не означал, что плата должна быть именно в коровах. Правильнее было бы писать «в скотине», по-ингушски – «бежан». Корова – скотина («бежан») являлась своего рода валютной единицей, которую могли по стоимости приравнять к деньгам, овцам, мануфактуре, оружию, одежде и т.д. К примеру, одно ружье могло бы быть приравнено к нескольким коровам и т.д. Идентифицировать стоимостное выражение разных вещей относительно одной к другой было делом довольно запутанным. Чтобы избежать этой сумятицы, народный суд и отменил идущую издревле

оплату в исчислении стоимости в одну «скотину» и ввел счет на денежный курс того времени. Но, хотя 105 рублей было значительно меньше, чем 180 рублей, все же и эта плата для многих оставалась непосильной. Без родовой (родственной) помощи трудно было собрать необходимую сумму, а такую помощь всегда и во всем родственники обязаны были оказывать друг другу.

В описываемое время между сватовством и свадьбой лежал довольно длительный отрезок времени, иногда продолжительностью до двух лет. Время это отводилось для приготовления невестой своего приданого. В это же время проходил и обряд «найц гучавакхар» – «представление зятя»: с товарищами и с соответствующими подарками зять являлся в дом невесты. Молодые люди общались с ее сестрами и подругами. Устраивалось пиршество и веселье. Уходя, молодые люди оставляли на столе определенную сумму денег в подарок невесте. Так же ее, уже отдельно, навещали братья (родные, двоюродные...) жениха, привозили соответствующие подарки, общались с невестой, ее сестрами и подругами.

Все эти посещения, сопровождавшиеся подарками и весельем, были призваны служить укреплению взаимоотношений между родственниками наметившейся молодой семьи.

Свадьба

«Свадьба отмечалась весьма торжественно, с участием всех родственников, со строгим соблюдением обрядов, могущих, по представлению народа, оказать магическое действие на исход дела, на создание крепкой, многодетной, счастливой семьи». (20, 231)

Народ относился к свадебному обряду со всей серьезностью. Это событие должно было всенародно освятить крепость уз заключаемого родства, должно было запомниться на многие годы. В деле подготовки к свадьбе участие принимали обе стороны. К ним подключались родственники, которые брали на себя некоторую долю материальных расходов.

Свадьбы обычно проходили осенью, после завершения хозяйственных работ. В это время люди были более свободными и к тому же имели убранный урожай и откормленный скот. Свадьбы могли проходить и в другое время, но никогда в «месяц кукушки» (конец апреля и месяц май). Как известно, кукушка не выводит свое потомство и не имеет своей «семьи». Народ, издревле подверженный разным суевериям и магическим свойствам, считал, что брак, заключенный в «месяц кукушки», распадется и девушку-невесту постигнет судьба одинокой кукушки.

Назначение дня свадьбы чаще всего зависело от невестиной стороны, часто из-за того, что приданое не до конца бывало готовым. Принято было двум сторонам назначать первый день свадьбы, но он не подлежал оглашению, видимо, это делалось для скорейшего завершения всей свадебной подготовки. Затем уже назначался второй, но уже конечный срок проведения праздничных торжеств. Обе стороны посылали рассыльных по всем адресам близких и не столь в родстве отдаленных родственников, близких друзей, соседей. У ингушей никогда не говорят «приглашаем тебя» (форма на «вы» вообще отсутствует), а говорят: «Просили известить тебя». Обычно на ингушскую свадьбу неоповещенные не являются, полагая, что с ними не посчитались.

Свадебные торжества проходят отдельно в доме жениха и в доме невесты, так как у обеих сторон имеется свой круг родственников и знакомых. С другой стороны, это объясняется и тем, что если бы обе стороны проводили свадьбу вместе, то она просто стала бы неуправляемой из-за чрезмерно большого количества явившихся на свадьбу. Обычно за день-два до свадебного дня женихова сторона посылает в дом невесты так называемый «хьоалчагI» – угощения, которые состоят из одного-двух баранов, бычков, сахара, муки, чая и пр. «ХьоалчагI» – это, с одной стороны, оказание внимания и уважения к невестиной родне и, с другой стороны, своеобразная помощь ей в предстоящих больших свадебных

расходах. Полностью отказаться от этого «подарка» нельзя, чтобы не обидеть дарителей, но в то же время часто бараны отсылаются назад с благодарностью.

Девушки, ближайшие родственницы, уже за неделю являются в дом, где состоится свадьба, и помогают, чем могут. За три дня до свадьбы то же самое делает близкородственная молодежь. За день-два до предстоящих торжеств подключаются люди старшего возраста, которые обычно, кроме своего личного присутствия, ничего особенного не делают. Помощь деньгами, скотом и прочим близкими родственниками уже была заранее оказана.

Большой интерес для молодежи представляет обряд «замаълха вахар». Он схож по функции с некогда бывшим русским обрядом «поезжание» за невестой. У ингушей женихова сторона снаряжает этот свадебный поезд – «замаълха вахар». Его возглавляла небольшая группа стариков, которые контролировали этот свадебный поезд, по прибытии, уже на месте, они осуществляли обряд заключения брака. Основную массу этого «поезда» составляла молодежь. Юноши обычно гарцевали на своих конях, и тут присутствовало молчаливое соперничество: чей конь и его снаряжение лучше. Для стариков и девушек использовали все имеющиеся бидарки и фаэтоны. Жители Владикавказа и близлежащих сел иногда дополнительно нанимали городских ямщиков. Один из самых близких (брат жениха) назначался ответственным. В его обязанности входило соблюдение порядка на всем пути следования свадебного поезда. Уже на месте ответственность за группу юношей и за группу девушек несли избираемые в каждой группе тамады. Отдельно выстраивалась группа прибывших молодых людей и выведенная навстречу им группа девушек невестинной стороны. Была и такая же группа, но уже с противоположным представитель-

ством (к прибывшим девушкам навстречу выходили юноши со стороны невесты). Та и другая группы отдельно проводили обряд «бегаша зоахалол» – шуточного сватовства, перемежавшийся танцами, то есть обряд этот в своих основных чертах напоминал ранее приведенный обряд «ловзар» – вечеринка. Весь он был весьма развлекательным и являлся прекрасным и ярким зрелищем для многих присутствующих на свадьбе. Также он давал юношам и девушкам хорошую возможность познакомиться и лучше узнать друг друга. Тем временем приезжие и местные старики общались за богато накрытым праздничным столом. Встав из-за него, они нередко подключались к общему веселью, могли принять участие и в танцах.

В конце XIX – начале XX века произошли изменения и в обряде вывода невесты из родительского дома и передачи ее свадебному «поезду». Так, к концу XIX века в горах еще существовал старинный обряд прощания невесты с родительским домом. До прихода свадебного поезда выдаваемая замуж должна была изображать печаль, чаще всего притворную, но и подлинную, если бывала выдаваема замуж насильно. Ее подружки при этом пели песни как бы от лица невесты. Даже если она выходила замуж со своего согласия, все же могла звучать приблизительно такая песня, в 1902 году записанная Магометом Джабагиевым и опубликованная в следующем подстрочном переводе:

«Зачем меня создал Бог? Зачем меня родила мать? В ту ночь, когда мать меня родила, валялась на сырой земле разъяренная медведица; над курганом выл голодный волк, лев был гоним метелью, олень растерзан волками. Оленя растерзали голодные волки, лев был гоним холодом метели, медведица валялась на сырой земле, стелая о своем раненом медвежонке. Зачем меня создал мой бог? Зачем меня родила моя мать? С огнем в руке, с соломой под мышкою, будто я сожгла мечеть, как будто я поклялась Кораном ложно? Зачем такой несчастной создал меня мой

бог? Да умрет та, кому шебень Сунжи, цветы лугов оказались прекрасными, пусты о нем слова! Сама же я, сама ошиблась в нем». (2. 286)

Выходящая замуж ни в коем случае не должна была выказывать свое хорошее расположение духа по поводу предстоящей свадьбы; родные и близкие как бы должны были видеть ее горе по разлучению с ними. Опережая события, скажем, что, уже придя в дом жениха, она всячески должна была давать понять, что для нее это радостный день, когда она стала невестой столь славных людей. Также существовал, уже затухавший ко времени нашего повествования, обряд «Прощание невесты с очагом». По сути, это был обряд прощания с родным домом. В горах у хорошей хозяйки всегда сохранялся огонь. Предварительно его разводили. Родственник невесты брал ее за руку и, обводя вокруг очага, речитативом пропевал молитву:

«О-о великие цувны (духи дома-огня),
Ваша дочь и сестра,
Что любила, кормила вас,
Уходит вить новое гнездо.
Дочь и сестра наша,
Что сердцем была с нами,
Пока жила и хозяйствовала
В нашем доме и во дворе,
Покидает сегодня нас.
Просит она прощенья у вас
За все то, что сделала не так.
Дочери и сестре вашей,
Что чистый огонь в очаге содержала,
Хорошее благопожелание скажите,
Она уходит от нас не потому,
Что дом наш возненавидела, —
По божьей ведь воле уходит она.
Скажите: пусть замужество ее будет хорошим,
Скажите: пусть путь у нее будет мирным,
Скажите: пусть живет она в благодати,
Скажите: пусть, не забывая отчий дом,
Всегда она его навещает.
Скажите: пусть в замужестве здравствует,
Пусть счастливо живет наша дочь и сестра.
Аминь! О-о Дяла!»

Несколько в отдалении от очага стоят домочадцы, близкие и родственники. Произносящий молитву временами делает паузу. Тем временем присутствующие восклицают: «Аминь! О-о Дяла!»

Затем эта же пара шла к родовому склепу, где проходил уже обряд прощания с предками, лежащими в нем.

С укреплением позиций ислама вывод невесты из родительского дома стал проводиться совсем иначе. Теперь невесту, взяв правой рукою, за правую руку выводил юноша. Он должен быть из близких родственников жениха, но не родной брат, холостым, из хорошей и благородной семьи, с доброй репутацией, иметь живых родителей, пригож лицом и крепок здоровьем. Когда общее веселье подходило к концу, избранный юноша в сопровождении двух-трех дружков шел выводить невесту. При проведении этого небольшого обряда сохранился глухой отзвук старины, а именно, отношение к юноше, выводящему невесту, напоминало обращение с ее «похитителем»: женщины дергали его за череску, отрывали пуговицы, иногда ножницами могли отрезать кусок от полы черески. Однако, чтобы избежать всего этого, юноша направо и налево раздавал небольшие «откупные» деньги. К прибывшему свадебному поезду («замеш») свою «агрессивность» проявляли подростки: они издали кидали в прибывших небольшие комья земли, хлестали прутьями по крупу их коней, перегораживали дорогу веревкой, требуя откупа от «похитителей» их сестры...

В исследуемый период на свадьбах устраивалось своеобразное песенное драматическое представление. Проводилось оно следующим образом: после шуточного сватовства и танцев, напротив друг друга, становились с одной стороны – группа девушек со стороны невесты, а с другой, напротив, – группа девушек со стороны жениха. Между ними начинался песенный диалог. Вот некоторые его фрагменты:

Девушка Байрак с невестиной стороны:

«Едут, едут, говорили,
От жениха девушки,
Приехали-прибыли
Жеманницы-кокетки.
Едут, едут, говорили,
Чистые князя.
Приехали-прибыли
Под выючными седлами ослы».

Девушка Хажиха с жениховой стороны:

«Благородные князя
Спешились у тебя,
Накрыть стол князьям
Сумеешь ли ты?
Светлые княгини
Прибыли к тебе –
Княгиням чашу поставить
Сумеешь ли ты?»

Байрак:

«Стол обильный накрой,
Наш хозяин Гази, –
Стол когтями скребущие
Гости приехали к нам.
Чашу полную налей,
Наша хозяйка Хяди, –
Чашу челом бьющие
Гости приехали к нам».

Хажиха, обращаясь к невесте:

«Не плачь, не причитай,
Да умру за тебя я, сестра твоя».

Байрак:

«Как ей не плакать,
Как ей не причитать,
Когда за труп
Живая девушка замуж выходит...
Твой отец бросил тебя
В горящий огонь,
Покуда огонь горит,
Чтобы ты, мол, горела...
Со звуком «шарх-шарх»,
Шубу сбросив,
К очагу привалится
Увалень (про жениха), чтоб ему умереть!
Широкую чашу слюнями он мажет,
Рыжие усы соплями мажет...
О жесткий плетень бока чешет...»

Хажиха:

«Если б такой, как у тебя,
Сокол был у меня,
На египетской игле
Танцевала бы я...
Ранее месяца восходящая
Сияющая звезда
В полную руку идет к тебе.
Прежде солнца идущие
Лучи солнца
В полное объятье даются тебе».

Байрак:

«Овечьими курдюками
Вскормленная голубка
На вашем кислом рассоле
Останется ли?
На молочной каше
Вскормленная голубка
К вашему жесткому чуреку
Привыкнет ли?»

Хажиха:

«...Спереди если взглянуть,

Грубыми кажемся мы.
Твой сокол поставит тебе
Шелковое приданое.
Твой сокол поставит тебе
Двойные ткани...»

Байрак:

«Мало ли, что в камышах
Широкая жаба влачится,
Мало ли, что в камышах
Необученный конь хаживает.
В нашем медном доме
Игравшая голубка
В вашем плетеном доме
Приобвыкнет ли?»

Хажиха:

«Жить будет она
В медном доме,
Прясть будет она
Шелка узорчатые...
Вперед не посмотрев,
Ноги не ставь.
Назад не оглянувшись,
Слова не молви...
Пока мы не выедем из аула,
Да живите вы благополучно.
Когда же выедем из аула –
За селом торчащие
Осиновые пни,
Превратившись в заразы,
Да набросятся на вас!»

Байрак:

«Пока не выедете из нашего аула,
Да едете благополучно.
Когда да выедете из аула,
Да умрет у вас старший.
На саван старшему
Да продадите вы младшего.
На саван младшему
Козу да продадите вы!...» (2, 269-276)

Тут приведены только некоторые наиболее характерные фрагменты этих песенных диалогов. По рассказам долгожителей, эти песенные перепалки иногда достигали такой остроты, что спорщицы могли рассориться. Девушек всю подбадривали с двух сторон. Выиграть или проиграть в словесно-песенном споре становилось делом чести. Как видно из текстов, наибольшей агрессивностью отличается сторона невесты. Более умеренно ведет себя сторона жениха. Во всем этом также проглядывают древнейшие корни, восходящие к периоду умыкания невест – древнейшей форме брака народов мира.

Это любимое театрализованное действо в начале XX века стало за-

прещаться как остаточное явление языческих времен.

Обратный путь свадебного поезда был значительно веселее. Если он проезжал через какое-либо село, поезд могли попросить задержаться на какой-нибудь площади, где вновь устраивались танцы. Во время пути юноши на конях подъезжали к подводе (линейке, фазтону) с девушками, шутили, обменивались символическими подарками. Например, влюбленный в какую-то девушку парень мог через кого-то передать ей в подарок что-то из сладостей, даже какую-нибудь безделушку. Если девушка отвечала взаимностью, она в ответ передавала обычно носовой платочек. На всякий случай девушки всегда имели их при себе.

При существовавших в то время транспортных возможностях и, к тому же, если невеста была из дальнего села, на всю процедуру привоза невесты уходил весь световой день. По рассказам, если невеста была из очень отдаленного села, свадебному поезду приходилось ночевать в каком-нибудь промежуточном селе у какого-нибудь родственника жениха, который должен был для всей этой процессии приготовить ужин. Молодежь же веселилась до глубокой ночи. Тем не менее, поезд отправлялся в путь с утра как можно раньше. Правда, такая остановка случалась не часто. Как отмечал Н. Грабовский:

«Во время этого переезда девушки поют песни, а молодежь занимается джигитовкою. По прибытии в дом жениха начинается настоящее

веселье, пляшут, поют, едят и пьют. Все это продолжается в течение трех суток». (15, 120)

Свою обрядность имел и ввод невесты в дом жениха. Основной его смысл заключался в приобщении невесты к новой семье: невеста должна была отложить в сторону положенный на пороге веник, завернутый в коврик, что символизировало принятие ею на себя забот по дому. Перед очагом (печью) сидела свекровь, держа в руках очажные щипцы, тем самым она перед невестой символизировала, что она продолжает оставаться в роли «цѣн нана» – хозяйки дома-очага. Вошедшую невесту обсыпали различного рода сладостями и чайной ложкой дважды подавали ей масло и мед, при этом приговаривали: «Да будь ты приветливой, словно масло; да будь ты сладкой, словно мед!» («Дайтга сана хьанала хийла хьо, модз сана мерза хийла хьо!»). (37, 229)

Вывод невесты

При выводе невесты из отчего дома стреляли вверх из ружей, чтобы отпугнуть злые силы. При этом представители каждой из сторон стремились опередить выстрелами другую сторону (дескать, чья взяла!). Стреляли и при вводе невесты в дом жениха. На руки невесте давали мальчика, что символизировало пожелание многодетной семьи, в которой преимущественно рождались бы мальчики. Здесь вновь придется сделать отступление.

Пожелание иметь больше мальчиков никак не означало проявление пренебрежительного отношения к женскому полу. Напротив, у ингушей бытует давнее поверие, что отец, у которого много девочек, непременно попадет в рай. Но в период почти полного отсутствия должной социальной защищенности со стороны государства приходилось полагаться на свои собственные силы, а это означало: силен (и прав) тот, кто может защитить свои семьи и род, может способствовать укреплению их экономической и военной мощи. Для

всего этого нужны были сильные мужские руки, а их в те отдаленные времена всегда не хватало, ибо немало мужчин погибало или вдали от отчего края, или в различных междоусобицах. В более отдаленные времена для мужчин даже считалось более почетным погибнуть в бою, чем умереть дома на кровати. Тогда-то и родилась пословица: «Гордый пес не умер на своем дворе» («Яхь йола пхьу ший коа беннабац»).

Не случайным было пожелание невесте: «Да будешь ты благодетельствована семью сыновьями» («ВорхI вола фарал йойла хьо»). Молодой паре желали: «Да будут у вас семеро сыновей и одна дочь!» Если рождалась девочка, произносилось пожелание: «Пусть она долго живет и здравствует и станет сестрою семи братьев!».

Мальчику, взятому на руки, невеста давала деньги и, слегка приласкав его, возвращала. Бывало, что мальчик не желал отходить от нее, тогда он оставался при ней во все дни смотрин невесты.

При выводе невесты из отчего дома, при вводе ее в дом жениха девушки часто исполняли следующего содержания песни-пожелания:

«Да будешь ты в новом доме, как потолочная балка,
На которой держится крыша дома,
Да будешь в согласии со всеми так,
Словно масло, растворившееся в молоке!
Да благословит тебя Всевышний!
Чтоб никто с двух сторон в этом родстве
Не усомнился бы и не раскаялся,
Чтобы все твои блага приумножались так,
Как множится пепел в очаге.
Чтоб тобою озарялся весь дом,
Как кресало озаряет камин.
Да благословит тебя Всевышний!
Радостно хозяйствуй в чистом доме,
В котором хозяйствовала свекровь.
Красиво хозяйствуй за железными воротами,
Где хозяйствовал твой свекор.
Будь ты уживчива
И со своими хорошими деверями,
И со всей любезной мужней родней...
Как серебряная рукоять с богатырской саблей,
Ты будешь едина с семьей сокола.
Так, в единстве, любезно живи с белым соколом,
Как благодатный мед в плетеном пчелином улье,
Так же сладко живи с семьей сокола». (2, 288)

В доме жениха невесту ставят в красный угол за импровизированной

занавеской или же у нее на лицо опущена прозрачная вуаль. Родственники и все, кто явился на свадьбу, проявляют живой интерес к невесте. Тут устраиваются своеобразные смотрины. Одни, чтобы доставить приятное невесте, отмечают, как она хороша собой. Иногда притворно, особенно если невеста красавица, говорят, что ничего особенного в ней нет и что загубили парня, женивши его на недостойной его особе. Невеста, еще загодя зная о таком притворстве, никак не высказывает своего недовольства, а, как и положено, смущено улыбается, потупив взор. Все, кто участвует в этих «смотринах», обязательно произносят разного рода благопожелания, типа:

«Дай, бог Дяла, счастья тебе и благополучия!»,

«Сколько б ни жила, да не будь ты униженной и обиженной; сколько б ни жила, да не познаешь ты вкуса слез!»,

«Пусть Дяла благословит вашу невесту. Пусть будет она вам по душе, пусть брак этот будет таким, каким его хотят видеть обе стороны (родные жениха и невесты)!».

Делали иногда разного рода наставления и поучения. Вот одно из них:

«Пусть не подумают, что вдали от людей под мельницею выросла ты; лопату и вилы в руки бери (будь работящей); характером будь, как масло, приятной; будь сладка в обращении, словно мед; твои деверь сходи с факелами и резвыми барсами. Ты должна в молоке содержать (хорошо обхаживать) своих золовок. Ты должна относиться к деверям, как к князьям. Да будешь ты всегда, словно солнце, прекрасной и сияющей!».

У жениха на ингушской свадьбе роль пассивная и довольно приятная. Он не участвует во всей этой свадебной обрядности (все, что надо, он сделал заранее). Правда, иногда бывает, что он, тайно, не выдавая себя, участвует в обряде привоза невесты. В день свадьбы жених находится в каком-нибудь из соседних домов, там сидят с ним его близкие друзья. Им на стол приносят все лучшее. Друзья временами уходят на свадьбу и, повеселившись, возвращаются. Тяжелее приходится невесте: все три дня свадьбы она должна была стоять, «словно свечка». Со временем, уже ближе к нашим дням, свадьба стала обычно заканчиваться одним днем.

В прежние времена на свадьбах обязательно играла гармонь, беспрерывно танцевали, устав, слушали «мелодию для слуха» («ладувгIа йиш») или исполняли песни. Все это постепенно стало исчезать.

В то время еще рудиментарно продолжал сохраняться и следующий небольшой ритуал: по завершении свадьбы жених и невеста тайно ели приготовленные для них почки, что символизировало: как две почки постоянно находятся рядом, так и вы будьте вовек неразлучными.

Заканчивались свадебные торжества очень поздно, практически к утру, и затем начинались снова.

В комнате молодоженов сидит невеста. Молодежь – друзья и братья ведут жениха к невесте. И тут начинался, на первый взгляд, весьма странный, но очень веселый и забавный обычай: всеми силами шутить над женихом и невестой. Молодая пара должна была все это стоически переносить. Жених делал вид, что переживает, и весело отшучивался. Щедро откупался от этой веселой и назойливой братии, неоднократно вынося им небольшие пиршественные угощения.

Через небольшое время после свадьбы родственники, отец жениха или дядя, старший брат, шли в дом невесты погостить и пообщаться с новой родней. Это означало, что невеста пришлась им ко двору и они довольны новыми родственниками. Также проводился очень красивый и торжественный обряд «Первого вывода невесты по воду» («Нускал хи тIа дакхар»).

Невеста с кувшином (или, позднее, ведрами) шла к источнику, из которого семья обычно черпала воду. Сопровождали невесту девушки (золовки, соседки и др.), подростки, несколько молодых людей на конях и с винтовкой.

«Когда она, – пишет о невесте Н. Яковлев, – зачерпнет воды, в колодезь или источник бросают новую иглу и яйцо – «для матери воды и природы», а женщины в это время приговаривают: «Пошли нам счастливой жизни» и другие пожелания. Возвратившись домой и по-праздничному отужинав, молодая становится рядовым членом своей новой семьи». (37, 230)

Называемые здесь известным ученым Н. Яковлевым «матери воды и природы» – это древнейшие две ингушские богини «Мать вод» («Хинана») и «Мать страны» («Мехка-нана»). По древнему поверью, невеста этими символическими подарками хотела снискать благосклонное и доброжелательное отношение к себе со стороны могучих богинь. Бросаемое в воду яйцо должно было обязательно разбиться. Известно, что у многих народов яйцо символизировало жизнь, плодovitость, деторождение. Во время всей этой церемонии молодежь стреляла из ружья, – считалось, что выстрелы отпугивают нечистую силу.

Невеста обязана была табуизировать имена родителей, братьев, сестер жениха. Проще было с родителями: она называла их «папа» и «мама». Сложнее было с деверями, да к тому же, если их было немало. Легче было назвать старшего и младшего из них: часто их просто так и называли: «Старшой» – «ВоаккхагIавар», «Меньшой» – «ЗамагIавар». По этому поводу Н. Яковлев писал:

«По обычаю, замужняя женщина не должна называть по имени родственников – однофамильцев мужа, в особенности его отца, мать и братьев. Этим она выказывает свое «уважение» к ним... со своей стороны, и муж при родителях и старших братьях стыдится говорить с женой, а по отношению

ко всей родне жены, к ее «фамилии», он до конца жизни сохраняет известную, хотя бы показную услужливость и почтительность». (37, 230)

По поводу табуизации имен существует такая народная притча.

«Полюбили друг друга парень и девушка. Пришли сваты. За разговорами отец девушки полюбопытствовал, как зовут братьев того юноши. Ему назвали их имена: Месяц («бутт»), Туча («морх»), Прут («саьрг»), Кол («хьокха»), Волк («бордз»), Ягненок («Iаьхар»). Старик тут же сказал сватам: «Не сможет моя дочка переименовать такие сложные имена. Скажут, что она глупа». Отказал он сватам. Но уж очень хотелось девушке выйти замуж за любимого. Всю ночь она продумала, а утром как бы между прочим сказала отцу: «Видела я ночью удивительный сон: когда темно-коричневая «Моакхааьр» закрыла сияющее «Лирдоагар», раздвинув торчащие «ЯлларIаш» и сплетающиеся «ЮвцарIаш», сырое едящий «Бийда дуар» унес нашу колючку «BaI». Понял отец, что она нашла иносказательные имена: Месяц – «Лирдоагар», Туча – «Моакхавар», Прут – «ЮвцарIа», Кол – «ЯлларIа», Волк – «Бийдадуар», Ягненок – «BaI». Старик велел позвать сватов и дал свое согласие на брак».

Назвать человека его полным именем означало встать вровень с ним, чего невестка позволить себе никак не могла. Называлось такое поведение «ЦIи кхабар» – «затаить имя».

Невестка на первых порах вообще не разговаривала ни со свекром и свекровью, ни с братьями и другими близкими родственниками жениха.

По завершении свадебных трех дней проводился небольшой обряд «мтт бастар» – «развязать язык». Это игровое действие совершалось обычно так: свекор просил принести ему воды попить, невестка с сосудом в руках подходила к нему и протягивала его старику, взяв сосуд в руки, старик не пил, и невестка была «вынуждена» сказать ему: «Выпей воды». Свекор благодарил, выпивал воду и одаривал невестку деньгами или телком и пр. Нечто подобное совершалось и с другими членами семьи. Этот обряд сохраняется и по настоящее время.

А то, что мужчина при людях не любезничал с женою и не называл ее по имени, что прилюдно не ласкал своих детей (чужих – можно, можно и одаривать), был воздержан в разговоре со старшими, не имел права никоим образом выказывать свои эмоции (громкий смех, растерянность, печаль...), не имел права быть суетливым и тем более испуганным, несомненно, обуславливалось суровой, полувоенной жизнью спартанского типа.

Рождение и наречение

Бездетность, естественно, считалась большим несчастьем. Самоутверждение в новой семье невесты-жены не в последнюю очередь зависело от ее потомства. Имела хождение даже такая грубая поговорка: «Курица-несушка лучше бездетной женщины» («Бер доагача кхалсагал фуь ду котам тол»). Если же любимая жена была бесплодной, с ее стороны считалось проявлением благородного поступка предложить мужу привести в дом вторую жену, но часто в этом и так не было надобности: родственники всячески побуждали бы мужчину жениться вторично. В доисламский период женщины высоко чтили богиню Тушоли – покровительницу деторождения и плодородия. При святилищах, посвященных ей, находились фаллические каменные изображения, вокруг которых совершались различные обряды.

В ингушской мифологии имелись персонажи, при обращении в молитвах к которым считалось: могут родиться дети, особенно мальчики. Были знающие женщины, которые имели природный дар, они делали процедуры и лечили бездетных женщин. Рассказывают, что во многих случаях это помогало, и они были очень уважаемы в народе. Также семейные пары, у которых были проблемы с рождением детей, обращались к Тушоли с просьбой

даровать им потомство, женщины приносили дары богине, стремились прикоснуться к ней, веря, что тактильный контакт со статуей будет способствовать переходу репродуктивной энергии богини к женщине. Молитву, произносимую Тушоли ингушскими женщинами, записал еще первый кавказский этнограф Б.К. Далгат в последней четверти XIX века. Богиня плодородия Тушоли – единственное божество, которое изображалось в скульптурной форме, причем в сохранившихся скульптурах явно отобра-

жается характер культа. Его можно охарактеризовать как достаточно типичный для большинства народов мира культ плодородия.

Раньше в некоторых горных аулах существовали отдельные дома «берий ца» («детский дом»), куда водили роженицу, туда же приходила и повитуха. Чаще всего роженица рожала дома, а домочадцы-мужчины срочно придумывали «неотложные» дела и уходили из дома.

По замечанию Н. Грабовского, «рождение младенца мужского пола встречается всегда с большим торжеством. Появление на свет такого ребенка возвещается выстрелами...» (15, 119)

Отмечая то же самое, Н. Яковлев писал: «Для ингуша это торжественный случай, в особенности, если родится первенец. Девочке здесь радуются вообще гораздо меньше. Тотчас же ребяташки оббегают всю фамильную родню отца и матери, живущую в этом селении, и получают в награду за радостную весть сласти и другие подарки. Женщины, родственницы с подарками – бараном или курицей, пышками, сладостями и рубашкой для новорожденного – приходят поздравить родителей. На третий-четвертый день родственницы матери приходят с люлькой, в которую впервые торжественно укладывают новорожденного. Наконец, на десятый-двенадцатый день, когда роженица окончательно встает и приступает к работе, отец режет барана и устраивает торжественный пир для всей своей родни». (37, 223)

Высокая детская смертность породила многие магические обряды и ритуалы. Особенно боялись сглаза и порчи. В качестве оберегов применялись различные предметы (кусочек угля, что-то из железа, ладанки...). Над люлькой вешали разного рода талисманы. Все это должно было отпугнуть злую силу, отвести чье-нибудь вредоносное магическое воздействие. Ребенок должен был выглядеть не столь красивым: чтобы не сглазили и чтобы он не понравился какой-нибудь болезни, шайтану. Небольшие ритуалы и словесно-обереговые формы применяли при появлении первого зуба, при первых шагах и произнесенных словах.

«К числу распространенных обрядов, – отмечает исследовательница Х. Яндиева, – относится первая стрижка ногтей и волос. Ингуши, подобно многим народам Кавказа, верили, что человеку можно причинить зло, погубить, используя его ногти и волосы, которые считаютместищем некой магической силы. С этим поверьем связан обычай не выбрасывать ногти и волосы, особенно остриженные в первый раз, а прятать их. С остриженными ногтями поступают по-разному: прячут в любой музыкальный инструмент, в швейную машинку, а если хотят, чтобы ребенок стал ученым, помещают их между страницами книг». (32, 21-22)

Это считалось своеобразным магическим действием.

Большое значение придавалось имени ребенка. Иногда могли авторитетному человеку предложить наречь его. Чаще всего тут применялась жеребьевка. Проводилась она при помощи бросания помеченных небольших палочек или костей – «бабок» («Галгаш»). Кому выпадал жребий, тот и имел право дать имя ребенку. Часто он советовался с его родителями и другими родственниками. При обсуждении имен часто говорили: «Такое-то имя имел такой-то известный человек, и можно бы его дать ребенку»; или говорили: «Это имя имеет такой-то плохой человек, и потому нецелесообразно его давать...». Насколько большое значение в народе придавали имени ребенка, можно проиллюстрировать следующей народной легендой:

«Жена одного горца родила долгожданного мальчика. Образованный отец решил наречь своего сына особенным именем и потому дал зарок в том, что его сыну даст имя только тот, кто является самым справедливым. В поисках такого человека он и отправился в путь.

Довольно долго блуждал горец в поисках безупречно справедливого человека, но все было тщетно. Как-то шел по лесу и услышал большой шум с неба и в кронах деревьев. Горец опешил, но тут же откуда-то сверху услышал человеческую речь.

– С тобою говорю я, твой бог! Присматриваю я за тобою и вижу, что ты находишься в заботах: не можешь найти человека, достойного наречь твоего сына. Позволь мне это сделать.

Испугался горец и предположил, что это проделки шайтана. Однако всеведующий бог, узнав мысли горца, сказал:

– То, что говорит шайтан, слышит только одно человеческое ухо, ты же слышишь мой голос обоими ушами. Спрашиваю тебя, согласен ли ты, чтобы я дал имя твоему сыну?

Понял горец, что к нему обратился не кто иной, как сам бог, набрался духу и ответил:

– Ты, любимый мною бог, и я не буду утаивать от тебя свои мысли. Все-вышний, ведь и ты не всегда бываешь справедливым. Одному ты даешь безмятежную, богатую и счастливую жизнь. Другого ты заставляешь работать на него и обрекаешь на все земные тяготы. Одному ты даешь телесные и умственные силы, красоту и благородство облика. Другой же рождается обиженным и телом, и умом, и счастьем.

Бог не стал возражать, и горец, вознеся молитву, пошел далее. Повстречался горцу грозный и страшный ангел, который без обиняков тут же спросил, согласен ли отец мальчика, чтобы он дал имя его сыну.

– Ты кто? – поинтересовался горец.

– Я ангел смерти, – был ответ.

– Вот тебе-то я и позволю наречь своего сына. Из всех существ на свете ты есть самый справедливый. Богач ли, бедняк ли, царь ли или самый падший – никого ты не различаешь и никому не даешь даже малого лишнего мига сверх отведенного срока жизни. Дай имя моему сыну!» (13, 258)

Эта легенда интересна не только тем, что проповедует идею значимости наречения человека именем. Здесь видны глубокие размышления людей над проблемами справедливости, над жизнью и смертью.

В отдаленные времена у ингушей были свои имена, связанные с окружающим их миром, были и некоторые имена, заимствованные у соседних народов. Если проследить генеалогию ингушских родов, то где-то с середины XIX века в их ономастику начинают проникать заимствованные вместе с исламом арабские имена. К XX веку они стали ведущими. В женский именник стали проникать и русские имена. Особенно популярными стали Лида, Люба, Лиза и другие.

Давший ребенку имя обязан был купить ему рубашку, но чаще всего ребенка одаривали некоторой денежной суммой. Обычно детским именам придавали уменьшительно-ласкательное звучание: Землимхана называли Зями, Арсамака – Арсик. Бывало, что со временем имя героя, скажем – Умар, забывалось, и до конца своей жизни звался Уми – своим детским ласкательным именем. Некогда был и такой ритуал: тяжело заболевшему ребенку меняли имя, считая, что этим самым нечистая сила будет введена в заблуждение: скажем, она ищет Магомета, а его нет, на его месте лежит теперь какой-то Ахмет.

У ингушей к детям существовало самое трепетное отношение. Бить детей считалось самым последним делом. В этнографии ингушей даже были зафиксированы случаи, когда побитый ребенок кончал жизнь самоубийством, бросившись в пропасть. По представлениям тех лет свободный человек никогда и никем не должен быть тронутым, перенести даже один удар. Идентично (а еще лучше с лихвой) ответ должен был поступить немедленно, ибо считалось, что побоям могут подвергаться и сносить их лишь люди рабского сословия. Была поговорка: «Если ударить ребенка, то тем самым ущемляется его гордость» («Бера хIам теха-ча, дог эш цун»).

«Ребенок» по-ингушски «бер». По достижению мальчиком пятнадцатилетнего возраста про него говорили: «Ему уже за пятнадцать» («Пхийт-тара ваьнна»), – и теперь его уже называли «баьре» – от слова «бер» – это уже не ребенок, но еще и не юноша (нет еще двадцати лет). Часто слово «баьре» и «всадник» представляли синонимичными, поскольку пятнадцатилетний отрок («баьре») уже мог иметь своего коня и свое оружие.

Древнейшим в ингушском языке является гнездо слов, обозначавших возрастные и социальные подразделения мужчин, в основе которых лежит корень («кьо») – гортанно звук «о». Вот их перечень:

«кьонг» – сын (устаревшее),

«кьона» – молодой,

«кьонах» – мужчина,

«кьоано» – почетный старец,
«кьай» – предводитель почетных старцев.

У народов, застигнутых цивилизацией на их патриархально-первобытном уровне развития, существовала «инициация» – отрок должен был пройти через ряд испытаний (иногда мучительных), чтобы быть посвященным в мужчину. Эту стадию развития ингуши миновали уже не одну тысячу лет назад. А то, что Ф. Горепекин предположил, а писатель И. Базоркин описал в своем романе – «обряд посвящения в юноши», является авторским вымыслом. Никаких следов инициации древних времен у ингушей не обнаружено. Но отрок, перешедший в разряд «баьре», уже на равных мог участвовать в скачках, которым ингуши уделяли много внимания.

«Взрослым мальчик (ингуш) считается с 14-15 лет, когда он впервые берет в руки оружие, начинает ходить с винтовкою и кинжалом. Впрочем, возраст этот колеблется в зависимости от степени развития самого юноши. В прежние времена день совершеннолетия юноши справлялся с торжественностью, а дядя с материнской стороны дарил племяннику в знак его полной боеспособности оружие и коня с седлом. Теперь от этого обычая, кажется, осталось у молодых людей только шутовское обыкновение красть коней у своих дядьев (со стороны матери)». (37, 224)

Воспитание

Воспитанию детей уделялось самое пристальное и неослабное внимание. Одна из особенностей местной народной педагогики состоит в том, что в роли «педагога» и «воспитателя» выступали не только родители и близкие, а даже любой прохожий,

который по какому-то случаю посчитал необходимым сделать какое-то замечание, наставление. Внимание и совет со стороны старших являются основными методами воспитания. В народе не зря говорили: «Да не будь ты настолько несчастен, чтобы не внять данному тебе совету». И еще имеется поговорка: «Хороший совет это тоже богоугодное жертвоприношение». В сказках троим братьям предлагают на выбор золото, красавицу и хороший совет; выигрывает из них избравший последнее, ибо с помощью его он приобретает все прочее.

Исследовательница Л. Шадиева отмечает: «В кодексе чести ингушей говорилось: «Почитай землю, ибо она лежит в основе творения Аллахом жизни. Охраняй природу, источники, реки, озера от загрязнений и вреда. Если наша первая мать – земля, то вторая – вода, а третья – это святая женщина, родившая тебя. Знай, что ее начало божественно...» «Да, мать – главный воспитатель в семье. От нее зависит будущее любой нации. Рассказывая народные сказки, легенды, мудрые притчи, мать вкладывала в ребенка красоту родной речи, учила любить родную землю, различать добро и зло». (40, 44-45) Большая семья в народе всегда считалась огромным богатством и божьим даром. Здесь будет уместна древняя молитва жреца под Новый год: «...Пусть родни будет много. Старшими сказанное да будет потомками нашими сделано. У порога всегда пусть посох у нас стоит, а в красном углу пусть всегда колыбелька стоит».

В народе говорили: «Мальчика воспитывает мать, а мужчину из него делает отец». Девочка же всегда находилась под опекой матери, тетушек, старших сестер.

Отец, старшие братья учили мальчиков верховой езде, владению оружием, как холодным, так и огнестрельным. Любимыми занятиями были борьба, соревнование в беге, поднятие тяжестей, фехтование, разные игры, развивающие ловкость и смекалку. Трудовое воспитание начиналось с малых лет. Лишь только мальчик приобретал физическую зрелость, он ездил со старшими в лес по дрова, сгребал сено на сенокосе, убирал камни с полей, полел, пас коней, бывал на посылках и т.д. Девочки во всем помогали матери; они присматривали за малыми детьми, прибирали в доме, по-

взрослев, учились готовить, чинить, а затем и шить одежду, вышивать, валять шерсть, изготавливать войлоки, обязательным для девушек было и умение играть на гармони.

Словно мед в пчелиных сотах, словно масло, содержащееся в молоке (ингушские фразеологизмы), народная педагогика пронизывает всю жизнь ингуша от малых лет до глубокой старости. Главными методами тут опять же служили словесное воздействие и пример поведения окружающих. Говорили: «Кто вырос в общении людей, тот набрался ума; а кто рос среди овец, остался глупцом».

О значении воспитанности красноречивее всего говорят народные пословицы и поговорки:

«Теленок, выросший с ишаком, стал кричать по-ишачьи»,
 «Жеребенок, вскормленный буйволицей, любит валяться в грязи»,
 «Слушать людей – ума набираться»,
 «Будь учтив со старшим и жалей младшего»,
 «Старшего чти, младшего учи»,
 «Не ошибается тот, кто слушается старших»,
 «Отец и мать дурного не посоветуют».
 Немало имеется народных изречений, посвященных учению.
 «В детстве выученное – словно на камне высеченное»,
 «Наука, постигнутая плохим человеком, – сабля в руках дурака»,
 «Учение – напильник для ума»,
 «Хоть в Китай поезжай, но ума прибавляй»,
 «Пес не забывает того, чему научился, будучи щенком»,
 «Мехи раздувают огонь, ученье развивает ум»,
 «Человеку нужна учеба, как нужен дождь иссохшей земле»,

«Необученный всегда завидует ученому»,
 «Даже дурак кажется умником, если он чему-то учился»,
 «Как свет озаряет тьму, так ученье обостряет ум»,
 «Ученье – меч эпохи»...

Большое значение в воспитании придавалось личным качествам человека. Прежде всего тут необходимо отметить самоуважение и гордость («курал»), но не высокомерие и чванство («сонтал»). Весьма значимыми были также понятия:

«яхь» – как уже было сказано, стремление быть лучше других и достигать этого с помощью своих личных качеств;

«сии» – честь, незапятнанность,

«шиш» – уважение со стороны людей, почтение,

«эхь» – совесть и стыд, не позволяющие вести себя дурно,

«бехк» – ответственность за свои поступки,

«эздел» – благородство, начиная с одежды и кончая поведением,

«Гулакх» – услужливость без холуйства, готовность прийти на помощь, проявить соучастие,

«сабар» – терпеливость, сюда же и «сатохар»,

«сатем» – спокойствие,

«денал» – мужество,

«майрал» – храбрость,

«кьоначал» – мужественное, храброе поведение,

«кяхетам» – проявление милосердия,

«камаьшал» – щедрость,

«хьинар» – активность, сюда же «маькара»,

«фий» – бдительность,

«хьанала» – предрасположенный,

«дог цIена» – чистосердечный,

«воханза» – не теряющийся,

«тидаме» – замечающий, сюда же «теркаме»,

«безаме» – уважаемый, любимый другими,

«эйхье» – стеснительный,

«тешаме» – верный,

«ийна» – участливый.

В противоположность этим положительным свойствам осуждению подвергались дурные наклонности человека:

«хьагI» – черная зависть, вредоносность,

«сийсаза» – бесчестный,

«вирал» и «жIалел» – буквально «подобный ослу или собаке», т.е. неблагородный,

«сихал» – торопливость, нетерпимость,

«писа» – ничтожество, сюда же «доастамал»,
 «зовзал» – трусость,
 «къизал» – жестокость,
 «цаьрматал» – жадность,
 «эсала» – слабый,
 «ловдала» – дурной,
 «мекъа» – ленивый,
 «дегаза» – отвратительный,
 «эйхъаза» – бесстыжий,
 «веха» – растерявшийся,
 «кхетамза» – неразумный,
 «бе-башха» – безразличный,
 «тешамза» – ненадежный,
 «оапашк» – лгун,
 «тийшаболх» – предательство,
 «охца» – грубость...

Все эти приведенные как положительные, так и отрицательные черты характера и поведения человека внушались ребенку с ранних лет. Применялись тут разные методы: поощрение, порицание, пример и др. Одним из мощнейших средств воспитания являлся фольклор. Обратимся к одному его жанру – «кица». Этим термином ингуши обозначают пословицы и поговорки, притчи – откровенно назидательные произведения народной словесности. Приведем некоторые из них, имеющие ярко выраженный поучительный характер.

1. Пословицы, восхваляющие добро и осуждающие зло:

«Еще не бывало, чтобы добро приходило туда, откуда выходит зло»,
 «Легко быть плохим, трудно быть хорошим»,
 «Чем покупать хороший дом с плохим соседом, лучше купить плохой дом с хорошим соседом»,
 «Чем жить в мире с плохим человеком, лучше жить во вражде с порядочным человеком»,
 «Козла бойся спереди, коня – сзади, а плохого человека – со всех сторон»,
 «Что любо глазу, то до вечера, что любо сердцу, то на всю жизнь»,
 «Плохой человек всегда с тайной злостью завидует хорошему человеку»,
 «Дерево хорошо плодами, а человек – делами»,
 «Не задирай голову, когда дела идут хорошо; и не опускай ее, когда они идут плохо»,
 «Пришло добро – цени его, случилось несчастье – терпи его»,
 «Сделал добро – для себя, сделал зло – тоже тебе»,

«Если ты ехал по дороге и заодно чинил ее, дорога сгодится тебе на обратном пути»,

«Кто не думает о завтрашнем дне, у того нет дня сегодняшнего»,

«От добрых дел хороший след всегда останется»,

«Спеши делать добро, словно завтра умрешь; спеши жить в свое удовольствие, словно жить будешь вечно».

2. Пословицы, прославляющие ум и осуждающие глупость:

«Легче осла поднять на крышу, нежели дурака вразумить»,

«Голова дурака тяжелее камней и песка»,

«Ум всегда свою дорогу найдет»,

«Сильный телом побеждает одного, а сильный умом побеждает десяти»,

«Умная голова – золотая голова»,

«По речам узнаются умный и глупый»,

«Из ума и богатства выбирай ум, а с ним и богатство найдешь».

3. Быть предусмотрительным призывают пословицы:

«Прежде чем ступить ногою, посмотри вперед, прежде чем слово молвить, посмотри назад»,

«Пришедший туда, куда ему не положено, унес оттуда то, чего не хотел бы иметь»,

«Шея ломается не у того, кто призывает прыгать, а у того, кто прыгает»,

«Не будет плакать мать человека осторожного» (иногда шуточно добавляют: «Но и смеяться особо не будет»; в этих словах звучит предостережение от чрезмерной осторожности).

4. Вопросов чести и бесчестия ранее уже касались, но, думается, не будет лишним привести еще две знаменательные пословицы:

«Кто принародно лишился чести, тот живой мертвец»,

«Человек обязан свято оберегать две вещи – свою душу и свою честь».

5. Вопросам мира и войны посвящены пословицы:

«Враждовавший (воевавший) с людьми не вырастил ни сына, ни брата»,

«Легко начать вражду, трудно ее остановить»,

«Война сыновей не рождает – она их убивает»,

«Долго живет тот, кто ищет мир».

6. О том, что правда сильна, а кривда слаба, повествуют пословицы:

«Пусть и горькая, но все же правда лучше»,

«Даже если клещами будут откручивать голову – правду режь»,

«Говори правду, даже если тебя на части будут рвать»,
«Рано или поздно, но правда свое берет».

7. Пословицы, славящие мужество и осуждающие трусость:

«Смерти бояться – героем не стать»,
«Мужественный человек жалостлив, трусливый человек жесток»,
«Голод и бедность – временная непогода; мужество и смелость – не-сокрушимый Казбек»,
«Где нет благородства, там нет и мужества; где нет мужества, там нет и благородства».

Пословицы и поговорки имеют свойство говорить сами за себя, поэтому без дальнейших их подразделений приведем еще несколько этих лаконичных, назидательных произведений народной мудрости:

«Не будь как лопата (рубанок), всегда «от себя», не будь и как тятка, всегда «к себе»; а будь как грабли (пила), всегда и «к себе», и «от себя»,

«Кто ходит и ищет, тот всегда свое находит»,

«Не шути со старшим и не панибратствуй с младшим»,

«Не делай людям того, чего сам себе не пожелаешь»,

«Отложи то, что легче сделать, и сделай то, что делать труднее»,

«Самый большой недостаток – собирать чужие недостатки»,

«Не начинай варить кашу в расчете на чужое молоко»,

«Без туч на небе дождь не пойдет, без горя на сердце и слезы не потекут»,

«Прежде чем начать разговор, нужно запастись тремя вещами: уздечкой, путами и ногой (чтобы обуздывать речь)»,

«Если краснеть и белеть не умеет, значит, у него нет совести»,
«Только правдолюбец бывает настоящим другом»,
«Если кто-то тебя хвалит безмерно, значит, ему что-то от тебя нужно»,

«Мужчина, у которого выросла плохая семья, подобен соколу, у которого разрушили гнездо»,

«Если в этом мире не будем петь и веселиться, то разве мы сможем петь и плясать в тесной могиле?»,

«Жизнь одна, и наши матери нас вторично не родят» (пословицы из: 25.6-180).

Поучая младшего, взрослый довольно часто пословицу и поговорку сопровождает или байкой, почерпнутой из какой-либо жизненной ситуации, или короткой нравоучительной притчей. Вот одна из них, непосредственно адресованная младшим:

«Долг отца поучать своих детей, поэтому некий старик по разным случаям давал советы своему сыну, а ему это порядком надоело. Однажды отец сказал:

– Не водись с этими людьми, – тут он назвал какую-то семью, – я их хорошо знаю. Они способны на любую подлость.

Терпение сына иссякло, и он, рассердившись, сказал:

– Твои советы уже вылезли у меня из головы прямо на лоб!

Через какое-то время те плохие люди, о которых говорил отец, чем-то ударив по голове, убили юношу. Говорят, отец посмотрел на его разбитую голову и вытекшие на лоб мозги, горестно сказал:

– Чем выводить мои советы на лоб, лучше бы ты их удержал в своей голове». (25, 196)

Подобные притчи не нуждаются в особом толковании, и, тем не менее, поучающий считает себя обязанным прокомментировать сказанное примерно следующими словами: «Видишь, что получается, когда не слушают родителей или старших. Ведь они многое повидали на своем веку. Отец или кто другой из старших ведь не посоветует плохого. А значит, что тот, кто слушает старших, в беду не попадет» и т.д.

Большой назидательной и поучительной силой обладают и многие другие жанры ингушского фольклора, но о них разговор пойдет ниже в специальном разделе.

Необходимо несколько слов уделить аталычеству – обычаю, в прежние времена имевшему место прежде всего среди феодальной верхушки адыгских народов и кумыков. По этому обычаю, мальчик отрывался от своей родной семьи и поступал на полное иждивение и воспитание в другую семью, обычно до 15-летнего возраста. С обычаем аталычества был связан целый ряд ритуалов. Некогда состоятельные ингушские се-

мы переняли было этот обычай. Были некоторые случаи отдачи детей в кабардинские семьи. Однако со временем, как о том сообщают старожилы, ингуши решили отказаться от этого обычая. Главная причина была в том, что у воспитанника слабели родственные связи со своей родной семьей, родом. Своими родственными связями ингуши дорожили более всего, и аталычество в местной среде так и не привилось. Зато в конце XIX – начале XX веков имеющий сносный достаток ингуш, желая вырастить своего сына в светском духе, часто отдавал его в русскую (в городе Владикавказе) или казачью (в станицах) семью на различных условиях договоренности. Основной целью было, прежде всего, научить ребенка русскому языку. Мальчики в меру своих сил помогали по хозяйству наравне с другими детьми приемной семьи. Помимо обучения русскому языку ингушские дети постигали и русские обычаи, знание которых им помогало в дальнейшей жизни и учебе. Часто русские семьи брали такого мальчика на воспитание бескорыстно, лишь временами отец ребенка мог привозить что-либо из продуктов своей хозяйственной деятельности. Помимо обучения детей, в данном случае происходило и укрепление межнациональных связей.

Без знания русского языка невозможно было получить светского образования. Именно знание русского языка обеспечило появление в ингушской среде тех лет таких образованных людей, как Чах Ахриев, Бейсултан Зязиков, Асланбек Базоркин, Адел-Гирей Долгиев, Инал Бекбузаров, братья Магомет и Висангирей Джабагиевы, Магомет Котиев и др. На рубеже двух веков у ингушей стала появляться и крепнуть военная элита в лице генералов Эльберда Нальгиева, Заурбека Борова, Сосламбека Бекбузарова, Бунхо Базоркина, Тонта Укурова, Сафарбека Мальсагова, доблестных офицеров Ижи Джабагиева, братьев Султанбека и Исмаила Боровых, Идига Куриева, Керима Гойгова, Анзора Борова, Пшемахо Дахкильгова, Муссы Саутиева, Саида Тангиева, Мурцала Шадиева и многих других.

Гостеприимство

Об институте гостеприимства на Кавказе, в частности, у ингушей, имеется достаточное количество разных публикаций. Об ингушском гостеприимстве в XIX веке писали Энгельгардт Зиссерман, Грабовский, уже в советское время – Яковлев. Институт, или, как чаще его называют, обычай, гостеприимства не является монополией лишь кавказских народов. Он известен повсеместно, но в разной степени и обрядности. Но на Северном Кавказе, как представляется, обычай гостеприимства приобрел, пожалуй, свои самые классически завершенные формы.

Генезис этого обычая восходит к отдаленнейшим временам, к догосударственному периоду развития человечества. Человек, выйдя за рамки территории своего племени, оказывался совершенно беззащитным и одиноким. Ему оставалось обратиться за помощью к какому-либо представителю другого племени или народа, который мог бы предоставить ему кров и защиту. Таким образом, гость и хозяин вступали во взаимные обязательства. Принявший гостя уже сам мог в любое время рассчитывать на ответное гостеприимство.

Человек, деятельность которого не ограничивалась только узкими рамками своей родоплеменной группы, стремился приобретать на стороне как можно больше друзей. Прямым путем к этому было гостеприимство. Не зря у ингушей существовала поговорка: «Друг в чуждадельней стороне – все равно что воздвигнутая там башня». Как известно, в древности свою защиту ингуши видели в родовой башне (отсюда поговорка: «Тепло тому, кто в родовой башне, холодно тому, кто в дальней стороне»). Гость и хозяин становились друзьями – «доттагий», иногда и клятвенными.

В прежние времена про известного в Ингушетии мужчину говорили, что у него есть друзья в Чечне, Осетии, среди казаков, грузин и кабардинцев. В свою очередь, кунаки из этих мест, ступив на территорию Ингушетии, уже считались гостями того человека, до которого они еще не доехали.

Накир Озиев. Пиршество

Скажем, ступил чужестранец на землю Ингушетии, и на него наткнулась ватага шаловливой молодежи, тут чужестранцу достаточно было сказать, что он гость такого-то, проживающего в таком-то селе. Уже одно это заявление являлось для него надежной защитой, ибо было весьма нежелательно приобрести себе врага в лице названного хозяина. Наоборот, в таких случаях считалось высокочтичным чем-либо помочь гостю, а может быть, даже и проводить его до дома названного им хозяина.

«Верность долгу гостеприимства еще сохранилась у ингушей от древних времен, — отмечал Н. Яковлев, — когда этот обычай был единственным средством упрочения и развития торговли и сношений между отдельными племенами, и все еще занимает почетное место в ряду других достоинств, необходимых для местного «джентльмена» — человека, безупречного во всех отношениях». (37. 209)

В старинной ингушской молитве говорится:

«Не дай Бог скорым ветрам дуть к нам.

Не посылай нам жестокие бури.

Дай нам масляное лето, приносящее и радость, и насыщение.

Посеянное сделай для нас плодородным, чтобы питаться нам выращенным, хороших потомков дай нам.

Да не оскудеет наш дом Бога чтящими гостями».

Гости бывают самые разные, и отношение к ним бывает соответствующее. Не всякий зашедший в дом является гостем. Родственник, односельчанин удостоиваются должного внимания, но они не являются гостями в подлинном смысле этого слова. Особенно ценными считаются гости из другой страны, другой национальности, даже если хозяин с ними никогда и не был знаком. Отношение к гостю было самое трепетное. Хозяин и все домочадцы, по случаю пришедшие родственники всячески обязаны были выказывать свое радушие. Приветствуя пришедшего гостя, хозяин был обязан повторять: «Слава Всевышнему! Как хорошо, что ты нас навестил!» Особого внимания удостоивался и конь гостя: его водили по двору, купали, давали лучший фураж; в зимнее время накрывали войлоком... Гостя вели прямоком в кунацкую — «хьаьша цӀа». Ею могла быть как отдельная комната в длинном доме, так и отдельно построенный в стороне домик, что мог позволить себе не каждый хозяин. Об убранстве ингушской кунацкой во второй половине XIX века писал Н. Грабовский:

«Кунацкие поопрятнее: вместо очага в них делают камин; у маленького окошечка сбоку камина, на почетном месте, стоит местного изделия кровать; около дверей висят две-три бычачьих шкуры, служащие правоверным подстилкою при совершении намаза. На колышках, вбитых по стенам вокруг всей сакли, на четверть от потолка обыкновенно красуются разных форм и величины бутылки, привязанные веревочками за

горлышки, глиняные и деревянные тарелки и чашки, также схваченные шнурками в просверленные около краев дырки. Все это, нужно заметить, почти всегда служит не более как украшением, и чем больше развешено таких украшений, тем почтеннее хозяин, тем гостеприимнее считается кунацкая. На тех же колышках приезжие развешивают свое оружие, седла и платье». (15, 108-109)

Тут Н. Грабовский допустил некоторую неточность: не приезжие развешивают в кунацкой седла, оружие, бурки, а встречающая их молодежь или сам хозяин. Вообще хозяевами делается все возможное, чтобы гость не утруждал себя ничем. Учитывая, что гость с дороги устал и наверняка голоден, стараются на первых порах не досаждать ему разными вопросами и после мытья рук ставят на стол легкое угощение, чтобы тем самым слегка насытить гостя, перед тем как будет подано основное угощение, приготовление которого требует времени. Впрочем, об этом уже ранее шла речь, и потому, не останавливаясь на нем, обратим внимание на поведение как самого гостя, так и его хозяина.

Гость обязан быть весьма любезным, дотошно расспрашивать хозяина о здоровье и благополучии его и его семьи. Те же расспросы делает

и хозяин, но он не имеет права спрашивать гостя ни о цели его приезда, ни о том, на сколько дней он приехал. На эти вопросы загодя может ответить сам гость, если он посчитает это необходимым. Со стороны хозяина такое любопытство считалось совершенно неуместным, так как у гостя могли быть какие-то причины скрывать цель своего пути. Хозяева также не должны были докучать гостю своим чрезмерным любопытством – гостю надо было дать возможность отдохнуть наедине. Но, с другой стороны, обделить гостя общением также являлось проявлением невоспитанности. Приходилось соблюдать определенную меру в общении. Обычно с гостем общался не так активно сам хозяин, а кто-либо из старших из семьи хозяина. Хозяин обычно стоял у порога и садился в сторонке лишь после настойчивых просьб. За столом роль обслуживающего у ингушей обычно исполняют молодые люди, подростки. Но для гостя, в порядке исключения, эту роль мог брать на себя и сам хозяин, как бы не доверяя столь ответственное дело «малоопытному» юноше.

Поскольку всем хорошо было известно, что гость «священен», а потому и любой урон, нанесенный ему, одновременно является и величайшим оскорблением, наносимым хозяину.

Путник, вынужденный в каком-нибудь селе остановиться на ночлег, в прикидку определял наиболее примечательную усадьбу, зная, что для бедствующего жителя проявление полного и достойного гостеприимства является довольно тягостным. Но все же гость мог оказаться и в малоимущей семье. В таких случаях ближайшие соседи и родственники обязаны были этому хозяину оказать необходимую помощь, ведь если он будет где-то ославлен гостем, то такое пятно ляжет и на все село.

Бывали и такие курьезные случаи. Скажем, хозяин отказывается за кого-то выдать свою дочь или не идет на примирение из-за какой-либо застарелой вражды. Тогда к нему подсылали гостя, заранее его обо всем проинструктировав. Такой «гость» из общения с хозяином и его близкими за столом, как бы случайно узнав об этом казусе, мог заявить: «Я не притронуся к этой еде, если ты откажешь в счастье своей дочери и не выдашь ее за такого-то» или: «Я не притронуся к еде, если ты не пойдешь на примирение».

Если гость, не притронувшись к еде, покинет дом хозяина, то на последнего падет величайший позор. Часто хозяин, скрепя сердце, бывает вынужден идти на согласие и дать гостю слово, что он исполнит его просьбу. Или другой случай. Скажем, гость намеревался пойти в гости к такому-то, но кто-то другой уговорил его не ходить туда в гости, а идти к нему – это тоже было, пусть небольшое, но все же ущемление достоинства несостоявшегося хозяина. Чтобы откупиться, переманивший гостя хозяин должен был в порядке штрафа отдать козу.

Этикет гостеприимства строжайше запрещал хозяину извиняться за недостаточно, по его мнению, богато накрытый стол, а гостю упрекнуть или даже как-то по-другому выказать свое неудовольствие по этому поводу. Об этом имеется и такая притча:

«Богатырь Али оказался в гостях у бедного горца. Хозяин поставил на стол кукурузный чурек и рассол от сыра. Затем хозяин сел в стороне, вытащил из ножен кинжал и положил его к себе на колени.

Приступая к еде, богатырь Али вытащил из ножен саблю и положил ее рядом. Гость закончил кушать, и тогда горец спросил его:

– Я вытащил кинжал, чтобы им ударить тебя, если бы ты пренебрег моей скудной едой. А ты почему оголил саблю?

– Оголил, чтобы рубануть тебя, если бы ты стал оправдываться, говоря, что у тебя бедная еда, – ответил богатырь Али». (25, 265-266)

Как обычно, в таких случаях народ апеллирует к авторитету религиозных или светских известных личностей. В данном случае к Али, являвшемуся пророку Мухаммеду двоюродным братом и зятем. Есть и другая притча, по которой уже пророк Ибрахим встает от стола, не дотронувшись до еды, так как узнает, что хозяин дома различает гостей по их статусу и, исходя из этого, то богато, то бедно встречает гостей, что является совершенно недопустимым.

В знаменитой героико-эпической песне «Гяза, сын Олдама», записанной еще в конце XIX века, перед одноименным героем одновременно встают три тяжелейшие задачи: в эту ночь по такому-то месту проезжает его кровник и ему представляется единственная возможность вернуть долг крови за убитого отца; в этот же день некие люди изготовились опозорить его тем, что собираются похитить его невесту; в-третьих, вестовой сообщает, что вот-вот придут к нему в гости бывшие отцовские друзья – кабардинские князья. Из этого затруднительного положения героя выручает его мудрая мать своим советом: прежде всего необходимо принять своих дорогих гостей, лишь затем совершить справедливую месть и наказать пожелавших похитить его невесту.

На первое и самое ответственное место здесь, как видим, поставлено гостеприимство, ибо, как поучает мать, и кровнику ты успеешь отомстить, и без невесты не останешься, но вот если, отвернувшись, уедут твои гости, то они вновь никогда к нам не вернуться, и ты будешь опозорен этим поступком.

Имеется и такая притча, которая поучает: если у тебя в доме покойник, но в это время к воротам является гость, спрячь покойника под кровать и, как ни в чем ни бывало, достойно встреть гостя.

Случалось, что гостеприимство выходило, что называется, боком. К примеру, в начале XX века абрек, бежавший от преследования, явился в далекие горные ингушские аулы Нилх и Кек и объявил себя их гостем. Власти, узнав это, выдвинули жителям аулов ультиматум: выдать абрека, иначе аулы будут уничтожены. Абрек долго не покидал эти аулы, а жители, следуя святому обычаю гостеприимства, и не думали выдавать его. Все кончилось тем, что башни обоих этих аулов были взорваны, а их жители выселены в Сибирь. Абрек же успел покинуть эти места. Такой же ультиматум был предъявлен и другому абреку, скрывавшемуся в селении Сагопши. Чтобы не подвергнуть село уничтожению, а жителей ссылке в Сибирь, он добровольно сдался властям.

Полное гостеприимство длится в течение трех дней, во многих сказаниях мы находим этому подтверждение. Есть и данные документа, что ингуши три дня (4, 5, 6 марта 1770 г. по старому стилю) не отпускали из своей тогдашней «столицы» Ангушта царских чиновников, а с ними и академика И. Гюльденштедта, принимавших присягу ингушей на верность России. Такое внимание бывает проявляемо к почетным гостям.

По прошествии трех дней гостеприимство считается окончанным. Гости не выпроваживают, но в дальнейшем отношение к нему бывает подобным обращению с рядовым домочадцем: он участвует в хозяйственных делах, ест из общего котла. Теперь, по прошествии трех дней, хозяин

имеет право расспрашивать его: кто он, откуда, какова цель его приезда и прочее.

Для дорогого гостя обязательно устраивалась вечеринка – «ловзар». Помимо обычной вечеринки тут непременно было исполнение величальной песни, посвященной гостю. Тексты этих песен были довольно устойчивыми, даже графаретными, но в них упоминалось имя очередного гостя. Например, такая величальная песня:

«Огромное, как самая высокая гора,
Чистое, как горный родник,
Широкое, как необъятное море,
Яркое, как утренняя звезда,
Красивое, как восходящее солнце,
Благодатное, как материнская грудь,
Сладкое, как виноградный напиток,
Обнимающее тебя, как льнет к телу
Кисейная рубашка в ветреный день,
Из глубин души идущее – такое
Горячее приветствие шлем мы тебе!
Как славят льва, так пусть славят тебя,
Пусть потомство твое будет неиссякаемо,
Словно вечно живущий волчий род!
Да не очутишься ты в бесславном бою,
И не лишишься ты чести и дружбы друзей!
Восходящее солнце славит Беслана (имя гостя),
Заходящее солнце славит Беслана,
Пусть не падут честь и слава твои,
Что подобно гордому Казбеку
Средь дальней горной гряды!» (2, 209)

В те времена, когда не было никаких средств массовой информации, чуждальный гость своими сообщениями заполнял этот пробел. Да и сам гость из бесед с хозяином и его приближенными обогащался новой информацией.

Гостеприимство считалось завершенным, когда хозяин (его брат, сын) проводит гостя до безопасного для него места. Скажем, некий кабардинец по делам из Кабарды едет в Грузию через Ингушетию. В Ингушетии ему пришлось остановиться переночевать и стать гостем. Утром ему будет дан попутчик, который будет его оберегать вплоть до самой границы с Грузией. Тут с гостем прощаются окончательно, и сам обряд гостеприимства этим актом проводов считается завершенным.

Такой важный и в то же время усложненный и достаточно обременительный обычай, как гостеприимство, не мог не породить анекдоты.

Например, следующий шуточный анекдот:

«Сидят за ужином гость и хозяин. Вдруг распахивается окно, и какой-то горец, целясь ружьем в гостя, говорит хозяину: «В прошлом году ты убил моего гостя, теперь я рассчитаюсь с тобой, убив твоего гостя!»

Видя, направленное на себя ружье и реальную угрозу своей жизни, гость якобы воскликнул: «Вы здесь убиваете друг друга, но я-то тут при чем? Чем я виноват?»

И тут, говорят, хозяин стал утешать гостя, говоря: «Ты, дорогой гость, не переживай! Клянусь тебе, как только вот к этому, целящемуся в тебя горцу придет следующий гость, я его непременно убью в отместку за тебя».

Пошутить на Кавказе любят. Обычно такие анекдоты ходят в местной деревенской среде. Как говорят, шутки шутками, но не дай Бог, чтобы в них отражались какие-то реалии.

Куначество

В старые времена большое значение придавалось куначеству. Человек видел свою опору в жизни не только в многочисленной родне, но и в своих надежных друзьях. Слова «кунак», «куначество» ингушам не известны. У них имеется свой термин – «доттагI», что можно перевести как «друг», «кунак». Допустим, на базаре (раньше часто устраивались ярмарки) познакомились ингуш и казак. После совместной трапезы они объявляют себя кунаками и теперь могут ездить друг к другу в гости и заодно что-нибудь покупать: ингуш может купить что-то из фабрично-заводского производства (плуг, косу, ткань...), казак же может приобрести что-то из горского кустарного производства (бурки, ковры, упряжь...). Такое куначество обязывало обе стороны обеспечивать взаимную безопасность и помощь при заключении сделок.

Казачий хор

Но в Ингушетии был и другой вид куначества, который назывался «дув биа доттагIий», то есть «клятвенные кунаки». Этот обычай ко многому обязывал обе стороны. Клятвенный друг являлся своего рода «приобретенным братом». Такие друзья должны были во всем помогать друг другу. В некоторых жизненных ситуациях юноши больше полагались на клятвенного друга, чем на своего родного брата. Нерушимость дружбы, ее надежность и значимость отразились и в пословицах и поговорках:

«С другом бывают откровеннее, чем с братом»,

«Хорошему коню найдется хозяин, хорошему человеку найдется друг»,

«Горе и беда твоего лучшего друга – твое и горе и твоя беда».

«Собутыльник не может быть другом»,

«Хорошие друзья познаются в беде»,

«Жена хороша молодая, а друг – давний»,

«Только правдолюбец бывает настоящим другом».

В хорошем кунаке особенно нуждался юноша, не имеющий братьев. Клятвенный друг заменял ему их. Заключение клятвенного куначества производилось не как попало и не наспех. В кунаки старались приобрести наиболее достойного мужчину. Обряд заключения клятвенного куначества обычно проводился следующим образом.

Вначале потенциальные кунаки договаривались о взаимном согласии стать клятвенными друзьями. Затем намечались день и место проведения этого обряда у кого-то одного из них. Обычно им бывал тот, кто первым предложил побрататься. У него собирались авторитетные люди с двух сторон. Ставилась чаша с молоком (или вином). Один из братующихся кидал в нее серебряную монету (символ чистоты помыслов). Клянущиеся поочередно выпивали содержимое чаши. Оставшуюся на дне чаши монету забирал себе другой поклявшийся и прятал ее за пазуху, а затем как реликвию хранил ее дома. Чаще всего до употребления напитка, но иногда и после этого давались взаимные клятвенные обещания в верности и нерушимости дружбы, во взаимном согласии во всем, во взаимовыручке в любых сложных ситуациях и т.д. Этот обряд был зафиксирован и Н. Яковлевым. Кстати, как он отмечает, в клятве были и такие слова: «В случае убийства одного из них, другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата». (37, 224) Подружившиеся троекратно обнимались, обменивались оружием, папахами. Завершался весь этот обряд пиршеством и вечеринкой.

Обязанностью побратима было в дальнейшем всячески демонстрировать свою верность данной клятве. Взаимовыручка и взаимоподдержка были неперенными условиями, вплоть до смертельной жертвенности.

Впрочем, по рассказам старожил, обряд клятвенного побратимства мог проходить в и более упрощенной форме. Скажем, двое незнакомцев встретились к вечеру в безлюдном месте, зажгли костер, отужинали вместе, устроились на ночлег и т.д. В процессе такого общения они могли сблизиться настолько, что тут же заключали клятвенное братание.

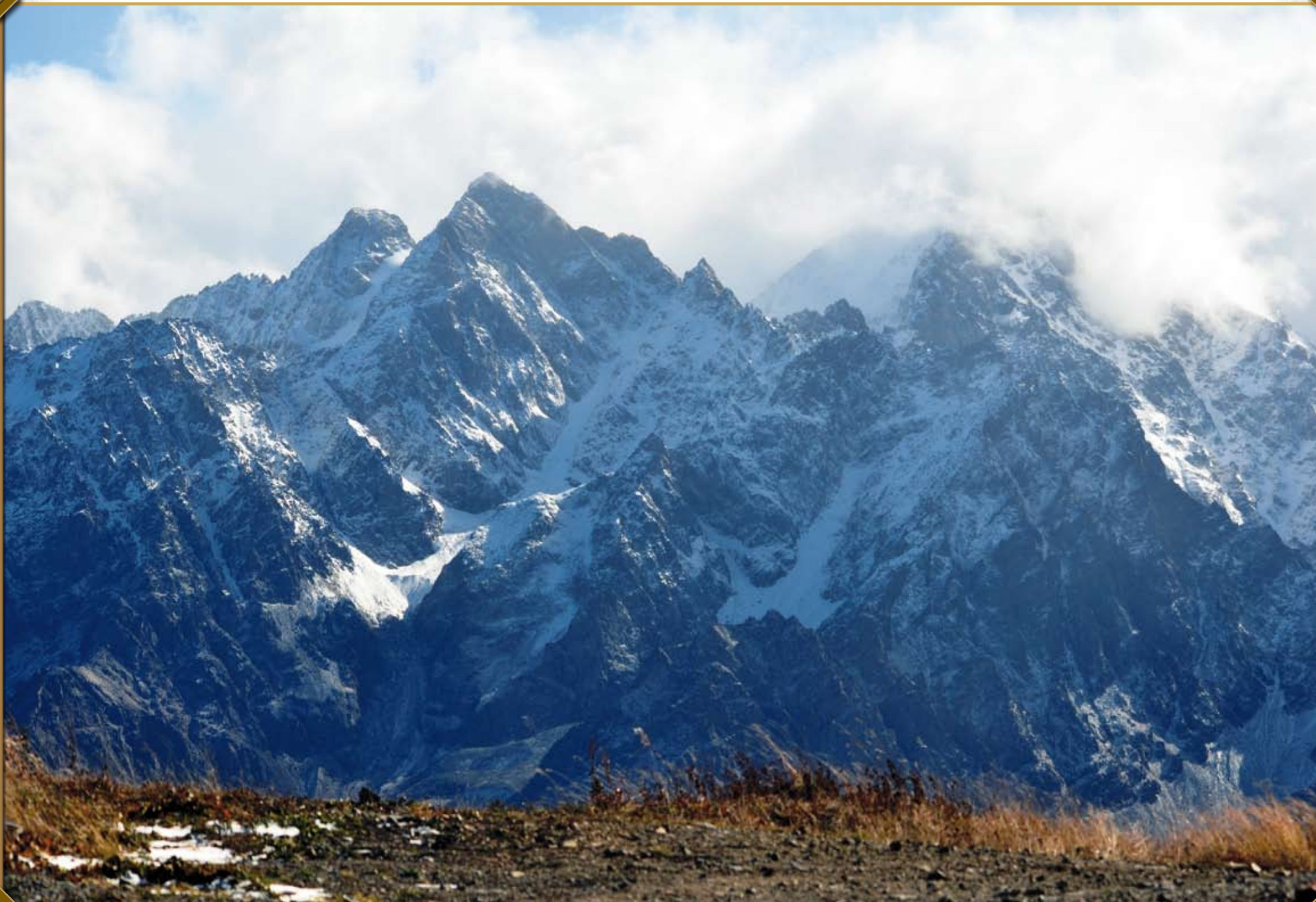
В конце концов, крепость клятвенной дружбы зависела не столько от пышности и торжественности ее заключения, сколько от ее соблюдения. Бывало, что клятвенные друзья жили на почтительном расстоянии друг от друга, и почти не случалось дел, которые были бы общими для них. В таких случаях обычай обязывал этих клятвенных друзей периодически навещать друг друга. Вполне естественно, что клятвенного друга встречали как самого дорогого гостя.

Как рассказывают, в отдаленные времена клятвенный друг не имел права ухаживать и жениться на сестре своего друга, по идее: брат не имеет права жениться на сестре. Здесь выработавшимся было понятие: раз двое побратались, то и их сестры стали их общими сестрами. Однако со временем такое отношение клятвенного брата к сестре своего друга стало нарушаться. Видимо, иногда между молодыми людьми возникали глубокие чувства, пересиливающие узы братства, которые потом заканчивались сватовством. Такие браки со временем стали позволительными, но после их заключения клятвенное побратимство теряло свою силу, поскольку на смену ему приходили другие родственные связи, характерные для взаимоотношений зятя с родней своей жены.

Как смутное воспоминание о далеком прошлом память народа сохранила и древнейший обычай, по-русски называвшийся «посестрие», когда взаимно расположенные две девушки становились клятвенными сестрами. Такую сестру по-ингушски называли «наьша». Сохранилось любопытное нартское сказание «Пхьагал-баьри и Сеска Солса». В нем герой «Пхьагал-баьри» – дословно «Заячий всадник» – представлен как герой, силой и воинским искусством превосходящий знаменитого нартского предводителя Сеска Солсу. Его жена, зная это, решила уберечь своего мужа от поединка, который был назначен Пхьагал-баьрием. Далее по тексту:

«Когда Пхьагал-баьри ушел, жена Сеска Солсы, положив на арбу барана, поехала к жене Пхьагал-баьрия. Жена Сеска Солсы сказала жене Пхьагал-баьрия:

– Наши мужья готовятся к бою. Если они сразятся, один из них погибнет, и его жена останется вдовой. Если мы породнимся, станем названными сестрами, то они не будут биться между собой!

Жена Пхъагал-баэрия согласилась, и они стали названными сестрами. Зарезав в честь этого события барана, они съели его, и жена Сеска Солсы отправилась домой.

Когда Пхъагал-баэрий приехал домой, то жена его сказала:

– Ты не должен теперь драться с Сеска Солсой, потому что жена Сеска Солсы и я стали названными сестрами – «няшами».

Так Пхъагал-баэрий и Сеска Солса избежали поединка между собой». (5, 7271)

Не исключено, что посестрие было стадияльно древнее мужского клятвенного братства. На это указывает формант «ня-на», присутствующий как в слове «мать-нана», так и в названной сестре («няша»). А формант «ша (шу, ча), видимо, является древнейшим осколком от основы, обозначающей в древности близкое родство. Свидетельство этому – следующий ряд слов: «воша» – брат, «йиша» – сестра, «шуча» – кузен, «мохча» – потомок кузена, «няша» – клятвенная сестра.

Во второй половине XIX века еще существовал, а к концу века уже вышел из повседневной практики один из древнейших обычаев – заключение и соблюдение обряда молочного родства. Нередко братающиеся герои ингушских сказок восклицают: «Мы молочные братья, прикладывавшиеся к одной груди!» («Цхъа накха биа энчикаш да вай!») Молочный брат назывался «энчик». В прежние времена молоку и крови придавали большое значение, считая их вместилищами жизненной силы. Одним из страшных проклятий считалось, если мать произносила: «Пусть мое молоко станет для тебя ядом!» («Са шурах, дохъаш хилда хьона!») Молочный брат почитался едва ли не на уровне родного брата, так же как и молочная мать приравнивалась к матери родной. В нартских сказаниях герой, попав в страну враждебных великанов, обманным путем прикладывается к соску груди великанши и, уже на правах ее сына, свободно ведет себя, и она не может теперь навредить своему «сыну». По преданиям, в Ингушетии впервые была прощена кровь именно через обряд заключения молочного родства: случайно совершивший убийство обманно коснулся губами соска матери убитого и, таким путем став ее сыном, одновременно тем самым стал братом убитого, а между братьями кровная месть не совершается. (18, 411)

В дореволюционном рассказе Асланбека Базоркина «Горское паломничество» описывается, как акт прощения кровной мести был принародно закреплен тем, что невольный убийца слегка прикоснулся губами к груди старухи-матери убитого, тем самым став ее приемным сыном.

Уважение к старшим

Упорядочению отношений между людьми служило, прежде всего, упорядочение отношений между людьми старшего и младшего поколений. Иногда эти отношения просто называют «уважение старших». Термин не совсем точный, ибо он учитывает только одну сторону, старших, и игнорирует другую сторону, младших. Понятие «уважение старших» только как почтительное отношение к людям старшего поколения является односторонним. Необходимо заранее знать, что процесс взаимоотношений старшего и младшего является обоюдным, взаимосвязанным, накладывающим разные обязательства как на одну, так и на другую стороны. Не зря молвятся пословицы: «Старшего чти, младшего учи» («ВокхагЧун сий де, зламагЧун хьехам бе»), «Расходы за старшими, obsлуга за младшими» («Чет воккхагЧунгара, гулакх зламагЧунгара»), «Старший должен вести себя как старший, а младший – как младший» («ВоккхагЧунгара воккхагГал, зламагЧунгара замагГал»), «Со старшим не шути, а младшего жалей» («ВоккхагЧунца бегаш ма бе, зламагЧох кьахетам бе»).

Обусловленность процесса взаимоотношений старшего и младшего вытекает из практики самой жизни. У молодого есть сила, выносливость, здоровье, но у него еще не обострился ум и не накоплен жизненный опыт. Все наоборот у старшего: стал мудрее и накопил определенный опыт, но его телесные силы с годами начинают таять. Так что и старшему, и младшему есть чем обменяться. К тому же существует и такое понятие, как «долг поколений». Он обязывает старшего все свой опыт и знания передавать младшему, который, в свою очередь, обязан их вбирать, перерабатывать и применять в житейской практике.

Согласно народной морали чтить необходимо всех старших по возрасту – такова была социальная установка.

Солсбек-Хаджи Чахкиев. XIX век

В связи с этим небезынтересно будет привести следующее предание: «Как-то к ингушской святыне храму Тхаба-ерды, где обычно собирались именитые мужчины, приехали погостить кабардинские князья. Гостей встретили со всей положенной пышностью. Молодые люди, ингуши, в первую очередь бросились помогать старшим из гостей спешиться с коней. В разгаре пира один из князей по-дружески подчеркнул, что у ингушей нет князей. Тогда старший из ингушей, как рассказывают, заметил:

– Вы, наши дорогие гости – князья, удивляетесь тому, что у нас нет князей. Посмотрите на нас, здесь присутствующих ингушей. У вас, у кабардинцев, князей немало, но у нас их не меньше. И вот почему. У ингушей, начиная с семи лет, каждый, кто старше другого хотя бы на день, является над ним князем. Таким образом и получается, что начиная с семи лет все ингуши являются князьями.

Наши братья-кабардинцы с тех пор перестали шутить с ингушами в вопросах о княжестве и всегда по-дружески вспоминают эту веселую притчу.

Вряд ли все, что говорится в этом предании, произошло на самом деле. Такие произведения народ обычно придумывает, чтобы с их помощью утвердить какую-то идею. Здесь она видна наглядно: все, кто младше, должны чтить всех тех, кто старше, и это служит гармонизации отношений в ингушском обществе.

Сам процесс общения молодых со старшими имел свои неписанные и вместе с тем хорошо всем известные правила. Естественно, что младший первым приветствует старшего, но после этого он уже далее не выступает активным собеседником, а почтительно отмалчивается, но зато внимательно слушает и то, что ему говорят, и то, о чем между собою говорят старшие. Не зря в народе популярна пословица: «Слушать – набираться ума» («ЛадувГар – хьаькьал совдаккхар»). Старики всю жизнь проводили в общении с людьми различных национальностей по самым разным жизненным ситуациям, то есть они люди бывалые, многое повидавшие, многое знающие, понимающие и почтенные. Поэтому общение молодых с ними было трепетным, предупредительным и всегда желанным.

У ингушей в селах были популярными ежевечерние (обычно) мужские посиделки, которые назывались «пхьегIа». Устраивались они обычно в удобном видном месте: в центре села, вблизи мечети... В свободное время старики любили там собираться, чтобы обменяться новостями, вспомнить былое. Молодежь же, обычно к вечеру, приходила туда же, пристраивалась в сторонке и внимательно слушала речи бывалых людей, разумеется, совершенно не вмешиваясь, а, как

говорят, «наматывая себе на ус». При возникновении каких-либо тяжб между двумя сторонами для их разрешения дело поручали старикам, хорошо знавшим законы как адата, так и шариата. Такого знатока, известного своей дипломатичностью, умом и справедливостью, называли «кхелахо». Обычно такие старики приглашались с двух сторон. Эти третейские судьи терпеливо, не спеша и обстоятельно обсуждали какой-либо конфликт. Молодежь как бы незаметно слушала все, о чем они говорили, и многое узнавала для себя. Но самыми первейшими и постоянными советчиками являлись дед и отец. Эти «старшие» уже напрямую и без излишней дипломатии неустанно наставляли своих сыновей и внуков. Прилюдно замечания обычно не делались, — они предпочтительно делались в домашнем кругу.

Лет сто тому назад довольно живучим был следующий обычай. В конце дня сын рассказывал отцу обо всем, что им было сделано и сказано в течение дня. Выслушав сына, отец в чем-то поощрял его, в чем-то осуждал и все это сопровождал своими наставлениями. Уважение к старшим, естественно, начиналось дома, с уважения к отцу и матери. В народе говорят, что все хорошее и все плохое человек изначально выносит из дома. Поэтому не зря для определения мерила какой-либо личности, в первую очередь, задавали вопрос: «Из какой он семьи?»

Не было никакой нужды понукать молодежь к тому, чтобы она слушала старших и набиралась ума. С детства молодых людей натаскивали в духе соревновательности, говоря: «Ты должен быть лучше других», «О тебе должны говорить с уважением», «Ты должен поддерживать честь и достоинство своих славных предков» и т.д. Следуя этому духу соревновательности, молодежь и стремилась набраться больше знаний, ума, опыта... Набраться всего этого они, прежде всего, могли от старших. Ингушская молодежь очень дорожила общественным мнением, а его высокая оценка легко не давалась. Не зря родилась пословица: «Трудно быть хорошим, легко быть плохим» («Дика хила хала да, во хила атта да»).

Самыми обычными вопросами старших к младшим у ингушей были: «Чей ты?» («Хьанах ва хьо?»); «Из какой семьи, рода ты?» («Хьанахъча цен, тайпан ва хьо?»). Ответив на этот вопрос, молодой человек ждал реакции со стороны старшего. Если он одобрял семью или род молодого человека, это звучало как похвала, относящаяся и к самому молодому. Ответное молчание старика было равносильно порицанию. Высокой похвалой из уст старших звучали слова: «Парень что надо!» («Клант ва!»), «Настоящий мужчина!» («Визза кьонах ва!»).

У ингушей принято вошедшего (подошедшего) обязательно приветствовать вставанием. Нередко можно видеть, как седобородый старец встает перед подошедшим и поздоровавшимся мальчиком. И если старцу скажут, что разница в возрасте между вами столь велика и тебе необязательно вставать, он чаще всего ответит: «Я встал перед этим мальчиком, чтобы он почувствовал к себе уважение, а это побуждало бы его стать уважаемым человеком».

Как видно из всего вышесказанного, ошибаются те, кто полагает: быть старшим исключительно означает быть уважаемым и почитаемым. На старшего возлагаются большие обязательства: способствовать миру и спокойствию, следить за порядком, словом и примером учить молодежь и т.д.

Каждая ингушская семья считала за благо иметь убеленного сединами старца. Поскольку он олицетворял собою честь, порядочность и достоинство семьи, являлся ее представителем во всех важных делах, такого старца одевали во все лучшее, начиная от каракулевой папахи и кончая сапогами.

Насколько свято было у ингушей почтение перед старшими, видно из нижеследующей легенды:

«Пророк Мухаммед через вестовых начал созывать из разных мест своих сподвижников в Мекку на утреннюю молитву. Богатырь Али находился вдали от Мекки, и, когда он получил эту весть, у него осталось мало времени, чтобы домчаться до Мекки.

И вот скачет богатырь Али на призыв пророка. Вдруг видит: идет по дороге в сторону Мекки какой-то старик. По его одежде было видно, что он не мусульманин, а иноверец. И все же богатырь Али, привыкший чтить старость, не мог обогнать старика. Внутреннее благородство не позволяло Али проскакать вперед, опережая старика. Весь остаток пути Али сдерживал коня и ехал шагом позади него. Разумом Али понимал, что ему необходимо скакать далее, что есть мочи, но благородное сердце никак не позволяло ему это.

Видя, что богатырь Али опаздывает на утреннюю молитву из-за своего благородства, в дело включились ангелы. Ангел Джабраил незаметно стал отвлекать от молитвы внимание всех собравшихся, а ангел Исраил сдерживал солнце, чтобы оно не взошло до приезда Али.

Вот так высоко чтится благородное поведение. И лучше такого поведения нет ничего на свете». (13, 315-316)

Такой легенды просто нет в религиозной литературе. Перед нами народное произведение чисто местного происхождения. Персонажи, богатырь Али и ангелы, введены сюда для придания авторитетности и весомости самого повествования. Характерно, что его авторы, исповедующие ислам, как бы невольно противопоставляют Али старика, выводя на первое место по важности человека, не исповедующего ислам. Получается, что для сказителя важнее всех являлся безвестный язычник только потому, что он был стариком. Становится очевидным, что почтительное отношение к старшему выступает на первый план и затмевает все остальное. Также к себе привлекает внимание и концовка легенды. Она открытым текстом объявляет, что уважительное отношение к старшим является одной из главных черт, характеризующих благородное поведение человека.

Похоронный обряд

«Так же, как и при жизни, человеку нужно счастье и при его кончине» («Вахара сана валара а ираз эш сага»), отмечает одна из пословиц. К смерти в народе относятся как к неизбежности. Драматизируя ее, люди не делали из нее большой трагедии. Говорили: «Сгорели дрова, пепел остался; умер человек, его дела остались» («Дахча даьгача, йокь юс; саг клелхача, цун гулакхаш дус»). Пожалуй, наибольшее значение в народе придавали тому следу, который человек оставлял после себя. Подобно многим народам, и ингуши верят в предначертание судьбы. «Так было на роду написано», – говорили они. По представлениям ингушей, было два вида смерти: «сладкая» смерть («мерза Иоажал») и «жестокая» смерть («кьиза Иоажал»). «Сладкой» считалась смерть, когда человек,

достойно прожив свое время, отходил в другой мир в кругу своих близких. «Жестоккой» обычно являлась смерть насильственная, влекущая за собою несчастье и вражду.

Понятие о смерти и связанных с нею ритуалах осмысливалось и проводилось согласно религиозным канонам, которые существовали на момент кончины человека. Обращаясь к реалиям конца XIX и начала XX веков, вновь отметим, что это было время, когда еще не все наследие исконной ингушской религии изжито и еще не все из ислама приобрело ортодоксальные формы.

Подобно многим древним народам ингуши некогда представляли себе мир, имеющим дуальную природу: мир живых и мир мертвых. «Солнечный мир» («маьлха дуне») – так назывался первый из них. Это в целом мир хороший. В нем человек рождается и живет. В этом мире ярко светит солнце, все живет и расцветает. Разумеется, что мир этот находится на твердой земной почве. Противоположный мир находится под землею. Называется этот мир «1ел». Он во многом копирует «солнечный мир», но копия эта слабая и негативная. К примеру, пройдя свой дневной путь, солнце ночью идет над миром мертвых, но идет тут оно, уже повернувшись затылком и излучая мало тепла. Поэтому этот мир предстает довольно тягостным. Верили, что все умершие в этом мире вновь встречаются в мире подземном, но в целом жизнь у них безрадостная. Довольно мрачное описание этого подземного мира дается в

Склеповый комплекс в горной Ингушетии

нартском сказании «Спор, разрешенный в царстве мертвых». Вот отрывок из него:

«В царстве мертвых было темно и холодно. Кругом были слышны лишь причитания мертвых душ. Души старых женщин плакали, вспоминая детей, оставшихся в солнечном мире. Души детей плакали по своим отцам и матерям. Удивленные Бятар и Сеска Солса (герои сказания) внимательно вглядывались в эти души. Одеты они были лишь в саваны. Большинство душ были стариков и старух. Души молодых были похожи на чумных людей и людей с увечьями, полученными на войне. Когда соперники двинулись дальше, к ним стали подходить те, кто проклинал Сеска Солсу. Они были без рук, без ног, без голов или с израненными телами. Они наговорили много плохих слов Сеска Солсе. Проклиная, они грозили Сеска Солсе, что после смерти он попадет в их руки и тогда они рассчитаются с ним.

Сеска Солса и Бятар пошли дальше. Теперь к ним стали подходить те, кто хотел поблагодарить Бятара, который при их жизни помогал им, оказывал услуги или встречал добрым словом». (13, 125-126)

Жуткая, мрачная картина... Довольно наглядно видно, что потусторонний мир мыслился как мир воздаяния человеку по его заслугам: добром за добро и злом за зло. Например, в том мире муж и жена спят, накрывшись заячьей шкурой, им ее хватает, потому что эта супружеская пара в солнечном мире жила в согласии; а вот далее лежит другая пара, накрывшись большой воловьей шкурой, но ее им не хватает и они ссорятся из-за нее, так как в миру они также постоянно ссорились. Недалеке сидит женщина, и змея присосалась к ее языку, — оказывается, в миру женщина занималась сплетнями и наветами.

В то время понятие о рае и аде, в нашем сегодняшнем понимании, отсутствовало. Их функции осуществлялись в одном и том же подземном мире.

Вполне понятно, что человеку той поры был приятен этот мир и у него было неприятие мира подземного. Понятие о смерти мыслилось в то время не как физическая кончина человека, а как вполне естественный переход человека из одного мира в другой. «Жить тяжело так же, как и умирать» («Вала санна хала да ваха а»), — говорится в пословице. Если человек при смерти временами впадал в беспамятство и вновь приходил в себя, то присутствующие, считая, что он тем самым то уходит в подземный мир, то вновь возвращается в мир солнечный, даже начинали досаждать умирающему вопросами: «Что он успел увидеть в том мире?»

Вера в реальность перехода человека из верхнего мира в мир нижний была настолько сильна, что умершему посвящали коня (забрасывали в

склеп его отрезанное ухо), в склеп также забрасывали отрезанную косу жены умершего. Иногда доходило до курьезов: могли сосватать умерших в безбрачии юношу и девушку, веря, что в мире мертвых («эл») они станут мужем и женою.

Все приведенные факты еще раз убедительно доказывают: по верованиям тех времен, человек не прекращал свое существование, а просто менял жительство, переходя из солнечного мира в мир мрака, холода и лишений. Именно поэтому люди обращались к покойнику как к живому. По их понятиям, покойник, никак не реагируя на присутствующих, тем не менее слышит все, о чем они говорят. Значит, необходимо было высказать покойнику свое сожаление по поводу его перехода в худший мир, пожаловаться ему и на свою нелегкую судьбу, заодно можно было и попросить его, допустим, что-то сказать (передать) ранее умершим. Всем этим объясняется генезис плачей и причитаний, сохранившихся в народе вплоть до недавних дней, а в описываемое время они бытовали самым активным образом. Первым о похоронах и поминальном обряде у ингушей в 1868 году отозвался Чах Ахриев. Особое внимание им отводится поведению женщин на похоронах. Приходящие обычно группами женщины, при приближении к дому покойника, начинают

Склеп в с. Эгикал

причитать: «При этом одна из них плачет вроде запевалы, приговаривая слова, относящиеся к умершему, и ударяя себя в лицо то одним, то другим кулаком. Как только она перестает плакать, остальные женщины, которые шли и слушали ее молча, начинают рыдать все сразу, в один голос».

Пришедшую группу женщин встречает группа женщин со стороны покойника. Во дворе лежит постель, на которой сложена одежда умершего. Одна из встречающих женщин «исчисляет при плаче все те доблести, какими отличался покойник, называя его по имени, какие он мудрые планы задумывал. Но, увы! Ранняя смерть помешала ему выполнить их и прочее, прочее. Она протягивает каждое слово, и при произношении его, она и все остальные женщины ударяют себя кулаками в грудь, восклицая все вместе: «Вададай!». Некоторые из них в это время царапают себе лицо». (7, 5)

Зафиксировать плачи и причитания нелегко, ибо делать это непосредственно на похоронах кощунственно, а плакать уже не на похоронах — плохой знак, ибо тем самым, по магическим представлениям той поры, можно накликать смерть. И все же некоторые плачи удалось зафиксировать. Впервые, еще в 1902 году, Магомету Джабагиеву удалось записать «Плач сестры». Он настолько выразителен, что достоин приведения его в полном виде:

«О несчастная сестра! Не видеть тебе больше брата, въезжающего во двор! Не любоваться тебе на брата, джигитующего на широком дворе! Не услышишь гула его скачущего коня. Полное блюдо и пьяный бокал, что ставил ты перед своими дорогими князьями, перед княжескими узденями, где же они теперь? Стоят в темном углу, опрокинутые. О мать! Не согреться тебе больше, сидя у огня, который разведет тебе твой сын. О мать! Не лечь тебе в мягкую постель, которую, мечтала ты, постелет тебе твоя невестка. Горячие угли, которые ты сам «аышкалом» (род кочерги) сложил и пеплом покрыл, стоят еще неразмешанные, — о брат, как размешать мне их теперь? Дверь, которую ты закрыл, завязав ее конопляным шнуром, стоит еще не открытая, — о брат, как открыть мне ее теперь? «Я дам вам случай веселиться на свадьбе с зурною и барабаном», — говорил ты нам. Вот какую готовил ты нам свадьбу! «Я положу вам на круглые колени дорогие подарки», — говорил ты. Вот какие ты готовил нам подарки! Как после свадьбы с зурною и барабаном должны мы сидеть теперь? Как после подарков на круглые колени должны мы сидеть теперь? Когда же, у кого отец родился счастливым, у кого мать рожала благополучно, станут делить, бросая жребий, твое золоченое оружие? О несчастная мать, как станешь ты смотреть на это?» (2, 328)

Накир Озиев. Похоронный обряд

М. Джабагиев изложил этот плач в переводе в прозаической форме. На самом деле все плачи исполняются в поэтической форме — в форме речитатива. Такая форма изложения оказывает наиболее сильное воздействие на слушателя. В этой песне свое горе изливает сестра. У ингушей говорят, что из всех родственников, включая отца, мать и братьев, сестра по отношению к брату является самой жалостливой. Имеется даже специальная легенда, посвященная этой теме. (5, 298) Главным защитником сестры, ее опорой являлся, прежде всего, брат, и потому понятно то неизбывное горе, которое изливает девушка в этом причитании.

Особенно большим несчастьем считалось, если умирал мужчина, не оставив после себя мужского потомства.

Содержание всех плачей варьируется сообразно с тем, кто плачет. Единогласно для всех случаев «кодифицированного» плача не существует. Плачи весьма вариативны. Каждый из них — отдельное законченное произведение. Для плачущей женщины имеется большой простор для импровизации. Вместе с тем в плачах немало устойчивых фразеологизмов, идиом, поэтических клише. Основная форма плача — непосредственное обращение к покойнику, ибо он должен слышать слова утешения, выражения скорби, пожеланий и т.д. Но иногда в плаче могут в форме диалога участвовать и несколько женщин. Так, в «Плаче по покойнику его жены-вдовы и племянницы» попеременно, обращаясь то к покойнику, то друг к другу, плачут две женщины, затем, как

бы давая ответ им, плачет некая старуха, пытающаяся утешить их. Все это напоминает небольшой драматический спектакль у постели покойного, в котором участвует несколько женщин. Профессиональных плакальщиц у ингушей не было, но были женщины, про которых говорили: «Она умеет хорошо плакать» («дика елха ховш саг я»); такие всегда бывали желанными на похоронах. В целом же прежде любая ингушка должна была умело плакать на похоронах, и это было одним из ее достоинств. Довольно продолжительно и поэтично должны были плакать женщины близкого родственного круга. Более отдаленные родственницы обязаны были быть более сдержанными в своих эмоциях.

Если какая-то из женщин произносила довольно продолжительный плач, она после каждого отрезка (фразы) делала небольшую паузу, которую восполняли все присутствующие женщины. Поплавав и попричитав, женщины на время успокаивались, но вот к ним являлась с плачем новая группа женщин, которую также встречали плачем. Все повторялось вновь.

Своеобразен «Плач дочери по смерти отца». В нем девушка попеременно обращается то к умершему отцу, то к брату, сестре и ко всем присутствующим. Поскольку этот плач-песня переведен близко к содержанию и поэтическому исполнению, приведем его в качестве одного из образцов народного поэтического искусства. Эта песня без всяких комментариев дает наглядное представление о жанре плачей:

«О вы, которых Бог не довел бы до плача,
Да не дал бы Всевышний вам плакать!
Плача, скажите нашему доброму отцу:
«Ушел ты, по миру пустив обездоленных сирот!»
О-о наш добрый и мягкий отец,
О-о наш добрый и мягкий отец!
Душа переворачивается, когда глянем
На постель, на которой ты принял
Мучительную смерть.
Да умерла бы вместо тебя тебе рожденная!
«По миру пустив наших бедных сирот,
Пришел я к тебе», – на том свете скажи
Нашей доброй и мягкой матери.
О дорогой и нами любимый отец!
Когда лежал ты на смертной постели,
Тогда думал ли ты о том,
Как будут жить оставшиеся после тебя?
О дорогой и нами любимый отец,
О чем мы должны говорить и просить,
Хотел бы ты знать, оставляя нас плакать?
О единственный всем нам отец!
Да умерла бы вместо тебя тебе рожденная!
(Обращаясь к сестре)
Да умри вместо тебя сестра моя,
Матерью нашей рожденная, в поисках лекарств
Сколь ни суетились и бегали мы все,
Отвернувшись от нас, ушел с наших глаз
Добрый и мягкий отец наш,
Да умерла б вместо тебя сестра твоя!
(Обращаясь к брату)
Да будет вместо тебя в отчаянии сестра твоя,
Матерью нашей рожденный, там вдали
Чуешь ли ты идущую к тебе холодную весть?
Да умрет вместо тебя любящая сестра твоя.
О, сколь тягостной будет тебе эта ночь,

Да умрет вместо тебя сестра твоя!
 Когда ты получишь белую бумагу,
 Хватит ли у тебя сил сдерживать себя?
 Да умрет вместо тебя сестра твоя!
 Тебя, несчастного, далеко судьба забросила
 Во вражью ту сторону, чтоб мне умереть за тебя!
 Далека эта дорога к тебе, и когда холодная весть
 О кончине нашего доброго и мягкого отца
 Достигнет тебя, хватит ли сил у тебя сдержаться?
 Да умрет вместо тебя сестра твоя!
 (Обращаясь ко всем)
 Пусть Всевышний не заставит всех вас плакать,
 Пусть Всевышний не заставит всех вас причитать.
 Уходящему от нас доброму, мягкому нашему отцу
 Пожелайте милости от Бога и благословения
 В этот смертный последний день его жизни,
 Уходящему от нас доброму, мягкому нашему отцу
 Пожелайте милости от Бога и благословения
 В этот первый день, в который он упокоится в могиле.
 Скажите же нашему доброму, мягкому отцу:
 «Да благословит Бог место твоего пришествия!» (2, 230-331)

Большое, неизбывное горе выражено в этом плаче. Из него мы узнаем, что у двух сестер некогда умерла мать, а теперь следом за нею ушел и отец. У бедных сирот остался один-единственный брат, да и тот за что-то осужден и находится в отдаленных местах. Девушка держится мужественно; больше, чем свое собственное горе, ее больше беспокоит судьба брата. И в то же время она находит в себе мужество поблагодарить пришедших на похороны, желая им: «Пусть Всевышний не заставит всех вас плакать!»

Еще вплоть до конца XIX века в горах сохранялся обычай делать по умершему пышные поминки. Считалось, что все съеденное и все выпитое на них каким-то чудесным образом пойдет в жертву умершему. Обычно поминки длились в течение трех дней. Резалось много скота, изготавливалось много напитков. Непременно устраивались скачки – самый любимый вид общенародного развлечения. Еще с ночи отобранных для скачек коней отводили в дальний аул, и осуществлялся строгий присмотр за ними. Утром пускали коней вскачь. При большом стечении пирующего народа ответственные за скачки старики определяли победителей. Обычно им по степени убываемости раздавали праздничную одежду умершего: черкеску, бешмет и прочее. Проводились соревнования по стрельбе в цель. Борец у ин-

гушей назывался «бугла», то же, что и русское «бугай», – тюркизм. Устраивалась борьба этих бугаев-борцов. В отдаленные времена на таких поминках покойник сидел за своим столом и созерцал все, что оставшиеся живые устраивали в его честь. Позднее поминки устраивались после того, как покойник будет положен в родовой склеп. К концу XIX века позиции ислама настолько усилились, что эти поминки были заменены исламским жертвоприношением – «сагла».

Говоря о плачах, совершенно не были упомянуты мужчины, и это справедливо. Плачи у ингушей – чисто женский жанр. Женщины могут плакать, причитать, доводить себя до иступления. Все это строго запрещено ингушскому мужчине. Плачущий мужчина – это позор. Мужчина не имеет права показывать свою слабость. Он должен быть невозмутимым, всем своим видом показывать свой стоицизм, свою крепость духа. По случаю смерти ингушским мужчинам запрещалось одеваться неряшливо, отпускать бороду, если он ее до этого брил. Лишь во второй половине XX века откуда-то взялась мода отпускать бороду, правда, не у всех. Н. Яковлев зафиксировал следующее наблюдение:

«С вестью о смерти немедленно рассылаются по всем селениям всадники-вестовые, где есть однофамильцы умершего. Не известить о смерти родственника, значит, нанести ему кровную обиду. Получив такое извещение, мужчина-родственник спешит верхом на похороны.

Односельчане – родственники умершего сообщают в лес и привозят в его дом несколько возов дров для приготовления поминального угощения. Хоронится умерший без гроба, в саване, по обычному мусульманскому обряду... После того как предадут тело покойника земле, устраивается поминальное угощение, в котором участвуют все приглашенные родственники. По окончании поминок родня собирает деньги в пользу семьи умершего; этих денег часто бывает недостаточно, чтобы окупить расходы по похоронам». (37, 233)

За какие-то полсотни лет в погребальном обряде ингушей произошли разительные перемены. Частично еще в горах сохранившиеся древние обряды в начале XX века сменились повсеместно исламским обрядом захоронения. И все же плачи – наследие доисламских времен – сохранялись довольно долго, несмотря на строжайшие запреты ислама. Ведь по мусульманским понятиям, как известно, умерший попадает в рай или ад, и если плакать по умершему, это означает, что он вел неправильную жизнь и потому ему уготован ад. Долгие десятилетия отдельные священнослужители в нарушение заповестей, войдя в круг плачущих женщин, начинали их укорять в антиисламском поведении. Женщины замолкали, но стоило проповеднику уйти, как они вновь изливали свое горе в поэтически окрашенных плачах. Одно время даже смирились было со столь стоическим сохранением этого древнего женского обычая, и все же уже к концу ушедшего XX века песни-плачи были окончательно выведены из обихода, как и многое другое из наследия древней культуры. Теперь женщины, собравшись в кружок, просто слезно плачут, без всяких песенных излияний.

Смена языческой религии (у ингушей – с примесью христианства) религией монотеистической признается фактом положительным. Но смена религий, естественно, имеет и свои издержки. Например, крещение Руси имело своим последствием нещадную борьбу с различного рода древними праздниками и обрядами. Нечто подобное произошло и в Ингушетии. Ушло в безвозвратное прошлое многое из ее традиционной культуры. Но в описываемое время рубежа XIX – XX веков еще довольно активно бытовали музыкальная и вокальная культуры. Бытовали тогда, бытуют и сейчас, но уже не столь активно, прикладное искусство, народная хореография, искусство слова – фольклор.

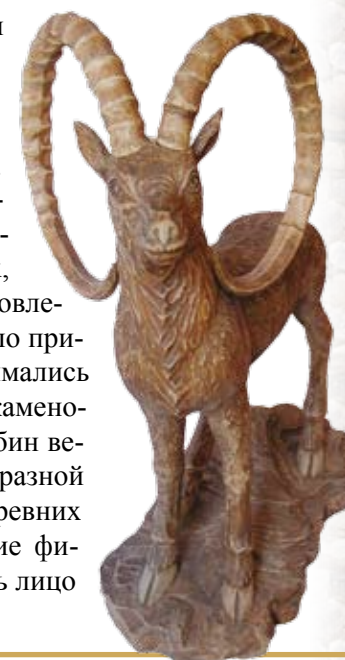

Глава 4

Национальная духовность и народное творчество

Прикладное искусство

Местные орнаменты своими корнями уходят в знаменитую кобанскую культуру. Как в древних, так и в более современных орнаментах видны подражания местной фауне, прежде всего в изображениях оленя, кавказского тура. Рядом с ними видны орнаменты растительного происхождения. Все эти орнаменты обычны для безворсовых аппликативных ковров. На них ранее не встречались геометрические орнаменты. Зато они щедро представлены на деревянных изделиях. Штрихи, звездочки, комбинации треугольников и квадратов, круги, ромбы, сетки и другие изображения вырезались на сундуках, ларях, опорных столбах, дверях, окнах, столах и стульях. Если изготовление безворсовых аппликативных ковров было привилегией женщин, то резьбой по дереву занимались исключительно мужчины. Они же были и каменотесами. Камнерезное искусство идет из глубин веков. До сих пор на башнях и склепах видны разной формы крестообразные орнаменты. На древних могильных плитах высекались человеческие фигуры, но позднее ислам запретил изображать лицо

человека. Но в описываемую эпоху на «чуртах» – надмогильных памятниках, изображались газыри, оружие, часы и прочее, если был похоронен мужчина. На женском памятнике можно встретить женское нагрудное украшение, ножницы, иногда гармонь. На этих надмогильных

стелах иногда высекались и родовые тамги. На современных стелах все эти изображения, кроме тамги, уже отсутствуют. Особого развития камнерезное искусство не получило, но вот изготовление войлочных ковров имело самое широкое распространение. О нем исследователи отмечают: «Колорит войлочного ковра всецело зависел от места его изготовления, растительности, произраставшей там, и являлся выражением эстетического взгляда мастерицы, общества, народа. Излюбленными цветами

войлочных ковров у чеченцев и ингушей являлись: ярко-желтый, оранжевый, красный, зеленый, черный, синий... Мотивами для коврового узора служили оленье рога, символическое изображение солнца, полумесяца, орнамент растительного характера». (41, 6-7)

Также чисто женским искусством считалось богато орнаментированное изготовление различных футляров (для часов, молитвенника, предметов шитья...), кошельков, кисетов; обшивание женской и мужской одежды тесемками, различные вышивки женских тапочек, припущенных рукавов, шитье бисером и т.д. Женщины умели производить краски из разных растений, но в XX веке все чаще стали употреблять покупные краски фабричного производства. Также покупными были шелковые, золотые и серебряные нити, тесьма.

Орнаментированием изделий из металла и кости были заняты оружейники и кузнецы. Металлическая посуда окантовывалась растительным и геометрическим орнаментом. Богато инкрустировалось

позолотой и чернью по серебру холодное и огнестрельное оружие. Делались узорчатые накладки из кости. Наряду с традиционными, чаще растительными, узорами стали инкрустировать и надписями арабской вязью.

Музыкальное и хореографическое искусство

Музыкальное и хореографическое искусство, пожалуй, предстает наиболее интернациональным в рамках северокавказского региона. Куначество, побратимство, торговые связи, взаимные миграции обусловили схожесть музыкальных мелодий и рисунков танцев, но вместе с тем немалосущественными были и местные национальные особенности. К

древнейшим относятся духовые инструменты: свирель – «шедолг», рожок – «муI», зурна – «зурма». Из струнных инструментов наиболее почитаемой была скрипка – «чIондарг», но часто употребляемым был инструмент типа балалайки («дахчан пандар») – деревянная гармонь. Из ударных инструментов

некогда были распространены трещетки («хьалтIамаш») – «галушки», но со временем их заменили мужские хлопки. С конца XIX века повсеместно завоевала популярность обыкновенная гармонь.

Ингушское музыкальное исполнение можно условно подразделить на три вида:

- музыка для прослушивания («ладувгIа йиш»), когда присутствующие заняты исключительно прослушиванием какой-то мелодии;
- танцевальная музыка («халхара йиш»);
- речитативная мелодия, обычно сопровождающая какое-нибудь эпическое сказание.

Некогда существовало отдельно мужское и женское хоровое исполнение песен, когда солист запевал на высоких нотах, а другие подпевали ему более низким голосом. Женское хоровое исполнение исчезло и осталось лишь сольное. Мужское хоровое исполнение героических песен сохранило свою песенную форму, но по содержанию стало религиозным.

Как отмечают исследователи, в частности, И. Бларамберг, еще лет 150 назад у ингушей существовал массовый танец: юноши и девушки,

взявшись за руки и образовав круг, танцевали. Одновременно в середине круга исполнялись и сольные танцы. Об этом танце сохранились лишь воспоминания из-за разного рода запретов. На стыке ушедших веков и вплоть до сегодняшнего дня ингушский танец является парным. Первой в круг выходила девушка, она же первой и покидала его. Юноша обязан был умело водить девушку по кругу. В процессе танца он, никоим образом ее не касаясь, движениями рук указывал девушке идти по кругу вперед, назад, кружиться на месте. При каждом из этих движений юноша возгласами (обычно «ворс-тIох») давал понять девушке, в каком направлении ей двигаться в танце. Иногда юноша придерживал напарницу то перед старшими, то перед своими сверстниками, стоящими по кругу. Девушка в этот момент обычно кружила в танце. Пройдя в танце с девушкой пару кругов, юноша возгласом и руками давал напарнице понять, что теперь они пойдут кружиться в обратном направлении. Иногда, издав очередной возглас, юноша начинал танцевать, пятясь назад; теперь уже девушка в танце как бы наступала на него. Если в танце снижался темп и хлопки становились слабыми, танцор мог, не прекращая танца, крикнуть, обратившись к молодежи: «эйде!» (в смысле: «задайте темп!»).

Продолжительность танца зависела от девушки. Она не должна была слишком затягивать танец, учитывая физические возможности напарника. Он же всячески демонстрировал свою стойкость, энергичность и неустанность. Если танцор видел, что девушка собирается раньше времени покинуть круг, он рукою указывал ей двинуться дальше по кру-

гу. Если же какая-либо из напарниц, разошедшись, не покидала круг, а возможности танцора были на исходе, то он начинал притеснять ее к группе девушек, тем самым давая ей понять, что пора завершать танец. Когда девушка покидала круг, танцор благодарил ее легким кивком головы. Принадлежащие к воинскому сословию танцоры при этом ввели в моду отдавать девушке в благодарность воинскую честь. В отличие от других народов ингушские девушки обязательно танцевали, как и мужчины, «скользящим шагом» («ког шершабеш»). Впрочем, весьма редко, но случалось, что некоторые проказницы никак не покидали круга, желая тем самым за что-то досадить своему напарнику. Все понимали, что это делается неспроста. Иногда девушка выходила в круг вместе с гармошкой, и в этом проявлялся некий шик.

Одним из требований к танцору было его умение держать свой стан прямо: руки, ноги могли делать разные движения, но осанка непременно

но должна была быть прямой. В ингушском танце никогда танцор не становился на колени. Это новомодное введение в профессиональный танец в новейшее время. Обычно у каждой из девушек на вечеринках имелся свой сопровождающий (обычно один из младших братьев), который незаметно находился в толпе, но зорко следил, чтобы как-нибудь не была затронута честь девушки. Как и всегда, на танцах было строжайше запрещено парню прикасаться к девушке. Это приравнялось к посягательству на ее честь и могло иметь печальные последствия.

В танце ценились грациозность, строгость, достоинство, умение чередовать плавные и быстрые телодвижения. Кстати, последним не придавали особого значения, а наоборот, осуждали так называемое «чрезмерное кривляние» («дукха сетташ»).

На вечеринках хорошие организаторы делали все для того, чтобы все, особенно девушки, станцевали хотя бы по одному разу. Случалось, что, по просьбе зрителей, просили станцевать повторно особо отличившуюся пару. Для девушек в этом выражалось высшее проявление чести.

На ингушские вечеринки музыкантов не приглашали хотя бы потому, что профессионально музыкальным искусством занимались немногие. Зато для девушек было обязательным умение играть на гармошке. Обычно на вечеринках девушки гармонь передавали из рук в руки. Ценились особо талантливые исполнительницы, и их имена становились широко известными.

Танцы практиковались на вечеринках и свадьбах. Участвовать в них могли все мужчины, достигшие совершеннолетия, независимо от того, мужчина холост или женат. Но со стороны женщин в танцах могли участвовать исключительно девушки. Ни вдовы, ни тем более замужние женщины в танцах участия не принимали. Такое привилегированное отношение к девушкам в данном случае объясняется вполне естественной причиной: девушке необходимо было выйти замуж и завести свою семью.

Фольклор

Большое развитие у ингушей получило искусство слова – устное народное творчество. Термин «фольклор» часто употребляют не совсем верно, если подходить со строгих научных позиций. В понятие «фольклор» входит все народное искусство (прикладное, хореографическое, музыкальное...), в составе которого и устное творчество. Но понятие термина «фольклор» в советское и постсоветское время настолько стало ассоциироваться именно (и прежде всего, а иногда и исключительно) с народным словесным искусством, что и мы вынуждены следовать этой сложившейся традиции.

А. Даурбекова. Дочь Кавказа

В этой книге фольклор привлекался неоднократно, особенно пословицы, поговорки и притчи. Но устное народное творчество ингушей намного шире и весьма значимо, как вид народного искусства, и потому заслуживает более обстоятельного изучения.

Интерес к ингушскому фольклору был впервые проявлен просветителем и этнографом Чахом Ахриевым. Много сделал в этом плане и даргинец по национальности Башир Далгат, профессиональный этнограф, живший во Владикавказе. С переменным успехом работа

по записи и изучению ингушского фольклора со второй половины XIX века продолжается и по сей день. Накоплено уже немало публикаций как самих текстов, так и материалов их изучения.

В обозримый исторический период у ингушей, как и у многих других народов Северного Кавказа, своей письменности не было. Мы не будем останавливаться на том, что предки ингушей некогда пользовались грузинской письменностью, что в новое время имелись довольно успешные попытки создания ингушской письменности. Непреложным остается факт, что в описываемый период грамотных (и то по-русски) среди ингушей было всего несколько процентов. Несомненно, что в таких условиях именно устное творчество было искусством, удовлетворяющим мировоззренческие, морально-этические и эстетические взгляды и потребности народа.

На рубеже XIX – XX веков в ингушской среде фольклор имел самое широкое распространение. Он пронизывал все сферы жизнедеятельности народа, начиная от колыбельной песни и кончая песней похоронного плача. Истоки фольклора уходят в глубь веков и тысячелетий, и в то же

время он на всем протяжении, естественно, подвергаясь историческим изменениям, оставался живым, интимно родным и любимым видом народного искусства. Вполне понятно, что такая большая эстетическая система, как устное народное творчество, за длительный исторический период своего развития нашла свое выражение в целой системе жанров. Вот их основной перечень, данный в их стадийном развитии: мифы, календарные и семейно-бытовые обряды, нартские сказания, сказки о животных, героико-волшебные сказки, бытовые сказки, героико-эпические песни, лирические песни, легенды, предания, пословицы и поговорки, детский фольклор (загадки, считалки и др.). (14, 67)

Мифы

К XX веку в Ингушетии ислам утвердился повсеместно, но пережитки доисламских верований еще продолжали сохраняться. Так, будучи мусульманами, горцы продолжали чтить богиню Тушоли, при засухе ходили к древним святилищам и приносили жертвы и т.д. И после принятия ислама в сознании народа продолжали сохраняться мифы далеких времен. Их впервые зафиксировали Чах Ахриев и Башир Далгат, но даже уже в XX веке в народе еще можно было услышать какое-нибудь древнее мифическое сказание. Ингушские мифы являются наследием языческо-христианского периода. Доисламские верования ингушей – это причудливая смесь их древнейшей языческой религии, бывшей тесно связанной с подобными религиями древних народов Передней Азии, а затем и привнесенными в эту среду элементами христианства, шедшего из Византии транзитом через Армению и Грузию.

Древнейшими ингушскими божествами, еще сохранившимися к XX веку, являлись могучие богини «Мехка-нана» – Мать страны, «Дардза-нана» – Мать вьюг, буранов, «Хи-нана» – Мать вод, «Миха-нана» – Мать ветров, «У-нана» – Мать эпидемических болезней. Древним был бог Елта (первоначально бог охоты, а затем – земледелия). К местным же и древнейшим относился могущественный бог грома и молнии Села.

Накир Озиев.
Блюдо «Илли»

Богинею неба и искусств чтилась его дочь Села Сата, ставшая одновременно и главной героиней нартского эпоса народов центральной и западной части Северного Кавказа. Отразились в древней мифологии и сохранились вплоть до наших дней элементы поклонения небесным светилам и звездам, в особенности это относится к Солнцу («Малх»). Абсолютно не владея научными знаниями об окружающем мире, земном и небесном, не понимая происходящих в нем явлений и многое другое, человек, обуреваемый жадной познания и объяснения сущности всего непонятного, начинал выдумывать фантастические объяснения. Причем в сознании далекого предка это был не вымысел, а реальность. Тут к месту будет привести миф «Как произошли солнце, луна и звезды»:

«Был один юноша, красивый, как картинка, знаменитый мастер-кузнец. Говорят, когда он работал, огонь, зажженный в его кузнице, освещал весь мир. От удара его волчьего молота сверкали молнии, и весь мир содрогался от грома.

В то же время жила одна девушка. Она жила в большой башне, в которой не было ни одного окна. Девушка никогда не выходила из башни, но она была так красива, что сияние от ее лица было видно издали.

– Я посватаю ее, – твердо решил молодой человек и послал сватов.

Юноша не знал, что эта девушка была его сестрой, но она знала об этом, но не могла сказать.

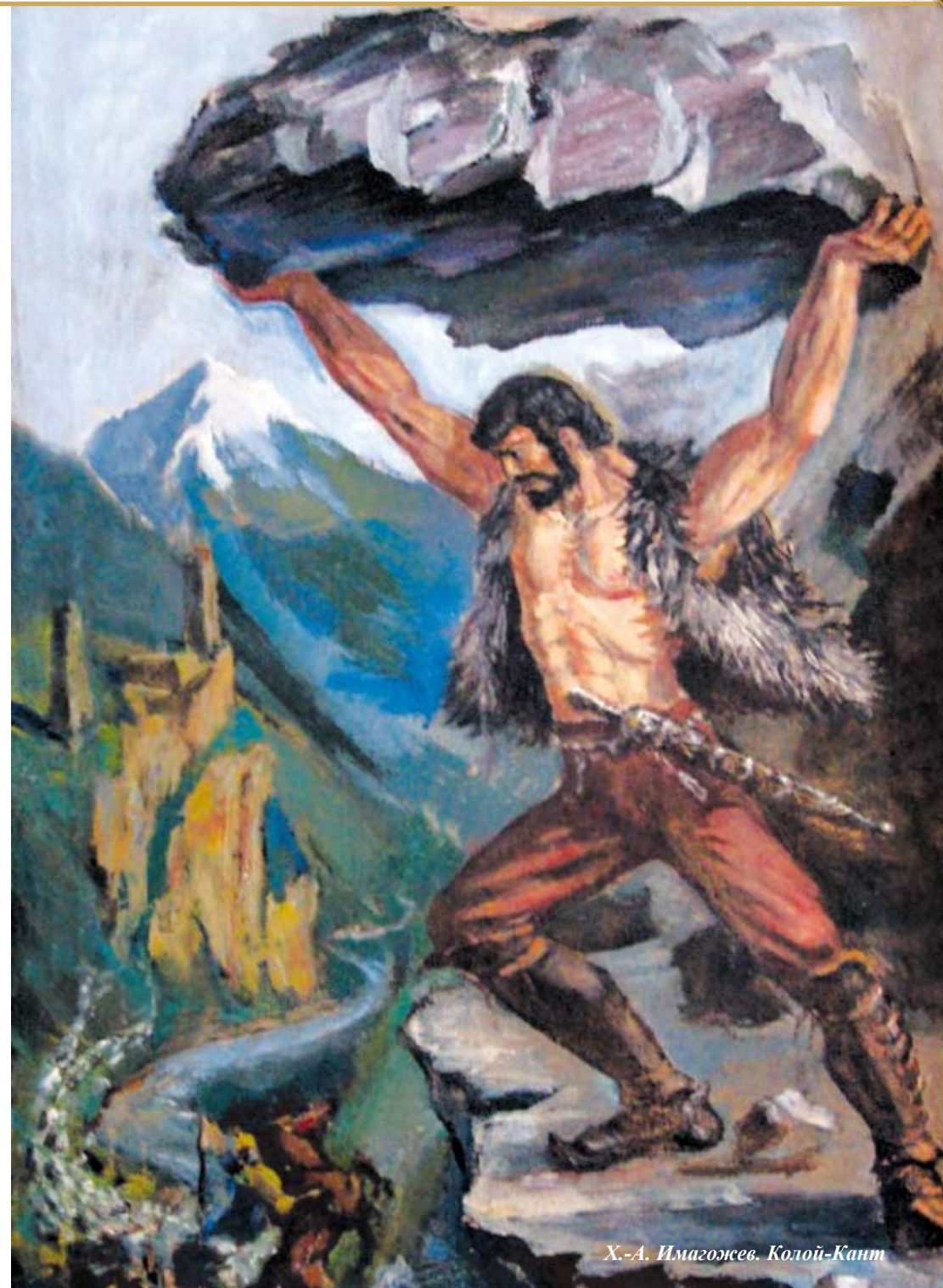
Ища причину для отказа, девушка ответила:

– От его огня и золы померкнут мое сияние, и лицо мое состарится. Не пойду за него замуж!

Такой ответ огорчил юношу. Он раскалил золотую палицу, которую целую неделю держал в огне, взял ее в руки и темной ночью пошел к девушке. Увидев его и боясь встречи с братом, девушка бросилась бежать. Он побежал за ней, но никак не мог ее догнать. И так они бежали, пока не умерли.

Искры, летевшие от раскаленной золотой палицы, превратились в звезды. От девушки же осталось яркое сияние. Юноша превратился в Солнце, девушка – в Луну. Говорят, что и поныне он стремится догнать ее, пробегаая круг за кругом». (2, 14)

В этом мифе ярко выражен антропоформизм, т.е. человекоподобие. И это вполне понятно: человек видел весь мир и его явления прежде всего через себя, человека. На другое объяснение он еще не был способен. Отразилась в мифе и эпоха появления в человеческой деятельности металла. А также в мифе отразился древнейший отголосок – появление экзогамии – запрета на заключение брака с близкими родственниками. К эпохе матриархата нас уводит и то, что в этом мифе именно женщина знает родственные связи, а мужчине они еще не известны. Названная в

Х.-А. Имагожев. Колой-Кант

мифе девушка, скорее всего, позднее преобразилась в «Маьлха Азу» – Солнечную Азу, героиню мифов и нартского эпоса.

К космогоническим относится и миф о появлении «Млечного пути» («Ча токхадаь моттиг») – «места, по которому проволокли солому». Якобы знаменитая Села Сата пошла по небу к своему мужу Хало («Халло»), прихватив для брачной постели солому. По пути солома осыпалась, и получилось созвездие из огромного скопления звезд. С этой же богиней Села Сатой связано и созвездие «Сатин божолг» – «Сатин хлебец»: уходя из дому, Села Сата положила в угли печь «ольг» – хлебную треугольной формы лепешку. Когда она вернулась, то обнаружила, что два угла лепешки подгорели, а один уцелел, потому и получилось, что в этом созвездии из трех звезд одна яркая, а две другие более тусклые. Иногда это созвездие просто называют «Треножник» («Кхоког»).

О созвездии Большая Медведица имеется несколько мифов. Наиболее примечательный из них повествует, что у древнего верховного бога Ткья и его жены Матери вьюг (Дардза-наны) было семеро сыновей; как-то они ослушались отца, поверив посулам нарта Курка, за что отец превратил их в звезды и прямо с вершины своей тронной горы Казбека отправил на небо. Потому-то это созвездие называется то «Звезды семи братьев» («ВорхI веший седкья»), то «Сыновья вьюги» («Дарца кьонгаш»).

Имелись мифические повествования о Малой Медведице (Чухый глаьр), Полярной звезде (Кьулба седкья), Венере – Предраассветной звезде (Са хула седкья). Есть созвездия, связанные с именами предводителя нарттов Сеска Солсы, жестокого завоевателя Тамерлана («АстатIа Темарк» – «Хромой Тимур»).

Не только созвездия, но и целиком все небо, как таковое, было издревле обожествляемо. Его владельцем признавался бог – «Хал». В Ингушетии богу Халу в древности был посвящен и храм под названием Хал-ерды, в литературе более известный как Гальерды. Так, этим именем в 1810 году клялись на верность России назрановские ингуши. Это была вторая клятва, подтверждавшая первую, данную в 1770 году в селе Ангушт – древней ингушской «столице». О высоком почитании неба говорит и рудиментарно сохранившаяся клятва: «Клянусь во-он тем небом!» («ДIа – арча Сигалора дув буь аз!»).

Представляет интерес следующее наблюдение:

«В песнях для вызывания дождя, – пишет И. Дахкильгов, – вайнахи обращались к богам Ра – «Ло», Хал – «О». С этими именами созвучны египетский Ра, урартский Халди (основа – Хал). Бог подземного мира вайнахов Эштр (по Ч. Ахриеву) созвучен с именем вавилонской богини Иштар, которая также увязывалась с подземным миром, а переход богов из женской ипостаси в мужскую и наоборот был не редкостью. Урартские (и других народов) Ал и Бел соотносимы с вайнахскими Алла и Белла. Созвучие видно и в именах местной Тушоли и урартского Ташуба». (13, 11)

В другом месте исследователь отмечает, что местное название верховного бога («Даьла») весьма схоже с соответствующими названиями и некоторых индоевропейских народов: «Дьяус» (древнеиндийский), «Зевс-Дий» (древнегреческий), «Деус» (латинский), боги литовцев и прусов «Диевас», «Диевс», «Дейвс». И тут же следует вывод: «Из сопоставления с вайнахским «Даьла» напрашивается тождество и в функции бога, и в его имени. Не беря на себя смелость выводить вайнахское имя из индоевропейского корня, ограничимся предположением, что имя этого бога появилось в праностратические времена. Древнеиндийский «Дьяус» обозначает не только бога и «сияющее дневное небо», а и «день», но ведь у вайнахов «день» тоже называется «ди». (13, 26)

Кстати, тут будет уместно вставить, что и у цыган, по языку – индоевропейцев и по вере – христиан, верховный бог, как и у вайнахов, называется Дяла.

Представляется, что имя этого божества идет с незапамятных времен. У вайнахов оно пережило период язычества, период христианского влияния и активно продолжает бытовать и в современный исламский период.

Х.-А. Имагожев. Царь аланский

Еще в доисламское время у ингушей являлся верховным бог Дяла. Он не имел никаких конкретных, свойственных языческим богам функций. Он просто являлся абстрактным Вседержителем и главою всех и вся. Таким образом, у ингушей еще в те времена существовало понятие о едином боге, и это уже говорит о монотеизме, и потому называть древнюю ингушскую религию чисто языческой будет не совсем верно.

Грозный бог Села повелевал молнией, громом. От его воли зависели погода и война. Обитает он, согласно мифам, на вершине священной горы Цай-лам. Иногда летает по небу в облике орла.

Тушоли преимущественно считалась женской богиней. Ее атрибутом являлась птица угод. От богини зависело деторождение, размножение домашних животных. Справлялся ее праздник в дни весеннего равноденствия. Будучи мусульманами, ингуши вплоть до XX века поклонялись ей.

Елта имел две функции: божества охоты и божества урожая. Кстати, заметим, что и сам урожай зерновых у ингушей до сего дня называется «ялат». Это божество по своему желанию могло приобретать то облик человека, то облик оленя или тура. К концу XIX века по инерции ему

еще продолжали, на всякий случай, поклоняться охотники за турами. Ч.Ахриевым была записана интересная легенда о Елте, содержание которой восходит к христианской религии, но главным действующим лицом выступает Елта, а не святые угодники Михаил и Николай. (13, 34)

При соответствующем анализе доисламских местных верований в них обнаруживаются и другие черты, свидетельствующие о древнем христианском влиянии. Приведем некоторые примеры. Богиня Тушоли стала ассоциироваться с девой Марией. По сведениям, ее изображение имелось в теперь разрушившемся христианском храме Алби-Ерды. Из Грузии завозились иконы богородицы, которой ингуши поклонялись, как богине Тушоли. Приведем некоторые ингушские слова, заимствованные из грузинского языка в период христианского влияния: «жлар», «джвари» – крест, «марха» – пост, «мозглар» – священник, «кГира», «кВири» – неделя, «оршот», «оршубади» – понедельник, «пАьрска», «пАраскви» – пятница, день святой Прасковьи, «шоатта», «шабути» – суббота, «аьлгац», «эглиси» – храм (из греческого) и др. Все эти слова активно бытуют в ингушском языке и по сей день.

В ингушской мифологии имеются условно называемые прометеевские мотивы, восходящие к весьма отдаленным временам. О том, что произведения такого типа еще в начале XX века бытовали в ингушской среде, свидетельствует запись В. Светлова «Семь сыновей выюги», опубликованная им в 1910 году. (13, 51) Текст этот настолько примечателен, что будет небезынтересным ознакомиться хотя бы с кратким его содержанием.

В тексте «Семь сыновей выюги» человеческое общество поделено на добрых и злых нартов». Произведение доносит до нас древнейшие времена человеческих жертвоприношений... В мифе представлена божественная семья: верховный бог «Ткъя» – глава семейства, богиня выюг – «Дардза-нана», его жена, у них семеро сыновей, из которых образовалось созвездие «Сыновья выюги» – Большая Медведица. Люди бедствуют. «Ткъя» живет в свое удовольствие. Обреченный на жертвоприношение юноша Курка сумел перехитрить сыновей «Ткъя» и «Дардза-нана», похитил у бога овец и камыш, чем и облагодетельствовал людей. «Ткъя» наказывает всех: в горных глубинах закован Курка, и периодически его сердце клюет орел; за то, что не уберегли горы от пришельца, сыновья превращены в созвездие, а их мать разделяет вину сыновей и потому обречена вечно быть при закованном и страдающем герое». (13, 51-52)

Еще исследователь Б. Далгат отмечал, что ингушам присущ альтруизм – готовность жертвовать собою ради счастья людей. (5, 136) Именно таким альтруистом предстает Курка, принявший на себя муки, чтобы

тем самым избавить людей от страданий. Это произведение можно признать и мифом, и нартским сказанием, но важна сама по себе высокая гуманистическая идея, нашедшая здесь свое выражение. Трудно переоценить воспитательное воздействие таких произведений, служащих сокращению идеалов эгоизма.

Из далеких глубин веков вплоть до XX века дошли замечательные этиологические (о происхождении чего-либо), эсхатологические (о конце света, мировых катаклизмах) мифы, в которых, помимо местных особенностей, видны некоторые черты христианской, а позднее и исламской религии.

Календарь

Календарная обрядовая поэзия присутствует у всех, кто ведет оседлый и земледельческий образ жизни. В частности, это характерно и для ингушей. Хозяйственные нужды обуславливали наличие календаря, который помогал бы узнавать, когда надо приступать к тем или иным видам хозяйственных работ. Наши древние предки умели определять время зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия. Некогда счет дней велся по пятидневкам (по числу пальцев рук), от которых на сегодня остались в народе названия второго – вторник («шинара»), третьего – среда («кхабра») и четвертого – четверг («ера») дней пятидневной недели. Затем ее сменила неделя семидневная. Есть сведения, что некогда существовали и большие 15-дневные недели. Всего таких недель в году насчитывалось 24, итого 360 дней. В конце года добавляли одну пятидневку, которая называлась «бож». Таким образом, год составлял 365 дней. В любом случае год начинался со дня «рождения» Солнца. В горах на башнях и склепах сохранились выбитые на камнях штриховые изображения, состоящие из 24 черточек, обозначающих год. Жрецы имели свои особые смотровые места и различного рода метки (стелы, камни), стоявшие вокруг по возвышениям, по которым определялся путь солнца. Таким путем, например, довольно четко устанавливали день зимнего солнцестояния, определявшего в три дня. В первый день говорили: «Солнце идет домой» («Малх цIа боагIа»). В день третий, выхода Солнца, говорили двояко: «Солнце идет из дома» или «Солнце идет из материнского чрева» («Малх цIара боагIа» или «Малх наьна керара боагIа»). По сути, это было рождество, сегодня определяемое по григорианскому календарю, и падало оно на 25-26 декабря. В это время ингуши справляли новогодний праздник, который назывался «НоджганцIий», или «НоджоI». В многочисленных древних храмах, разбросанных по всей горной Ингушетии, в предново-

годнюю ночь жглись огни (наследие огнепоклонничества) и произносились молитвы, по окрестностям рассылались дети с извещением о том, что утром начинается Новый год и празднество в его честь. Сохранилась новогодняя молитва жреца. Она имеется в единственной записи, и вместе с тем она настолько характерна и содержательна, что достойна того, чтобы ее привести полностью:

«Из чрева вышло, из чрева идет,
Озарились земля и небо.
Золотом блещет сиянием яркий,
Со щедротами идущий,
О-о бог золотой Малх (Солнце)!
Ты приходишь масляным.
Дай целебное, чтоб заразные болезни
Нас никогда не постигли бы.
Мирное счастье дай нам.
Пусть в очагах горит наш чистый огонь.
Дай нам согласия во всех делах наших,
Фарал – благодать дай нам всем.
Пусть будет фарал всему растущему,
Пусть будет фарал всему несущемуся,
Пусть тарамы – духи-двойники –
Уничтожат грозную заразу,
Погубят злобных це-цалов,
Пусть весна будет благодатью,
Пусть лето будет плодоносным,
Пусть осень будет щедрою.
Не дай нам засухи,
А дождей в меру дай нам.
Пусть родни будет много.
Старшими сказанное да будет
Потомками нашими сделано.
У порога всегда пусть посох у нас стоит,
А в красном углу пусть всегда колыбелька стоит.
О-о великий и могучий Дяла,
Фарал – благодать щедро даруй нам!
Этот год сделай мирным для нас.
О-о великий и могучий Дяла!
Слава великому божьему Солнцу!
Все состарившееся пусть исчезнет.
Пусть все родится и молодится!
И вновь пусть все обновляется!

Не скажи, Боже, что скучно мы пришли к тебе,
О-о великий, могучий Дяла!
Ты видишь этих черноголовых, а телом
Чистой белой шерстью покрытых овец.
Их привели мы к тебе,
О-о великий, могучий наш Дяла!
Очййта! Аминь, о, Дяла!»

В этой молитве выражены все сокровенные желания мирного земледельца и скотовода, поклоняющегося животворящему Солнцу. Сюда же некогда вплелось и христианское «аминь», которым обычно заканчивалась молитва. В данном случае в молитве имеется пожелание: «Все состарившееся пусть исчезнет!» Смысл этих слов будет понятен, если вспомнить стародавний обычай выбрасывать из дома все состарившееся из одежды, посуды, мебели, а на его место ставить все новое.

Большой интерес новогодний праздник представлял для детей и подростков. Они обычно рядились в козлов и группую ходили по дворам. Впереди этой группы обычно шли две девушки, перекинув с плеча на плечо палку, на которой была белая (символ чистоты) материя. Подойдя к очередному двору, группа, мерно постукивая посохами, пела песню благодати «Фар». Вот один из ее вариантов:

«Пусть будет благословенным ваш Новый год!
Пусть ваша жизнь будет счастливой,
Пусть орехи у вас растут крупные,
Пусть скот ваш будет тучным,
Пусть куры несут яйца крупные,
Пусть будет халва ваша сладкой,
Пусть будет у вас много скота,
Пусть ваши пашни будут плодоносными!
Живее, ба-а-ба,
Неси халву, давай оре-е-хи!»

Этот детский обряд во многом был тождественен известным колядкам. И что интересно, этот доисламский обычай не исчез. И теперь дети, но уже не обряжаясь, ходят группами по дворам по окончании исламского поста уразы («мархаш» по-ингушки). Разумеется, и слова теперь произносятся другие, но сама форма этого обряда оказалась довольно живучей.

По солнцу и по прилету птиц узнавалось время начала пахоты и сева, определялся период весеннего равноденствия. И тут имели место свои обряды и праздники. Ими сопровождалась все летне-осенние работы (сенокос, стрижка овец, уборка урожая...). У ингушей также был двенадцатимесячный отсчет времен года. Сохранились ингушские на-

звания месяцев, записанные Албастом Тутаевым и Баширом Далгатом. Между этими записями имеются некоторые разночтения. Не останавливаясь на них, сначала приведем записи Башира Далгата, учитывая, что по времени они были сделаны ранее А. Тутаева.

Приводим названия русских и следом за ними ингушских месяцев, с некоторыми пояснениями, которые были сделаны самим Б. Далгатом:

Январь – Наджиганцхой, самый холодный месяц.

Февраль – Мархи-бутт, месяц поста (влияние христианства).

Март – Бекрик-бутт, кукушкин месяц.

Апрель – Тушоли-бутт, назван по празднеству в честь богини Тушоли, в это время прилетает угод.

Май – Сели-бутт, месяц бога грома и молнии.

Июнь – Мангал-бутт, месяц покосов.

Июль – Маьтцели-бутт, назван по празднеству в честь божества.

Август – Маьткали-бутт, назван по празднеству в честь божества.

Сентябрь – Тау-бутт, месяц отавы, или второй травы после покоса.

Октябрь – Ардари-бутт, месяц молотбы.

Ноябрь – Орхи-бутт, в этот месяц баранов пускают к овцам.

Декабрь – Огой-бутт, в декабре откармливают скот и начинают его резать. (42, 60)

Приводим теперь перечень ингушских месяцев, составленный А. Тутаевым:

Январь – Агой бутт.

Февраль – Аьккхий махий бутт.

Март – ГалгIай мархий бутт.

Апрель – Тушоли бутт.

Май – Бекарга бутт.

Июнь – Этинга бутт.

Июль – Ма-ы бутт.

Август – Сели бутт.

Сентябрь – Миха бутт.

Октябрь – Ори бутт.

Ноябрь – Чилла бутт.

Декабрь – Ножганцев бутт. (42, 59)

Пожалуй, перечень месяцев, приведенный А. Тутаевым, зафиксирован более верно.

Месяц по-ингушски называется «бутт», и название это напрямую восходит к названию нашего ночного светила «бутт». Кстати, у многих народов, например, у русских, название небесного месяца и календарного месяца одно и то же – «месяц». Во всем этом видны рудименты тех времен, когда первоначально существовал лунный календарь. Он был довольно легким и доступным, соизмерялся с лунными фазами, которые визуальнo короче солнечных дней на одиннадцать, и потому он не соизмерялся с циклом хозяйственных работ, напрямую связанных с движением солнца. Ингуши, как и многие земледельческие народы, давно стали применять в своей житейской практике солнечный календарь. К описываемому нами периоду рубежа XIX – XX веков от лунного календаря у ингушей осталось только название «бутт» (Луна, календарный месяц), во всем остальном применялся исключительно солнечный календарь. Но с внедрением в жизнь ислама вновь возникла идея введения лунного календаря. Попытки его применения оказались безуспешными – земледелец не мог им руководствоваться в своей хозяйственной деятельности. Арабским лунным календарем продолжают руководствоваться священнослужители, которые по этому календарю определяют время проведения религиозных праздников, обрядов.

У ингушей существовали и более упрощенные названия месяцев. Так, например, про весенние месяцы они говорили так: Месяц начала весны («Баьсти йолаю бутт»), Месяц середины весны («Баьстан юкьера бутт»), Месяц конца весны («Баьстан тIехьара бутт»). В таком же описательном стиле говорили о месяцах лета, осени и зимы.

Х.-А.Имагожеев.Средневековое Хамхи

Помимо деления на месяцы, отмечают исследователи, имелось у вайнахов деление года на целый ряд периодов. Они ближе к хозяйственной деятельности, отражают точные жизненные наблюдения. Например, период, соответствующий концу января – началу февраля, назывался «чилла». Это слово можно перевести как «пепел», «труха». В это время наблюдается легкая снежная пороша. Период конца февраля назывался «берза Iазал» – приближенно «волчьи муки»; в это время волки голодны и опасны. Начало марта называлось «истара муI айтIа ха» – время, когда лопаются бычий рог. Имеется в виду смена на рогах быков годовых колец. Период перед пахотой называется «цIера хаьшк (или кIаьрг) лаьтта кхийтта ха» – время, когда в землю ударились огненная головешка; земля в это время достаточно прогрелась и от нее начинает парить. В народе считается, что тогда зима убегает в леса (то есть повыше в горы). Имеются и такие периоды, как «хьонк боала ха» – время прорастания черемши, «нитташ боала ха» – время появления молодой, съедобной крапивы, «зиза тоха ха» – время цветения, «мангала ха» – время покоса, «кIимарса ха» – время жатвы, «тов ха» – время июльского зноя, «хьажкIашта кьудж боала ха» – время, когда на кукурузных стеблях появляются початки и метелки, «жа лорга ха» – время стрижки, «бIараш хула ха» – время созревания орешника и т.д. Деление на такие периоды облегчало хозяйственную деятельность человека и потому было ближе ему. Но, чтобы заранее точно определить время какого-то периода, ему приходилось опять-же обращаться к календарю». (42, 67)

О семейно-бытовой обрядовой поэзии нами уже было написано, когда речь шла о свадебных, похоронных и прочих обрядах.

Праздник в горах

Нартский эпос

Неоднократно учеными отмечалось примечательное явление – наличие у разноязычных народов центральной и западной части Северного Кавказа во многом для них всех единого нартского эпоса. Нартоведение накопило немало трудов по эпосу, перечисляя по алфавиту: абазинцев, абхазцев, адыгейцев, балкарцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, осетин, черкесов, чеченцев. Отзвуки нартского эпоса находят и среди дагестанцев, и среди горцев Грузии. Ученые спорят, кому же изначально принадлежал нартский эпос (проблемы его генезиса и основного ядра). Несомненно, внося немалый вклад в изучение той или иной национальной версии этого эпоса, некоторые ученые его генезис возводят именно к своим национальным традициям, тем самым утверждая, что именно от них этот эпос диффузно стал распространяться среди других народов. Конечно, национальное самолюбие ученых удовлетворится бальзамом идеи – «корни этого эпоса являются нашими». И естественно, что каждый из них находит какие-то «доказательства» в утверждении этой идеи.

Нартский эпос народов Северного Кавказа, здесь у ученых нет разногласий, является весьма древним. Его корни уходят в 2-3-тысячелетнюю давность, начиная от перехода каменного века к веку бронзовому. Весьма ощутимы в нартском эпосе и древнейшие мотивы мифологии. Если заглянуть в эту даль тысячелетий, то, по всей видимости, и сегодняшние горские народы генетически были намного ближе, а значит, и мифо-эпическая их традиция была во многом едина.

Спорадически в кавказской фольклористике возникающим досужим спорам («этот эпос наш», «нет, он не ваш, а наш») положил конец великий кавказовед Е.И. Крупнов, который пришел к выводу:

«И сейчас я вновь со всей категоричностью хотел бы подчеркнуть свой главный тезис о том, что героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата. Поэтому не случайно нартский эпос возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых бытовали морфологически близкие между собой, так называемые археологические культуры: кобанская, прикубанская и колхидская. Они развились и развивались также на базе более древних родственных культур эпохи бронзы. Ныне же на этой территории проживают чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазинцы и абхазы, т.е. народы,

принадлежащие к особой, так называемой кавказской языковой семье, отличной от всех языковых систем мира. Здесь не упоминаются ираноязычные и тюркоязычные соседи, проживающие на северном склоне Центрального Кавказа. И наличие у них развитых циклов нартского эпоса служит одним из доказательств их сугубо местного, а не пришлого происхождения. Только на протяжении столетий они сменили свой язык: одни племена, как осетины, – на иранский, другие – балкарцы и карачаевцы – на тюркский язык». (43, 19-20)

Е.Крупнов этнически не принадлежал ни к одному из кавказских народов, как сторонний наблюдатель и крупнейший кавказовед, человек энциклопедических знаний, сумел подвести ясную, научно выверенную и неопровержимую базу под генетические основы кавказских народов и единого для них нартского эпоса. Попутно тут также не мешает вспомнить, что научная деятельность ученого начиналась именно в Ингушетии, и к тому же им были записаны со слов народных сказителей ингушские нартские сказания и предания.

После Великой Отечественной войны у отдельных народов Кавказа стало активно развиваться нартоведение. Появились национальные фольклористы и лингвисты. Этой возможности были лишены репрессированные народы, в том числе и ингуши. Поэтому отмечается тенденция некоторых ученых эпические достижения отдельных народов оттеснять на периферию общекавказской Нартиады. Однако здесь полностью можно согласиться с Е. Крупновым, который отмечал, что у этих народов имеется свой, причем довольно оригинальный, нартский эпос. Одним из подтверждений этому является, к примеру, публикация ингушского нартского эпоса в четвертом томе «Антологии ингушского фольклора», в который включены порядка семидесяти самобытных текстов ингушского варианта эпоса.

Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является не путь поисков разночтений и приоритетности эпоса того или другого народа, а выявление общих для всех генетических корней и возможностей взаимодействия фольклорных традиций северокавказских народов в течение многих столетий. Несомненно, что еще в далекий донартский период у кавказских народов была единая для всех мифология. Во многом она стала праматерью нартского эпоса. Выявление этих мифологических корней из разных национальных версий эпоса могло бы способствовать какой-то реконструкции кавказской прамифологии. Например, довольно свободное хождение нартов из дневного солнечного мира в мир подземный – мотив, общий для ряда местных народов.

Северокавказский нартский эпос стали записывать, а затем и изучать, начиная где-то с середины XIX века, когда «эпическое время» это-

го эпоса давно минуло, когда нартский эпос стал теснить созревший новый песенный эпос – героико-эпический. И все же нартский эпос, по традиции, продолжал служить морально-этическому и эстетическому воспитанию. К примеру, еще во время, когда жил Ч.Ахриев, во второй половине XIX века, по его словам, высшей похвалой для мужчины было сравнение его с нартом. Многие ингушские генеалогические предания связывают своих предков с нартами. В ингушском эпосе нартская организованная дружина, возглавляемая Сеска Солсой, предстает внеэтнической организацией, что и делает нартов именно общенародными героями. Они плоть от плоти свои и в то же время абстрагированы от родового строя.

Нартские герои – это рыцари без страха и упрека. Народ восхищался и подражал беззаветному героизму нартов, их благородному и высокоэтичному поведению. В давным-давно прошедшие времена, когда народы в период варварства переживали общественное устройство, свойственное «военной демократии», когда военным путем (силою) проводимое «ограбление» соседей было поощряемо общественной

моралью, нартты – типичные представители такой воинской дружины – высоко идеализировались. Но во времена новой истории, когда такие «грабежи» стали уже порицаться, отношение к нарттам также стало приобретать негативные черты. Во многих вариантах известно нартское сказание о мудрой старухе Жер-Бабе и остановившихся у нее переночевать нартах. Для этой дружины, состоящей из шестидесяти трех человек, вещая старуха готовит ужин из горсти муки и пары бараньих ребер. Нарты тайно усмеваются над столь ничтожно малой пищей. Однако, когда она была готова, ее с избытком хватило на всех. И тут удивленным нарттам старуха поведала, что она приготовила пищу из трех продуктов, которые у нее сохранились до прихода нарттов. Это настолько обидело нарттов, что один из них попытался покончить жизнь самоубийством. Такой позднейший взгляд на нарттов, как на людей ничего не производящих, но зато насильно присваивающих тяжким трудом добытое чужое, вполне уместно ставил их уже вне пределов героической идеализации. Но она, по традиции, была настолько сильна, что нартты по инерции все же оставались эталоном мужественности, гордости. Например, доведенные голодом до смертного предела нартты не столько озабочены своим спасением, сколько боязнью иметь о себе дурную славу после их кончины. Нарты решают: «Чтоб люди не видели голодом обезображенные и опухшие наши мертвые тела, умрем героически, выпив расплавленную медь!» А в одном из сказаний народ все же не хочет навсегда расстаться со своими любимыми героями и потому повествует, что нартты добровольно заточились в одной из наших горных пещер и вновь

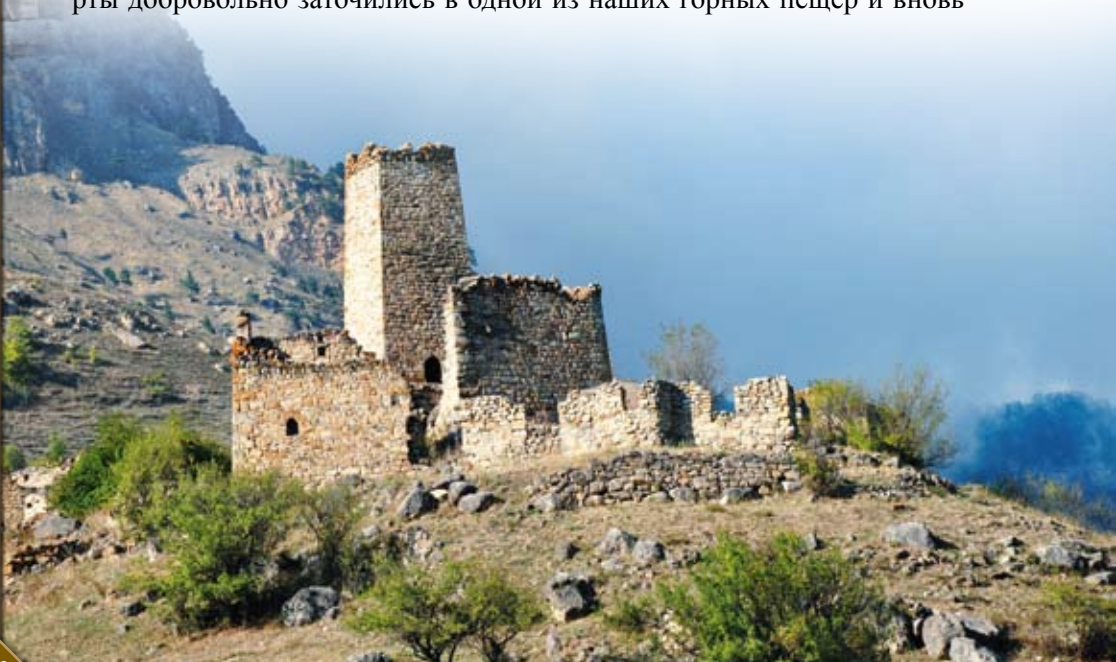
выйдут на свет божий, когда возникнет необходимость спасти народ от какой-то чрезмерной опасности.

По ингушским сказаниям, родиной ингушских нарттов в одних вариантах является Санибанское ущелье, в других – местность в Ассиновской котловине, издревле называемой «Ингушским двором» («ГалгIай коашке»).

Идеей защиты родной земли пронизано сказание «Нарты Цок и его сын Наьсар, Мехка-нана и Хи-нана». Главным из героев здесь является Наьсар. Это же имя носят протекающая в Ингушетии небольшая река Наьсар и возникший на этом месте сегодняшний крупнейший город республики – Назрань. Согласно археологическим изысканиям эта местность была облюбована человеком еще порядка сорока тысяч лет назад. В стратегическом и экономическом отношении эта территория весьма привлекательна для проживания. Вполне понятно, что один из героев ингушского нартского эпоса носит имя Наьсар. Это же имя имеется и в кабардинском, и в карачаево-балкарском эпосе. Отличительными чертами героя являются не только мужество, обычное для всех нарттов, но и большая житейская мудрость; не зря его внешним отличительным признаком является большая борода, – один из признаков уважаемых старейшин, регламентировавших и упорядочивавших жизнь общества. С нартом Наьсар связано несколько сказаний. Выше названное сказание можно признать из них наиболее примечательным. В нем глухим отзвуком дошли до нас события времен золотоордынских завоеваний. Сказание повествует, что крепкое нартское поселение Наьсар было уничтожено врагами, и никто из его жителей не уцелел, кроме нарта Наьсар, якобы названного по имени этой местности. Уцелел же герой потому, что во время этого сражения он находился вдали, в аталычестве. Вернувшись, герой обнаруживает печальную картину разорения, мчится по следам врагов, настигает и уничтожает их. Далее сказание повествует:

«Вернувшись на отцовское пепелище, нарт Наьсар сказал: «Видимо, мне не суждено проживать в отчем краю. Искупаю-ка напоследок своего коня у слияния речек Назранки и Сунжи». В том месте он и начал купать коня, вдруг, откуда ни возьмись, перед ним предстала весьма дородная женщина. Стоя поодаль, она крикнула: «Появись, Хи-нана, если ты не спишь!» Из речки по пояс выглянула красивая женщина. Ранее подошедшая женщина сказала:

– Я Мехка-нана (Мать страны), а во-он та, которая в воде, – Хи-нана (Мать вод). Твой отец Цок был дружен с нами, всегда упоминал нас в своих молитвах и советовался с нами. Просим исполнить одну нашу просьбу.

– Раз чтит вас отец, то и я вас почитаю. В меру своих сил я готов исполнить ваше желание. Каково оно?

– Мы очень огорчены, что ты собираешься покинуть отцовскую землю, – сказала Мехка-нана.

– Просим тебя, не покидай ее, – добавила Хи-нана и еще сказала: – Мы обе клянемся тебе, что вовеки веков ни один враг больше не нападет на эту землю.

Также и Миха-нана (Мать ветра) добавила:

– С сего дня край твой вовеки будет мирным.

– Не могу я вам перечить, – стал их заверять нарт Наьсар, – пусть вновь оживет отцовское селение, и я буду жить здесь». (5, 241)

Характерно отметить, что древнейшая ингушская мифология (наличие в сказании матерей-богинь) теснейшим образом увязана с речкой и местностью Наьсар. Это говорит в пользу того, что здесь носители этой мифологии обитали с древнейших времен. Да, исторически эта местность была отчуждаема от Ингушетии то монголо-татарскими, то тамерлановскими завоеваниями, но все же, оказывается, по мнению народа, местность эту охраняли богини земли и воды. По-ингушски сло-

во «мохк» означает «свой край, родная земля». Не случайно поэтому богиня Мехка-нана (Мать страны) ассоциируется с Матерью родины. Еще у ингушей в древности Родина именовалась словом «Наьначе» (от слова «нана» – мать). Известно, что в новые исторические времена Назрановское поселение возродилось в 1781 году. В народе говорится, что Назрань всегда будет благодатной и мирной землей. Эта мысль четко звучит и в устах матерей-богинь этого сказания.

Огромен и силен ингушский нартский мир. Деятельность его героев простирается от самых вершин поднебесья до самых глубин подземного мира. Героями сказаний, помимо Сеска Солсы и Наьсара, выступают такие прославленные нарты, как Сятал, Бятар, Киндий Шоа, Урузман, Орзмк, Оршам, Цок, Мокрыз, Тох, Козаш, Курка и другие. Совершают они чудеса храбрости в борьбе с великанами-вампаками, драконом Сарталом, злой Гам, длиннобородым Накий лоха Боштолг, с непоборимыми карликами Бийдолг-бьаре, Пхагал-бьаре, с чудовищным вепрем, с большоголовым Неге. Особняком среди нартов стоит герой Боткий Ширткья. Он не нарт, но жить без него нарты не могут, хотя в то же время они при случае вредят ему. Однако Боткий Ширткья почти неизвестно такое земное чувство, как месть. А все, видимо, потому, что этот герой «не от мира сего» – чуть что, он тут же пропадает, часто уходя в подземный мир мертвых. У него даже имеется своя специальная медная колясочка, на которой он разъезжает из мира солнечного в мир мрака и холода, а затем совершает обратный путь. Это он спасет от великанши-людоедки нартов, причинивших ему немало вреда. Он же из подземного мира достает людям (нартам) водяную мельницу, он же помогает Села Сате и учит ее варить пиво.

Поскольку в древности связь между миром живых и миром мертвых мыслилась своеобразно, то необходим был герой, который выступал бы связующим звеном между этими двумя героями. Им и стал Боткий Ширткья. Он абсолютно лишен воинственных черт и потому как бы презираем нартами, но зато он умен и рассудителен. Благодаря этим чертам он возвышается над нартами. Видимо, образом Боткий Ширткья народ хотел урезонить слишком воинственный пыл нартов, а заодно вновь подчеркнуть житейскую народную мудрость, гласящую, что силою можно одолеть одного-двоих, а умом – десятых.

Нартский эпос – эпос воинский, а потому и мужской. Однако в ингушском эпосе немалая роль отводится и женским образам. Особенно примечательны героини Села Сата и Маьлха Аза. О небесной природе Села Саты уже говорилось. Но ее образ дополняется и ее хождением в подземный мир. Проникнув в него с помощью Боткий Ширткья, она облагодетельствовала живых людей тем, что обманом вынес-

Зелимхан Эсмурзиев. Праздник

ла из него так необходимые людям семена злаков (пшеницы, ячменя, проса, кукурузы) и предметы женского рукоделия: наперсток, иглу и ножницы. В сказании «Сноровистая Села Сата» сообщается: «С тех пор жизнь нартов облегчилась, потому что появились урожаи злаков; к тому же с помощью наперстка, иглы и ножниц Села Сата стала шить им красивую и прочную одежду. Принарядились и повеселели нарты». (5, 130)

Как и Сата (дочь бога Селы), Маълха Аза имеет божественное происхождение – она приходится дочерью Солнцу. Образ Села Саты бо-

лее приземленный – она живет и действует среди нартов. Маълха Аза же больше связана с Солнцем, всецело находится в его воле. Обоих богинь-героинь прежде высоко чтили женщины. Выходящие замуж невесты считали их своими покровительницами. Высшей похвалой для женщин было сравнение их по красоте или по домовитости с этими эпико-мифическими женщинами. Но разве могут женщины, даже богини, иногда удержаться от спора? Примером служит сказание «Спор между Села Сатой и Маълха Азой»:

«Бог Хало владел небом. В его дружине находилось шестьдесят три воина. Наступил срок жениться. Он находился в сомнении, не зная, на ком жениться, потому что в мире были две прославленные – Села Сата и Маълха Аза. Кого из них выбрать, он никак не мог решить.

Его шестьдесят три нарта столь долго ходили в походы по бескрайнему небу, что одежда их основательно пообносилась. Необходимо было одеть воинов во все новое. И тут Хало сказал тем прославленным двум девушкам:

– Я женюсь на той из вас, которая в одну ночь сошьет для моих шестидесяти трех нартвов одежду, которая каждому из них была бы впору.

Ночью, когда нет солнца, Маълха Аза не имела права никуда выходить и должна была спать, поскольку ее жизнь была связана с солнцем. Но этот запрет не касался Села Саты, поэтому она в полночь вошла в палаты, в которых спали те шестьдесят три нарта, и в одно мгновение на глаз сняла с каждого из них мерку.

Утром сели и к вечеру закончили шить Села Сата и Маълха Аза. Сшитые одежды отдали тем шестидесяти трем всадникам. Маълха Аза, отдавая сшитую ею одежду, сказала: «Пусть каждый наденет то, что ему впору». Села Сата же каждому всаднику отдала именно для него сшитую одежду.

Сшитое Маълха Азой кому-то оказалось впору, а кому-то великовато, а другим маловато. А вот сшитое Селой Сатой каждому нарту оказалось как раз по нему. Села Сата победила в этом деле. Хало женился на ней, а не на Маълха Азе.

Но вот если бы Маълха Аза имела право ходить по миру и в ночное время и если бы она, хотя бы краем глаза, сумела глянуть на тех нартвов, вот тогда только и можно было бы точно узнать, которая из двух девушек более искусна». (5, 131-132)

Великие богини, и они же нартские героини, предстают тут в роли необычайно искусных мастериц – чем не идеал для подражания? Эпос через образы нартвов превозносит идею героизма, мужественности, жертвенности, милосердия и другие положительные качества, которые народ желал бы видеть в мужчинах. Женские же идеалы хорошей жены и матери, искусницы нашли свое воплощение в образах нартских героинь.

Еще немало в ингушском нартском эпосе таится загадочного и непознанного, чем местной фольклористике еще предстоит заняться. Но на сегодняшней ступени изученности этот эпос уже доказал свою равноправную с эпосами других северокавказских народов значимость во всей системе общекавказской Нартиады. Одновременно, несомненно, стало ясно, что ингушский нартский эпос во многом оригинален; во многом это касается его мифологических довольно ярко представленных корней, наличие которых указывает на его почтенную древность.

Героико-эпические песни

В позднейший исторический период первыми из вайнахских племен на освоение равнинных земель (где-то в XV–XVI веках) двинулись выходцы из вайнахского общества аккинцев. Поскольку на эти земли свою власть простирали с разных сторон адыгские и кумыкские феодалы, выселившимся аккинцам приходилось искать свое «жизненное пространство». Переселяясь с места на место, они, наконец, осели на месте нынешнего проживания в междуречье Аксай – Акташ, где создали независимое владение – общество, в XVI–XVII веках входившее в состав кумыкского Эндирейского княжества, а к началу XIX века вошедшее в состав Чечни. В те далекие времена они не могли считать себя ни ингушами и ни чеченцами, а просто называли себя аккинцами – «аьккхий». У выселявшихся с гор вайнахских обществ – от Дарьяла до Аксая – образовалось в фольклоре (возможно, с XVI века) так называемое «эпическое время», когда в жизни народа наступает героический период, время отстаивания своей независимости и массового выхода на равнину – «гарманаре» (видимое пространство).

Результатом такого эпического времени становится эпос, главной духовной задачей которого являлось утверждение героизма, высоких моральных и этических качеств личности. У ингушей стали развиваться песни героико-эпического характера, которые, если и не сменили,

то потеснили нартский эпос. Тем более что нартские герои во многом были представителями давно ушедших времен, герои же «илли» были современными, более идеальными и прогрессивными. Естественно, что в народной эпической традиции они стали выходить на первый план.

На рубеже XIX–XX веков нартский эпос рудиментарно еще продолжал существовать среди ингушей, но все больше в форме воспоминаний. Зато в активной, хотя и не в такой, как веком ранее, форме, бытовал песенный эпос – илли. Одновременно стал намечаться и процесс его затухания.

Записи как нартских сказаний, так и героико-эпических песен «илли», произведенные в XIX и особенно в XX веках, позволили в письменной форме сохранить старые эпические традиции, которые в устной форме уже прекращали свое существование.

Лирические песни

Было своеобразное разделение исполнителей: героико-эпические песни исполняли мужчины, а лирические песни – девушки. Последние песни так и называли – «девичьи песни» («мехкарий илlesh»). Исполнялись они и в узком девичьем кругу, и на вечеринках и свадьбах. Понятно, что и репертуар песен зависел от места исполнения, от присутствующих слушателей. В своем кругу девушки могли петь и озорные, не предназначенные для широкой публики песни. В них они высмеивали многоженцев, ленивых и трусливых юношей. Были песни и фривольного содержания. На людях репертуар лирических песен был иного характера: девушки пели величальные песни, песни-призывы на защиту страны, о доблестных юношах и достойных девушках.

Большое место в девичьих песнях занимали любовные мотивы. В этих песнях основными были два мотива: излияние девушкой своей любви к кому-то из юношей; песни-жалобы о неразделенной любви. Довольно популярными были песни-укоры в адрес отца, матери, брата, препятствующих девушке выйти замуж за любимого. Причем не всегда такие песни имели под собою почву – просто иногда девушкам хотелось потосковать, излить свою душу.

На рубеже прошедших двух веков появились печальные песни о синей Сибири, о тяжелой доле каторжанина. Например, песня «Эреста» (от русского слова «арестант») пелась девушками в форме песни-жалобы каторжанина на свою тяжелую долю. Он сетует, что на его голову, которую украшала дорогая папаха, надета шапка с «потолком» (фуражка); что вместо дорогой черкески на тело ему накинута грубое сукно солдатской шинели; на ногах у него вместо красивых сапожек

звонят железные кандалы; что вместо плетки, которой он погонял коня, у него в руках лом и лопата... Обычно такие песни девушки заканчивали проклятиями в адрес синей Сибири, где лисицы визжат от холода. Но такие печальные песни-жалобы обреченного героя сменялись боевыми призывными песнями в адрес смелых мужчин, готовых защитить родное село, женщин, стариков и детей. К примеру, пелось:

«Когда будут рваться снаряды,
Когда пулями будет лить
Свинцовый дождь,
Когда все опалится огнем и дымом,
Когда в замешательстве
Невестки начнут называть
Мужнюю родню по именам,
Когда трусы начнут
Прятаться под женские подола,
Тогда-то и станут известными
Настоящие мужчины!»

Иногда на вечеринках девушки пели и песни, абстрактно славящие достойных юношей и девушек. В таких песнях прославлялись лучшие народные идеалы.

Героико-эпические песни исполнялись в сопровождении горской скрипки («адпондар») или струнного инструмента типа балалайки. Девушки лирические песни сопровождали игрой на гармошке. Обычно эти песни исполнялись сольно, но имело место и хоровое их исполнение, с солисткой и сопровождающим ее хором.

Были известны в народе и песни-дразнилки. Например, в полном соответствии с мотивом героико-эпических песен, внешне строгих и величавых, в песне высмеивались никчемные мужчины. Диссонанс возвышенной формы исполнения и негативного содержания был довольно впечатляющим.

Иногда в народе звучали и пародийные песни. Так, совсем в духе песен-плачей мать-лягушка изливала печальную песней по своему лягушонку, раздавленному быком.

Отметим в заключение, что малоразработанной темой остается распространение «назма» – религиозных песнопений, получивших развитие с утверждением в Ингушетии суфийского ордена Кадирия (шейх Кунта-Хаджи) во второй половине XIX века. Здесь непочатый край работы.

Легенды

Религиозное развитие человечества шло от политеизма (языческого многобожия) к монотеизму (единобожию). Мифы стали уходить в прошлое, а их место занимали легенды. Содержание легенд прямо или косвенно было связано с господствующей религией.

С укоренением ислама в ингушской среде зародился новый фольклорный жанр легенд, основа которых сложилась из переплетения местных доисламских фольклорных традиций с постулатами традиций нового вероучения. Так, чудесным образом в сознании горца второй половины XIX века переплетались старые и нарождающиеся религиозные традиции. Большое место в ингушских легендах занимают библейские мотивы, ведь Библия лежит в основе трех мировых религий (иудаизма, христианства и ислама). Даже Коран утверждает: «Чтите людей книги» (т.е. Библии). Все библейские пророки и ангелы чтятся в исламе, и они же стали героями ингушских легенд. Их имена: Ибрахим (Авраам), Мусса (Моисей), Юсуп (Иосиф), Дауд (Давид), Сулейм (Соломон), Йоакъаб (Яков), Аюб (Иова), Нух (Ной), Джабраил (Гавриил), Микаил (Михаил), Исраил (Азраил). Христианские: Иса (Иисус), Яхъя (Иоанн-креститель), Марем (Мария)... В местном фольклоре сохранились и характеристики этих персонажей: Ибрахим (ввел единобожие, друг Всевышнего, праотец народов, го-

тов жертвовать своим сыном), Мусса (насылает на Египет разные кары и спасает людей), Дауд (постигает науки), Соломон (мудр, знает язык всех живых существ), Джабраил (ангел, осуществляющий связь Всевышнего с пророками) и т.д. Эти и другие библейские сюжеты в местной среде значительно адаптированы к местным фольклорным традициям. То же самое относится и к легендам, имеющим уже чисто исламские истоки: повествованию о праведной жизни последнего из пророков Мухаммеда, его жены Хадишат, их дочери Петимат (Фатима), двоюродного брата Мухаммеда и одновременно его зятя Али и других.

Приведенный довольно объемный перечень божественных личностей вполне может навеять подозрение, что в этих легендах имеется чисто религиозное содержание. Однако это не так. Все эти имена, по большей части, предстают выразителями идеалов земледельцев и скотоводов.

Сегодня в Российской Федерации, нашей общей Родине, очень большое внимание уделяется вопросам развития толерантности и конфессионального мира. А народ такие проблемы решает просто и по-своему. Он создает всем понятную и убедительную легенду, к примеру, такую, как «И к иноверцу надо быть милостивым»:

«Пророк Ибрахим шел дальнею дорогою. Он устал и сел под деревом отдохнуть, достал свои припасы и начал обедать. В это время по дороге шел изголодавшийся язычник. Увидел он обедающего Ибрахи-ма и попросил у него еды, сославшись на то, что третий день, как он ничего не ел, и вот-вот может свалиться и умереть на дороге.

– Я праведный человек и не могу ублажать неверных. Перейди в мою веру, и я спасу тебя от голодной смерти, – ответил Ибрахим.

– Да лучше я погибну мученической смертью, чем приму веру человека, не имеющего сострадания к людям! – воскликнул язычник и поплелся своей дорогой.

С неба на землю упал свет и появился ангел Джабраил. Он сказал с укоризною:

– Меня послал к тебе Всевышний. Он недоволен тобой и говорит: «Ибрахим, я сорок лет давал пропитание этому человеку, хотя он не поклонялся мне, ты же отказался один раз накормить его и тем самым спасти от голодной смерти».

Ангел исчез. Ибрахим бросился вдогонку и вернул нищего, усадил и накормил его. Насытился нищий и спросил:

– Почему ты сначала отказал мне, а потом передумал?

Ибрахим поведал ему о своем разговоре с ангелом Джабраилом. Язычник был поражен и решил:

– Раз твой бог столь милосерден к людям, даже если они не поклоняются ему, я принимаю твою веру!

Тут же Ибрахим принял его в лоно ислама». (5, 336)

«Не обдели, Всевышний, пищей и мусульманина, и христианина, и всех живущих на земле существ» («Дала ма эшайойла хьо бусулбана а, керастана а, яа мел кхеллачунна а»), «Да не ниспошлет Всевышний такое горе ни мусульманину, ни христианину, никому на свете» («Дала т1а ма далда хьо бусулбана а керастана а, цхьккха сага а»).

В народе бытует немало легенд, повествующих о таких исламских сподвижниках, как легендарный Абу-Муслим и почитаемые религиозные деятели второй половины XIX века Кунта-Хаджи, Батал-Хаджи Белхороев, Дени Арсанов.

Народ окружает их святостью, преклоняется перед их проповеднической деятельностью. Имеются легенды, навеянные местными или библейскими и мусульманскими мотивами о происхождении земли, человека (Адама и Хавы – Евы), о рае и аде, о конце света. Вопросы жизни и смерти всегда волновали человека, в связи с этим хочется привести небольшую легенду «Ответ могилы»:

«Когда умерла дочь пророка Петимат, да приветствует ее бог, ее понесли на кладбище хоронить. Ангел Джабраил обратился к могиле и сказал:

– Ты принимаешь в себя дочь пророка, жену богатыря Али, мать праведных Хасана и Хусейна, поэтому будь к ней милостивой.

Могилка ответила:

– Здесь не место говорить о пророке, не место говорить об Али и не место говорить о праведных Хасане и Хусейне. Здесь каждый отвечает только за себя, и никто за него не ответчик». (5, 290)

В легенде перед нами в прозрачном виде предстает философское размышление о бренности жизни и ее безысходности: перед смертью все равны.

В доисламский период в низшей мифологии имелись у ингушей такие персонажи, как зловерные духи («ц1е-ц1ала»), более или менее (смотря как человек себя ведет) добрые духи «тарамы» – невидимые двойники человека. С принятием ислама тарамы исчезли из местного фольклора, а «ц1е-ц1ала» просто поменяли свое имя на хорошо известного шайтана. Предком шайтанов, по местным легендам, является Иблис – ангел, некогда весьма приближенный к Всевышнему, но изгнанный из небесных чертогов им за то, что этот ангел, не в пример другим, отказался поклониться самому лучшему божьему творению – человеку Адаму. С тех пор Иблис и его шайтаны ненавидят людей и всячески стремятся им навредить. По местной демонологии, шайтан обычно проигрывает человеку, но иногда шайтаны выступают довольно вредными существами, способными на любые проделки. (5, 426-450)

Довольно часто проделки ингушских шайтанов во многом идентичны проделкам чертей у других народов. Тут налицо их фольклорное взаимовлияние.

Предания

Самобытным жанром предстают ингушские предания – «шира дув-цараш» (древние повествования). Во-первых, это самые настоящие фольклорные произведения, и тем не менее они претендуют на историзм повествования, на подлинность излагаемого в них. Однако анализ преданий, как отмечено в фольклористике, показывает, что историзм преданий во многом фольклоризированный, нередко надуманный. Но вместе с тем в преданиях находят свое место и подлинные события, и действительно некогда проживавшие личности. Затрагивая вопрос историчности преданий, необходимо руководствоваться тем, что в этом вопросе к каждому преданию необходимо подходить индивидуально. Это необходимо делать потому, что есть предания, содержащие в себе какое-то историческое ядро; есть предания, в которых какое-то истори-

ческое событие (или лицо) нашло лишь опосредованное выражение, а есть предания, которые, хотя, как и все другие, претендуют на историческую подлинность, но, по сути, оказываются произведениями абсолютно не историчными, надуманными.

Последующие поколения всегда интересуют вопросы: кто мои предки, чем они знамениты, как раньше люди жили и т.д. Поскольку не было никаких хроник и летописей, все подобные сведения передавались устно. При внимательном изучении даже летописи иногда за подлинное событие выдают общеизвестный какой-то фольклорный сюжет (например, об основании Киева, о подвигах княгини Ольги...), или же умышленно, в угоду какому-то князю, допускают неточности. Что-де в таком случае говорить о произведениях, которые передаются лишь устным путем? Даже изначально правдивое повествование, переходя из уст в уста многих сказителей, в итоге подвергается значительным изменениям; ведь каждый из передающих предание что-то ему неуютное может опускать и вместе с тем добавлять то, что, на его взгляд, могло иметь место. В итоге произведение подвергается значительной адаптации и фольклоризируется.

Все вышесказанное необходимо иметь в виду при анализе ингушских преданий. Как бы ни рассуждали об их исторической основе, для нас непреложным остается тот факт, что мы имеем дело с фольклорными произведениями, а значит, и с одной из отраслей ингушской культуры.

В местных преданиях можно выделить такие тематические комплексы: этногенетические предания, предания об истории рода и его примечательных личностях (чаще – родоначальниках), о дружеских взаимоотношениях и враждебных столкновениях между соседними народами и между родами, действительных исторических событиях и связанных с ними персонажах; предания, связанные с топонимами и гидронимами; о строителях башен, мудрых судьях, охотниках, известных абреках и т.д.

Вопросы происхождения народа и его далеких исторических судеб весьма сложны даже для профессиональных историков, и совершенно невозможно ожидать на них ответы в этногенетических преданиях. Тут любопытство народа в этих вопросах удовлетворяется кем-то и когда-то «выдуманными» произведениями. Так, одно из них гласит, что некогда жили-были три брата Галга, Гурже и Гябарте; от них, соответственно, произошли галгаи (ингуши), грузины и кабардинцы. Появление подобного предания можно объяснить, во-первых, тем, что соседями ингушей еще в позднем Средневековье были с юга грузины, а с севера и запада – кабардинцы, также можно объяснить, во-вторых, тем, что начальные звуки (г, гI) имен этих трех мифических братьев несколько сходны по

звучанию. То, что некогда ингуши в этом предании своими братьями, пусть надуманными, обозначили эти два народа, говорит о исторически имевшихся тесных и дружеских контактах указанных народов. Вот этот факт и можно признать исторической основой народного произведения.

С принятием ислама в местной среде стали распространяться предания, возводящие общенародного этноарха к арабам. Здесь наглядно видно проявление религиозной идеологии, а она тем самым стремилась в сознании народа утвердить мысль о якобы извечной исламской приверженности. Конечно же, такие предания никакой исторической основы не имеют. Нужно ли было внедрять в народ подобные предания? Вряд ли. Ведь ингуши сами, добровольно и без всякого принуждения приняли ислам.

Известно, что многие русские княжеские роды, нередко надуманно, выводили своих родоначальников то от скандинавов, то от других исторически прославившихся народов, тем самым эти роды стремились как-то возвысить себя над другими. Нечто подобное наблюдалось и у ингушей.

По Ч.Ахриеву, пришельцами издалека предстают Кист и Джерахмет. (7, 127-128) По происхождению якобы первый был сирийцем (арабом), а второй персиянином. Ч.Ахриев считает Киста предком родов аула Эрзи и Гвилети, а Джерахмета основателем Джейрахского общества. Вряд ли эти предания историчны. Ведь имя Кист, к примеру, идет от грузинского этнонима «кистинцы», ингушам совершенно не известного.

Про Джейрахское же общество, находящееся южнее реки Арамхи, известно, что там, в самом Джейрахе, проживали Цуровы, в близлежащем к нему Пхимате жили Льяновы и Боровы, а в Эми жили Хаматхановы. К джераховцам относятся и Ахриевы, живущие севернее реки Арамхи. Предание рассказывает:

«Некогда владельцами местности Пхимат и Фуртоуг были три знатных брата: Лян, Бор, Оахр. После смерти отца они решили узнать с помощью жеребьевки, кому достанется Фуртоуг. По первому жребию он достался Ляну, но Оахр, который страстно желал там поселиться, оспорил этот жребий. Тогда бросили его во второй раз. Тут он выпал на Бора. И снова Оахр стал доказывать, что жеребьевка была произведена неправильно. Тогда братья Лян и Бор решили: «Раз наш младший брат так крепко желает поселиться в Фуртоуге, отдадим его ему».

В этом предании вполне можно видеть историческую основу, как в каком-то отдаленном родстве этих родов, так и в том, что деление отцовского наследства могло происходить с помощью жеребьевки.

Немалый интерес представляют предания типа «Гий, Сиккам, Чинаха». Предание это имеет множество вариантов и во многом, пожалуй, отражает исторические события. По другим вариантам братьев было четверо, и звали их Гий, Циккам, Чинаха и Чоапилг. В кратком изложении предание повествует, что все эти братья были сыновьями полугероя-полуволшебника Маго, якобы пришедшего с востока. Но перейдем к братьям. Оказывается, старший из них, Гий, был человеком гигантского роста и имел неумеренный аппетит — за раз съедал целого быка, потом заваливался спать на неделю. Хозяйство братьев никак не могло наладиться, и тогда они решили избавиться от прожорливого Гия. Когда после обильного ужина он завалился спать мертвецким сном, братья накрепко его связали, увезли в Грузию и там продали его. Проснувшегося Гия не могли удержать никакие цепи и ремни. Побегал он к дому. На бегу с одной из дальних гор он крикнул братьям: «Вы у меня получите по заслугам!» Тут Чинаха убежал в Чечню, а Чоапиг в Грузию, Циккам (Сиккам) остался на месте. Далее в предании приводится ранее нигде не зафиксированный один из древних ингушских обычаев:

«Скрутил Гий Сиккама и приготовился убить его. В те времена был обычай: если любая женщина падала на колени и обнимала за ноги мужчину, то он обязан был исполнить любую ее просьбу. Жена Сиккама как раз шла мимо с глиняным кувшином на голове. Увидев, что Гий готовится убить ее мужа, она кинулась ему в ноги. Кувшин сдвинулся и угодил своей кромкой в висок женщины. Она тут же скончалась. Гий пожалел эту женщину и ради нее оставил Сиккама в живых, но приказал, чтобы жить он обосновался подальше от него!» (18, 340-341)

Река Асса в каньоне

В прошлом самым центральным и ведущим в горной Ингушетии было общество Галгайче. Центр этого общества составляли башенные крепости Эгикал, Хамхи и Таргим, которые в народе объединенно называли «Кхаькхале» (Три поселения). К ним примыкали также башенные аулы: Барах, Евли, Пуй, Кхарт, Дошлакле, Бархан, Хайхар и другие. Сохранились предания, как знаменитые три брата, по старшинству именуемые Эга, Хамхи и Таргим, поделили эту местность и первыми обосновались жить там. Многие десятки ингушских фамилий свою родословную возводят к ним.

О том, что общество Галгайче было знаменито в местной среде и выступало своеобразным гегемоном всего народа, красноречиво говорит хотя бы и тот факт, что именно галгаевцы возглавили процесс переселения на плоскость. Факт этот убедительно доказывает очередной договор равнинных ингушей о верности России, заключенный в 1810 году в Назрани. Под ним стоит 60 подписей ингушей, являющихся выходцами именно из Галгаевского общества.

Немало имеется ингушских преданий о знаменитых личностях прошлого, возможно, реально существовавших, таких, как Эбан, Акберг, Мед, Инарки, Сулда-Венаг, Дудар, Замой-Уциг, Мержой Казилг, Шутар, Ча, Чербаж, Мехка, Аьстби, Хьадажкьа, Довтий Хучбар, АгIачий Ярач, Хоаной Хинг, Падакха Дзейт, Чепай Парш. Предания сохранили лишь их имена и некоторые заслуги. Трудно в этих преданиях разобраться, где кончается история и начинается фольклор. Но несомненно одно: народ наделил этих героев лучшими идеальными чертами, и молодежь

училась на этих образах постигать лучшие качества, присущие людям той поры, ибо эти народные герои помимо мужества и отваги обладали и высокими морально-этическими качествами, выработавшимися в народе.

В сказаниях ингушей не могло не отразиться их замечательное искусство возведения башен, храмов, склепов. Среди множества преданий, посвященных этой теме, довольно примечательным предстает предание «Ханой Хинг».

«Хано был очень умелый строитель боевых и жилых башен. У него был сын Хинг. Он у своего отца научился мастерству строителя. Строили они как-то одну башню. Когда отец стал укладывать очередной камень, сын сказал:

– Этот камень надо бы положить не так, а эдак. – И он показал отцу, как это надо сделать.

– Ты уже начал учить меня, – сказал отец. – Ты, что же, стал таким искусным мастером?

И тут отец и сын заспорили, кто из них искуснее.

– Хорошо, – сказал отец, – в ауле Ляжги просят воздвигнуть боевую башню. Все, что нужно для этого, они уже подготовили и дают плату в шестьдесят коров. Иди и построй им башню. А я здесь, в Хяни, воздвигну еще одну боевую башню. Закончим эти башни и посмотрим, кто из нас искуснее.

Пошел Хинг в аул Ляжги. Решил он построить башню лучше всех, что видел до сих пор. Хинг сначала замешивал известь, у реки у него была мельница, которая перемывала камень в песок. В известь он добавлял молоко, иногда яйца и пр. Приготовив раствор, он брал его на деревянную лопату, переворачивал ее и носил взад и вперед. Если раствор не падал с лопаты, он считался хорошим. Одни из подручных Хинга тесали камни, другие подвозили их к месту стройки. Он построил боевую башню с двумя сводами.

Когда Хинг ставил завершающий шпилевой камень, его отец Хано, закончив строить свою башню, пришел в Ляжги, чтобы посмотреть на работу сына. Осмотрел он башню и снаружи, и изнутри, проверил раствор и крикнул сыну:

– Ты победил меня, и нет мастера лучше тебя». (18, 350-351)

Ханой Хинг был почитаем в народе как любимец верховного бога Дялы: он опускает на землю золотую цепь и приглашает Ханой Хинга на свой престол («Iаьрши»). Также Хинг славился и как необычайно сильный и ловкий человек. Башня в ауле Ляжги, строителем которой предание называет Хинга, действительно выделяется своим видом и прочностью среди других подобных башен. Из приведенного предания

мы узнаем, что строительное искусство было наследственным, что кладка камней, имеющих неправильные формы, была делом непростым. Сохранилось устойчивое выражение «Кхер кхера бага отташ хила беза», то есть: «Выступы одного камня должны ложиться в выемки другого камня». Как явствует предание, большое внимание строители уделяли приготовлению раствора для каменной кладки, Хингу приписывается строительство башни в ауле Морч. По легенде, он ее построил настолько прочной, что, если бы ее положили и покатали бы под гору, она бы не разрушилась.

У ингушей каменное зодчество достигло большого совершенства. Местные архитектурные памятники и сегодня поражают своим величием. В памяти народа до сих пор остались имена прославленных строителей. А у целого рода Бархановых, например, строительное мастерство считалось их профессией. В горной Ингушетии имеются такие башенные сооружения, как Вовнушки, Девичья башня, построенные, на первый взгляд, в совершенно недоступных местах. Строительные предания также не избежали здорового народного юмора. Например, в Оздоевском обществе на труднодоступном месте недалеко друг от друга строят две башни, которые называются «Шин энгаро яь Глалаш» – «Башни, построенные двумя женами». О них рассказывают:

«У мужчины было две жены. Как-то он им сказал: «С одной из вас я решил расстаться. Постройте по башне. Та, которая построит башню лучше, останется, а другая уйдет». С большим усердием взялись женщины за строительство. Одна из них делала раствор на кислом молоке, как и положено. Вторая же, решив во что бы то ни стало превзойти соперницу, стала замешивать раствор на цельном молоке. Однако она ошиблась – ее башня была признана хуже той, которую строили на кислом молоке».

Понятно, что это предание совершенно не имеет под собою никакой исторической основы. Скорее, тут виден бытовой юмористический анекдот. Обычно такие предания увязываются с давно заброшенными и забытыми башнями. Нередко в прошлом эпидемии холеры, чумы, оспы выкашивали целые роды, а оставшиеся от них обезлюдевшие башни обрастали разного рода юмористическими рассказами или легендами, например, любовная легенда о «Девичьей башне». Интересное любовного характера предание, связанное с древним мавзолеем – «Боргакаш», более ста лет назад было записано Б. Далгатом. В сокращенном изложении оно повествует:

«Бексултан Борочан жил в том месте, где теперь находится село Яндырское. Он был влюблен в княжну, да и княжна была равнодушна к нему... Княжна часто выходила на курган («ЙиИий-боарз») и смотрела на Бексултана, а Бексултан на нее, и так они любовались друг другом...

Однажды с той стороны, где жили уздени, вышла шайка разбойников и направилась к Бексултану с целью угнать его скот и лошадей.

Кроме одного разбойника вся шайка была истреблена. Бексултан погнался за ним.

Этот последний сказал ему:

– Не гонись за мной! Если получишь рану от пули моего ружья, ты непременно умрешь, потому что ружье мое из ружей «Пяш-ляча».

Но Бексултан сказал:

– Пока не перебею всех, не вернусь домой!

Он не переставал преследовать его. Тогда разбойник выстрелил из ружья и убил Бексултана. Княжна же на том самом месте (около села Яндырского) выстроила существующий и поныне мавзолей «Борга-каш». Когда часовня была готова и тело Бексултана перенесено в нее, княжна поставила рукоять кинжала на грудь Бексултана, а сама налегла на острый конец и таким образом покончила с собой. Тело ее было положено рядом с телом Бексултана». (18, 437-438)

Перед нами очередной пример того, как народный фольклорный вымысел выдается за якобы исторически доподлинно имевшее место событие. Сюжет этого предания существует у многих народов мира, например: «Лейла и Межнун» (арабский, персидский), «Абессалом и Этери» (грузинский), «Шахсенем и Гариб» (азербайджанский), «Тахир и Зухра» (узбекский), «Козы Корпеш и Боян-слу» (казахский) и т.д. На этот сюжет баббиейцем И.Цискаровым было написано произведение «Лозы любви (кистинское предание)». И, наконец, тут можно вспомнить и средневековый роман «Тристан и Изольда», и трагедию В. Шекспира «Ромео и Джульетта». Такие сюжеты встречаются у многих народов мира, считаются интернациональными, а фольклористы называют их просто «бродячими сюжетами». Такие международные сюжеты, полюбившиеся многим народам, обычно повествуют об общечеловеческих ценностях (идеях, образах, нравственных принципах...), близких и понятных человеку любой национальности, расы, религии. В данном случае мы имеем дело с сюжетом, повествующим о любви, которая оказывается сильнее смерти.

Наличие подобного сюжета (да и многих других, например, сказочных) и у ингушей является одним из свидетельств того, что они издревле находились в довольно тесном культурном международном содружестве.

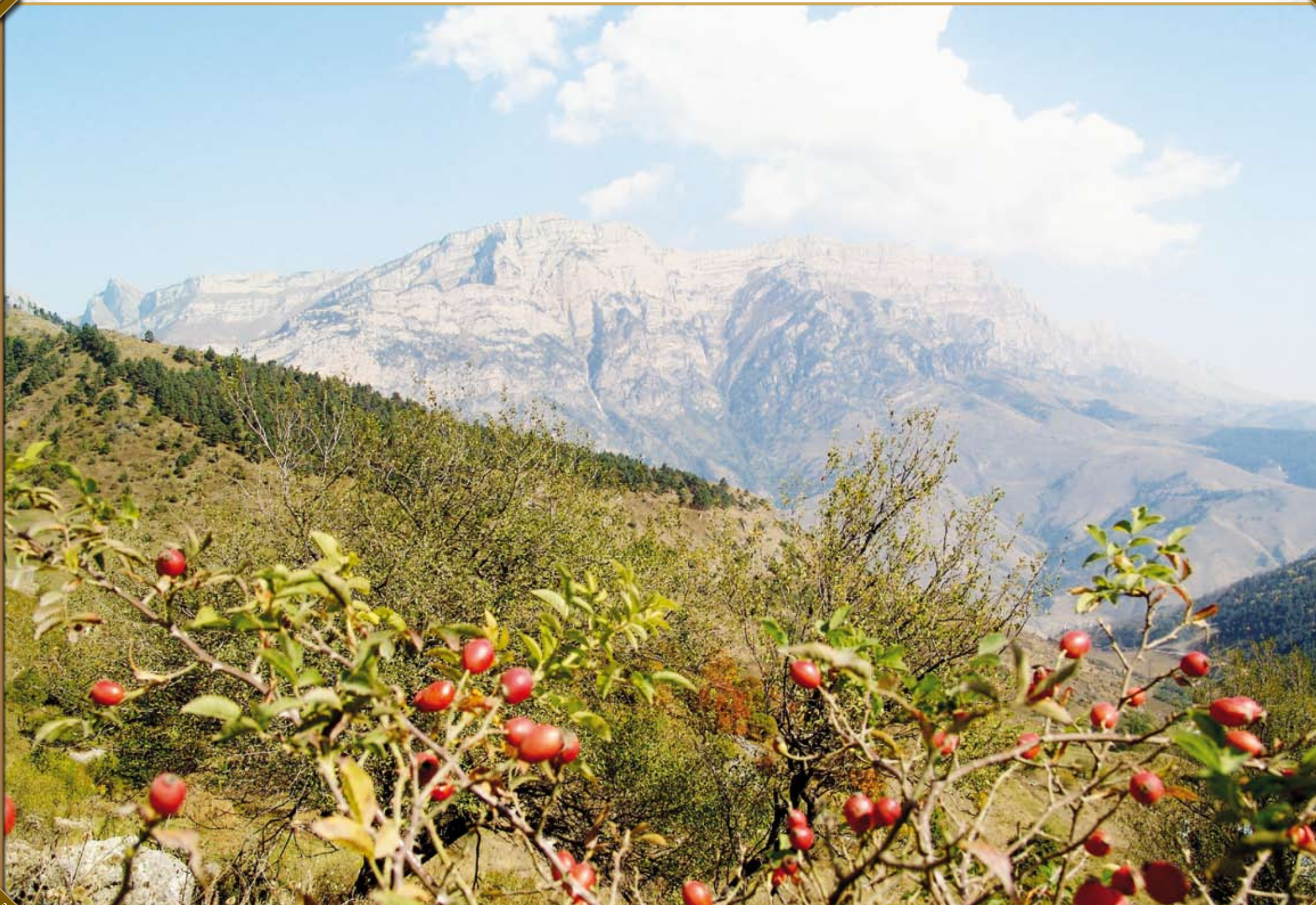
Своеобразный раздел в преданиях занимают народные тексты, связанные с разными топонимами и гидронимами. Так, одним из характерных, к примеру, можно признать текст «Байни-Кашете». Это названия двух небольших горных аулов, находящихся по соседству, высоко в го-

рах с южной стороны горы Магтлоам (Столовая гора). В кратком пересказе это предание повествует о следующем.

Жители аула Йоархаче были воинственными и притесняли окрест живущих людей. Как-то они обидели девушку из недалеке лежащего аула Фалхан. Трое братьев из него Дзарах, Марзбик и Шовхал не намерены были далее терпеть этих насильников. Но в открытом бою их одолеть было невозможно, и тогда братья пустились на хитрость. Выдумав какую-то причину, братья пригласили на пир тех обидчиков. Им в питье подмешали дурман, отчего они впали в беспамятство. Братья уничтожили их всех и восстановили свою честь. Заканчивается предание словами: «Аул, который основали братья на месте аула Йоархаче, стал называться Байни, потому что там погибло много людей. Место, где они были захоронены, назвали Кашете». (18, 364)

В народе это предание сложилось на основе так называемой «народной этимологии», когда исключительно на одном созвучии разных слов пытаются связать их по смыслу и из этого делать какие-то выводы, совершенно к науке не относящиеся. Простительно, когда подобным этимологизированием занимаются простые труженики – творцы фольклора. Название аула Байни созвучно со словом «байна» – погибшие, а название Кашете совершенно прозрачно и без всякого этимологизирования означает «кладбищенское». На самом деле название «Байни» идет от слова «бай» – луг, подтверждением этому служит то, что вокруг аула Байни имеется много покосных мест.

Разные исторические личности, некогда соприкасавшиеся с ингушами, также нашли свое определенное место в преданиях. Царица Тамара в них предстает храброй воительницей, защитницей Грузии. Так, по преданию, персидскому царю, домогавшемуся ее родины и ее самой себе в жены, она гордо ответила, что на этого царя и все его войско она не променяла бы одного своего рядового воина. Имеется предание, которое в духе стихов М. Лермонтова трактует якобы о любви царицы. Не у горцев ли знаменитый поэт заимствовал этот сюжет? Не исключено: ведь сам поэт в поэме «Мцыри» говорит, что ему легенду об этом герое рассказал «старик-чеченец, хребтов Казбека бедный уроженец». Проезжая по Военно-Грузинской дороге, Пушкин, Лермонтов и многие другие вступали в разного рода сношения с жителями ингушского аула Гвилети, находящегося прямо под горою Казбек. А то, что разные путешествовавшие по Кавказу знаменитости путали названия народностей, было самым обычным для того времени явлением: случалось, что огульно всех горцев называли то черкесами, то лезгинами, а то и просто татарами.

Под именем «Еркал-падчах» в ингушских преданиях встречается грузинский царь Ираклий II, в XVIII веке приложивший немало сил для спасения Грузии от иноземных захватчиков и единения своей страны с великой Россией. Кстати, ингушские предводители военных отрядов часто служили в армии Ираклия II и получали от него жалованье.

Жестким завоевателем предстает персонаж местных преданий АстагIа Темаркь – Хромой Тимур, которого еще называют то Тамерланом, то Железным (Тимур, Темир – железо) Хромцом:

«Имеются исторические параллели и к такому эпизоду из одного предания о Тимуре: будто бы он для своего отдыха заставил воздвигнуть башню из срубленных голов семидесяти тысяч пленных. Этот фольклорный мотив может восходить к историческим известиям. Так, первые монгольские завоеватели воздвигли такое устрашающее сооружение где-то в Средней Азии, а в одном из горных районов Дагестана Тимуровы воины сложили холм из убитых людей, и это нагнало большой страх на окрестных жителей, что стало известным и вайнахам». (44, 49)

Тот же источник о так называемых «Тимуровых рвах» сообщает:

«В исторических хрониках довольно часто, и именно применительно к Тимуру, сообщается, что вокруг своего лагеря, или же между своим войском и войском Тохтамыша, Тимур заставлял воинов рыть рвы». (44, 48)

Образ Тимура проник даже в ингушский нартский эпос. В записи, произведенной еще во второй половине XIX века, народ своего любимого нартского предводителя Сеска Солсу сближает с Тамерланом.

Далеким глухим отзвуком отразился в ингушском фольклоре и исторический Нагай, один из виднейших князей Золотой Орды и основатель так называемой Ногайской орды. Этот исторический персонаж в свое время, видимо, имел какое-то соприкосновение с народами Кавказа, скорее всего, в качестве завоевателя. В ингушских сказках он уподобляется живущему где-то в отдалении жестокому великану. У него голова – что пивной котел, от его крика и посвиста с неба падают птицы, звери прячутся глубоко в норы. Никому не дает он прохода. Из убитых им людей он воздвиг три холма, видимых издали. В нартских сказаниях он уничтожает целые селения, на телах загубленных людей устраивает себе ложе. (5, 158) Вполне естественно, что нартские герои или герои волшебных сказок, вступив в жестокое сражение, убивают этого врага. Тут, по всей видимости, отразилась борьба против монголо-татарских завоевателей. Исследователи историзованных фольклорных произведений приходят к вполне приемлемому выводу:

«В историческом фольклоре довольно незначительно представлены конкретные исторические события, факты. Здесь историческое предстает лишь в опосредованном виде через призму фольклорного освещения. В историзованных произведениях более или менее наглядно предстают основные вехи в исторической жизни народа, например, такие, как: расселение племен, взаимосвязи народов, основание поселений, освоение равнинных земель, процесс феодализации, стремление племен к консолидации в единую народность, борьба за независимость и т.д.». (44, 123-124)

Сказки

Сказки учеными-фольклористами признаются как вечный и самый интернациональный жанр. Народ вкладывает в них свою вековую мудрость, доброту, ум, смекалку, талант, милосердие и оптимизм. Читая сказки разных народов (от Индии через Кавказ в Россию и Европу), мы обнаруживаем много общих для всех сюжетов и образов. К примеру, ингушский сказочный герой Овдилг (Дурачок) по характеру и поступкам – чисто местный персонаж, и в то же время он, подобно русскому Иванушке-дурачку, первоначально предстает всеми осмеиваемым никчемным и ленивым героем, но с помощью чудесных коней, оружия, предметов и волшебных помощников он преобразуется, становится прекрасным юношей и царским (или княжеским) зятем. Корни ингушских волшебных сказок уводят нас в далекую глубь веков. Следы тотемизма и анимизма видны в образах таких героев, как, например, Мальчик в свиной шкуре, который умеет становиться то человеком, то принимать облик животного. Небесную космическую мифологию мож-

но видеть и в таких добрых помощниках сказочного героя, как Малх-кIант – Солнечный молодец, Бета-кIант – Лунный молодец, Седкый-кIант – Звездный молодец. То же самое относится и к чудесным коням белой, красной и черной масти, олицетворяющим собою «белый» день, «красные» утреннюю и вечернюю зори и «черную» ночь. Мраком мифологии овеваны и подземные миры, куда попадает герой, откуда он возносится на могучем орле. Развиты в волшебных сказках и мотивы оборотня. Так, герой может превращаться в животное, в растение и даже в неодушевленный предмет. Много в волшебных сказках чудесных предметов, начиная от летающих бурок и кончая шапкой-невидимкой. Через Ингушетию пролегали два важных прохода между Северным Кавказом и Закавказьем по ущельям рек Терека и Ассы. Причем когда один из проходов бывал кем-нибудь заблокирован, то разные торговцы, послы, путешественники могли воспользоваться другим проходом. Эти охраняемые местными жителями караванные пути давали большие возможности для горцев налаживать разного рода связи, в их числе и фольклорные, с другими, даже отдельно живущими народами. Известно, что на караванной тропе, проходившей через Ассинское ущелье, вблизи аула Эгикал проезжавшие торговцы устраивали привал и, заодно, базар,

который назывался «базар шайтана» («шайтIа базар»). Общась таким и разного рода другими путями (взаимные миграции, аталычество, побратимство...), местные жители передавали свои и перенимали чужие фольклорные произведения, какие-то верования. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ингушском сказочном эпосе много сюжетов, героев, верований и прочего, роднящего его с фольклорными достижениями других народов.

Определенный слой в ингушских, как и в сказках других народов, занимают так называемые бытовые сказки. В них нет тех чудес и того волшебства, которые имеются в героико-волшебных сказках. Здесь героями являются самые обыкновенные люди и происходят между ними также самые обыкновенные житейские события. Обычным героем этих сказок является представитель социальных низов, умом и хитростью отстаивающий себя. Этот герой у ингушей называется Цагеном. Его двойником является герой восточных сказок Мулла Насреддин. У чеченцев известно его имя Молл Несарт, но оно почему-то неизвестно ингушам. Почему это так и почему этот хитрец и балагур у ингушей назван именно Цагеном, никто из ученых пока не дал вразумительного ответа. Поскольку этот весельчак, а иногда и проказник довольно хорошо известен, нет смысла останавливаться на многочисленных сюжетах этих бытовых сказок. О популярности в народе образа Цагена говорит хотя бы и такая поговорка: «Если кто-то произносит имя Цагена хотя бы раз, то другие повторяют это имя десять раз» («Цагена цIи цкIа яьккхача, иттаза йоаккхаш хул»). Смысл этой поговорки довольно прозрачен: если среди людей кто-то рассказал про одну проделку Цагена, тут же о нем другие расскажут еще с десятков сюжетов. Нелишне будет привести хотя бы один из них:

«Цаген занял у богача деньги. Прошли все сроки возврата долга, а Цаген всячески избегал встреч с богачом, поскольку расплатиться ему было нечем. Все же богач сумел подкараулить Цагена и начал его стыдить, приговаривая:

– Когда же ты вернешь мне долг?

Цаген стал его увещевать:

– Не волнуйся, дорогой, обязательно верну тебе твой долг. Вот только осенью горцы погонят свои овечьи стада на равнину, тогда овцы, задевая боками мой плетень, оставят на нем пучки шерсти, мы шерсть соберем, очистим от колючек, промоем, расчешем на гребне, напрядем нитей, сделаем из них теплые носки, продадим их на базаре, выручим деньги и вернем твой долг.

Богач, поняв, что ему не видать своего долга, рассмеялся. И тут Цаген ему сказал:

Имагожев Х.-А.А.-С. Беседа Сисег-Солса с лаской

– И я бы на твоём месте рассмеялся, видя на ладони сверкающие монеты твоего долга».

Развит у ингушей и так называемый цикл животного эпоса, проще говоря, сказок о животных. Хотя главными действующими героями здесь предстают животные, но на самом деле они не что иное, как аллегорические типы людей: жадных (волк), хитрых (лиса), трусливых (заяц), трудолюбивых (муравей), ленивых (лягушка), глупых (осел), царствующих (лев, орел) и т.д. В поэтической обработке все эти сказки о животных предстают литературным басенным жанром, который восходит своими корнями к Эзопу. Приведем одну из местных сказок:

«Встретились пророк Сулейман и муравей. Пророк взял его на руки и, разглядев, спросил:

- Чудное ты создание. Почему у тебя такая большая голова?
- Голова большая, потому что в ней много мозгов.
- А вот низ у тебя слишком толстый.
- Благородный человек не уводит свои разговоры ниже пояса.
- Талия у тебя очень тонкая.
- Это признак моего благородства и воздержанности.
- Воздерживаясь, сколько пищи ты съедаешь за год?
- Мне достаточно одного кукурузного зернышка.

– А я это проверю, – сказавши, пророк посадил муравья в коробку и закинул в нее кукурузное зернышко.

Прошел год. Пророк и забыл о муравье. Прошло еще полгода, и тут, вспомнив о нем, пророк сказал, чтоб из коробочки выкинули мертвого муравья. Каково же было удивление всех присутствующих, когда в коробочке они увидели живого и здорового муравья, да к тому же и находящуюся при нем половинку кукурузного зернышка.

Удивленный пророк спросил:

– Ты же говорил, что одного зернышка тебе хватает всего на один год, а прошло уже полтора года, а съедена всего половина зернышка. Как это понимать?

Муравей с достоинством ответил:

– Я предполагал, что такой, как ты, недалекий человек, сажающий муравьев в ящик, вполне может забыть о моем существовании, и потому экономно ел это зернышко».

Мораль сей народной «басни» очевидна. Обычно ее могут привести в двух случаях: когда хотят сказать, что человек должен быть экономным или же не должен задавать глупые вопросы.

Притчи

По своей сути фольклор любого народа – это мощнейшее средство этнопедагогики. В любой сказке добро побеждает зло. Сказания и предания создают героические и благородные образы, становящиеся идеальными для подражания. Лаконичными по форме и емкими по содержанию предстают веками отшлифованные пословицы и поговорки. К ним приближаются притчи – короткие нравоучительные рассказы, которые часто, как и сказки о животных, весьма близки к басенному жанру. Интересующиеся ими могут обратиться к фольклорному сборнику «Мудрые наставления наших предков (из ингушского фольклора)». (25) В нем имеется более двух тысяч пословиц и поговорок, сто семьдесят одна притча и более ста загадок. Пересказывать притчи не имеет смысла, их нужно просто читать или слушать, ибо они сами за себя говорят красноречивее всего. Приведем для примера одну из них:

«Как-то отправились в путь трое мужчин. Повстречали они некоего старого мудреца. Разговорились, и мудрец спросил их:

– Каким ремеслом или умением обладает каждый из вас?

– Я храбрец и опытный воин, – ответил один.

– А я умелый торговец, – сказал второй.

– Ну а я, по бедности своей, работаю то в поле, то во дворе, пасу скот, так и живу своими трудами, – ответил третий.

– Вот ты-то важнее и нужнее всех, – сказал мудрец третьему и добавил: – Храбрый воин, конечно же, нужен, но изредка; торговля – дело тоже нужное, но ненадежное, ибо или ты кого-то перехитришь, или тебя обойдут; а трудовой человек нужен всегда и всем. Даже тот же воин и тот

Зелимхан Эсмурзиев. Святилище

же торговец могут существовать только благодаря таким, как ты». (25, 280)

Определенно можно сказать, что подобную притчу мог когда-то сочинить именно человек, живущий не только сам плодами своего труда, а и кормящий и одевающий всех тех, кто не занят каким-либо трудом, производящим материальные блага. Но зато героическое сказание мог сочинить и исполнять именно воин, защитник отечества. Плутовские, юмористические рассказы балагуров и пройдох были популярными в торгашеской среде. Как видим, фольклор, являясь достоянием всего народа, имел и свои некоторые сословные особенности.

Вероучители также не могли не воспользоваться таким мощным средством воздействия на людей, как притча. Тут уместно будет обратиться к теме паломничества в Мекку. Это один из пяти постулатов, обязательных для правоверного мусульманина, правда, если он для этого имеет необходимые физические и материальные возможности. Собирающийся идти на это паломничество обязан совершить его только с помощью праведным путем добытых средств. При этом он обязан расплатиться со всеми долгами, добиться прощения за старые обиды т.д. Не зря говорится, что не всякий, кто совершил это паломничество, удостоивается почетного сана «хаджи». В связи с этим весьма интересна нижеприводимая притча:

«Раньше, когда совершали паломничество, хадж в Мекку (на лошадях и пешком), двое наших паломников отправились к этому святому месту. Далеко они ушли от родного дома. До Мекки им оставалось несколько дней пути, когда они проходили через некое тамошнее село. В это время была неслыханная засуха, и в том селе люди гибли от голода. Наши паломники видели опухших от голода людей, детей и женщин, просящих милостыню. Паломники обычно имели с собою сбережения. Один из этих богомольцев сказал:

– Жаль гибнущих людей, надо нам на свои деньги купить им запас еды и тем самым спасти от голодной смерти.

– Ничего не выйдет, – ответил второй, – если тебя послушаться, то нам придется прервать свой путь.

Расстались паломники. Один из них, оставив себе денег ровно столько, чтобы добраться до дома, все остальные раздал голодающим и, прервав паломничество, вернулся домой. Другой дошел до Мекки, затем вернулся домой и стал носить на голове белую чалму, положенную сану хаджи.

Когда эти двое уже встретились на родной земле, к ним подошел ангел Джабраил в облике старца: «Ты не дал подаяния людям, гибнущим от голода, а пошел мимо них в Мекку; хотя и дошел до нее, ты не приобрел сана хаджи и поэтому сними с себя чалму, – сказал он одному. Потом обратился к другому: – Хотя ты и вышел в путь, намереваясь дойти до Мекки, но ты

его прервал, чтобы спасти людей от голода. Ты милосердный человек. Вот ты есть истинный хаджа и удостоиваешься этого сана. Надень на себя чалму». (25, 295-296)

В исламе большое значение придается милосердию. Как говорят, человек не имеет права ложиться спать, поужинав, зная, что сосед ляжет спать голодным. Правоверный обязан был отдавать мечети десятую часть своего дохода. Этот сбор частично шел на нужды мечети, но большая его часть была предназначена для поддержания бедных, сирот, одиноких – то есть представителей социальных низов. В приведенной притче столкнулись постулат, предписывающий паломничество в Мекку, и милосердие, которое правоверный обязан проявлять всегда. Из этого сопоставления более главным и более обязательным оказывается второе. Коллизия, имеющая место в приведенной притче, приобретает наибольшую остроту, если учесть, что она была создана в те времена, когда паломничество с большими трудами и опасностями совершалось в течение длительного времени и нередко пешим ходом. Не было сегодняшних условий, когда этот путь можно совершить за несколько часов в комфортабельном лайнере.

На стыке XIX и XX веков ингушский фольклор, в широком понимании этого термина, бытовал самым активным образом и являлся значительной частью духовной культуры народа. Где-то с середины XX века началось постепенное затухание фольклорных традиций. На сегодняшний день этот процесс стал необратимым. Мощные средства профессионального искусства стали оттеснять фольклор на второй план. Но зато сегодня он приобрел новую форму своего существования и теперь активнее бытует в разного рода публикациях, научных трудах, сборниках, антологиях и др. Конечно, тут уже нет живого и непосредственного общения со сказителем, но и в печатной форме фольклор по-прежнему волнует нас, многому учит и доставляет истинное эстетическое наслаждение.

Библиография

1. Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995.
2. Антология ингушского фольклора. Т. 1. Нальчик, 2003.
3. Антология ингушского фольклора. Т. 2. Нальчик, 2003.
4. Антология ингушского фольклора. Т. 3. Нальчик, 2004.
5. Антология ингушского фольклора. Т. 4. Нальчик, 2006.
6. Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.
7. Албогачиев М.С.-Г. Общественный быт ингушей в XVIII – первой трети XX века. Сборник «Россия – Ингушетия: 240 лет вместе». Ростов-на-Дону, 2010.
8. Ахриев Ч. Избранное. Назрань, 2000.
9. Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.
10. Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990.
11. Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк. Терский сборник. Кн. 2. Владикавказ, 1892.
12. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. Москва, 1974.
13. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
14. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.
15. Далгат Башир. Материалы по обычному праву ингушей. Многоликая Ингушетия. СПб., 1999.
16. Гешаев М. Кавказская кухня. Рецепты долголетия.
17. Дахкильгов И. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
18. Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.
19. Дахкильгов И.А. Устное народное творчество вайнахов. Грозный, 1997. (На инг. яз.)
20. Дахкильгов Ш.Э. Страницы истории Ингушетии. Нальчик, 2005.
21. Дзарахова З.М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов-на-Дону, 2010.
22. Долгиева М.Б. Культура, общественная мысль и просвещение в Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века. Сборник «Россия – Ингушетия: 240 лет вместе». Ростов-на-Дону, 2010.
23. Зязиков М.М. У истоков культуры ингушского этноса. Москва, 1999.
24. Зязиков М.М. Религия и мировоззрение ингушей. Ростов-на-Дону, 2000.
25. Зязиков М.М. К вопросу о кавказской цивилизации. Ростов-на-Дону, 2000.
26. Зязиков М.М. Истоки и становление ингушской культуры. Ростов-на-Дону, 2001.
27. Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004.

28. Zyzikov M.M. Ingushetia: At the Heart of the Caucasus. History, Culture and Traditions. Debrecen, 2004.
29. Зязиков М.М. Этноконцепты культуры ингушского народа. Ростов-на-Дону, 2005.
30. Зязиков Р.М., Тариева Л.У. Словарь омонимов ингушского языка. Нальчик, 2007.
31. Zyzikov M.M. Au cœeur du Caucase l'Ingouchétie. Histoire, Culture et Traditions. Paris, 2007.
32. Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. 11, Грозный, 1975.
33. Ингушские героические песни. Нальчик, 2002. (На инг. яз.)
34. Ингушские сказки, сказания и предания. Нальчик, 2002.
35. Ингушский фольклор. Грозный, 1967. (На инг. яз.)
36. История народов Северного Кавказа (конец XVIII - 1917 г.). Москва, 1988.
37. Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1999.
38. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва, 1971.
39. Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991.
40. Мадаева З.А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX – начало XX вв.). Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
41. Мартиросиан Г.К. История Ингушетии. Многоликая Ингушетия. СПб., 1999.
42. Мудрые наставления наших предков (из ингушского фольклора). Нальчик, 2000.
43. Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик, 1998.
44. Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
45. Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа (тезисы общероссийской конференции). Пятигорск, 1997.
46. Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1982.
47. Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX вв.). Грозный, 1984.
48. Прикладное искусство чеченцев и ингушей. Грозный, 1984.
49. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Межкультурное взаимодействие в современном мире. Учебное пособие. Москва, 2011.
50. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
51. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869.
52. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
53. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Москва, 1969.
54. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963.
55. Третьи Ахриевские чтения. Тезисы докладов конференции Ингушского НИИ гуманитарных наук. Назрань, 1997.
56. Танкиев А. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.
57. Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
58. Цицкиева М.О. Прогрессивные национальные традиции и их роль в формировании личности социалистического типа. Традиции в системе духовной культуры социалистического общества. Грозный, 1986.
59. Чахкиев Д.Ю., Абдулвахабов Б.Б. Традиционная одежда чеченцев и ингушей. Грозный, 1992.
60. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990.
61. Шадиева Л. Философское мировоззрение ингушей. Ученые записки шк.-гим. № 1. Назрань, 2002.
62. Яковлев Н. Ингуши. Популярный очерк. Москва, 1925. Ингуши. Сборник. Саратов, 1996.

Об авторе

Настоящую книгу нам довелось читать в рукописи, и тем самым удалось заглянуть в творческую и научную мастерскую известного политика, талантливого ученого, доктора философских наук Мурата Магомедовича Зязикова. Новая работа автора, несомненно, является углубленным продолжением ответа на вопрос: чем является культура самобытного ингушского народа (в ее традициях и новациях) в мировом океане различных культур всего человечества? Поиски такого ответа автор начал давно в известных в России и за ее пределами работах «Традиционная культура ингушей: история и современность», «Этноконцепты ингушской культуры» и ряде других. В своих исследованиях М.М.Зязиков впервые рассматривает культуру ингушского народа как уникальный феномен, со свойственным ему микро- и макрокосмосом.

Сегодня к своим оригинальным научным трудам ученый добавляет новую работу, в которой выявляются категории национального характера, особенности общественного устройства, а также исследуется специфика духовной составляющей традиционных институтов горского народа.

Изложение темы носит подлинно энциклопедический характер. Ингушский народ выступает здесь характерным культурным субъектом, с одной стороны, кавказского цивилизационного пространства, а с другой – усиливающегося русского культурного поля; важнейшие традиции и обычаи ингушей соотносятся с обычаями и традициями их соседей и новыми ценностями европейского типа русской цивилизации. М.М. Зязиков глубоко исследует и культуруобразующий фактор религии в рамках общего концепта ингушской культуры. История и современная культура ингушей рассматривается также сквозь призму и в контексте истории и культуры других народов Кавказа.

Геополитическое единство Кавказа – результат длительного совместного развития всех населяющих его народов, таков вывод автора. А исторические связи региона с Россией традиционно измеряются характером не только политических и экономических доминант, но и сложением родственных, дружеских и деловых контактов. И было бы в интересах всех поддержать эту историко-культурную реальность на политическом уровне. В этом заключается и некая миссия современных российских политиков – считает исследователь данной темы.

Несомненно, весьма важно для всех действующих политиков в целом и для каждого отдельного российского государственного деятеля, в частности, в том числе и автора данной книги – ныне советника Президента Российской Федерации, ранее Президента Республики Ингушетия, – воспринимать проблемы государства во взаимосвязи с культурным наследием народов, обладать видением культурного аспекта сложной системы государственного управления.

Кавалер высших государственных и общественных наград России, генерал-лейтенант М.М.Зязиков достойно представляет свой древний ингушский род, знаменитый защитниками Отечества, полными Георгиевскими кавалерами, прославившимися в войнах с внешними врагами страны, а также известными учеными, просветителями и миротворцами. Он знает культуру своего народа не понаслышке, не теоретически, а изнутри, из самого сердца. Знает то, что передается из поколения в поколение, из уст в уста, по золотой цепи родства – то, что называется в научном мире культурным кодом ингушского коммуникативного пространства. Его мудрые предки, получив кодекс ингушского менталитета от своих отцов и дедов, передали исследователю исконно характерные для ингушей системы поведения и ценности; системы моделирования мира, видение крупномасштабных проблем с позиций народа. Иными словами, ученый-политик, выросший на ингушской культуре и культуре многонационального народа России, понимает опасность забвения культурных системообразующих координат общества в любой политической деятельности. Его работа по-своему показывает живительный дух фольклора, говорит научным языком, что подлинная народная культура абсолютно открыта и толерантна, основана на культе общечеловеческих гуманистических идеалов. В ней широко представлен интересный иллюстративный материал.

Как истинный гражданин многонациональной России, автор книги на конкретных примерах показывает согражданам, как важно ежедневно и ежечасно ухаживать всем вместе за «садом российской культуры», беречь в этом саду древние и молодые деревья, чтобы корни культуры не дали ветрам истории погнать народы России как перекасти-поле.

Автор – философ, ученый, политик и государственный деятель, написал в череде других новую книгу, в которой обобщил накопленные знания и опыт своего народа, родной земли – неотъемлемой части великой России. Будучи всенародно избранным Президентом Республики Ингушетия, за время своей ответственной деятельности он очень много сделал для республики, ее людей и для всей России в целом. В годы руководства республикой Муратом Магомедовичем Зязиковым (2002 – 2008 гг.) Ингушетия, безусловно, добилась реального прорыва в своем общественно-политическом, социально-экономическом и культурном развитии.

Думаем, что издание данной работы – не окончательный ответ на поставленные вопросы: пусть эта книга породит новые дискуссии и вдохновит автора не только на очередную ступень научного познания, но и даст импульс для практического решения задач федеральной, региональной и национальной культурной политики на новом этапе развития нашей великой родины – России.

Я.З.Ахмадов,

доктор исторических наук, профессор,

А.А. Баранец,

доктор философских наук, профессор

Содержание

Введение	8
----------------	---

Глава 1

Категории национального характера 15

Яхь (достоинство)	18
Эздел (благородство)	19
Сий (честь)	21
Пуллакх (воспитанность)	22
Сабар (терпение, сдержанность)	23
Дош (слово)	24

Глава 2

Ингушский социум на рубеже столетий

Землепользование	29
Традиционная элита	31
Земля и воля	35
Земля и хлеб	39
Скотоводство	49
Садоводство	57
Ремесла и промыслы	59
Магия охоты	70

Глава 3

Общественное устройство и быденная жизнь

Фамильные образования	75
Дом и очаг	77
Семья: мир и согласие	87
Ингушская женщина	92
Питание	94
Угощение (гостевое)	99
Утварь	106
Одежда	109

Родство	118
Семейная структура	124
Брак	130
Урдув (калым)	146
Свадьба	150
Вывод невесты	160
Рождение и наречение	165
Воспитание	170
Гостеприимство	178
Куначество	187
Уважение к старшим	194
Похоронный обряд	200

Глава 4

Национальная духовность и народное творчество

Прикладное искусство	213
Музыкальное и хореографическое искусство	216
Фольклор	219
Мифы	221
Календарь	228
Нартский эпос	235
Героико-эпические песни	245
Лирические песни	246
Легенды	248
Предания	251
Сказки	263
Притчи	267

Библиография	271
--------------------	-----

Я. З. Ахмадов, А.А. Баранец. Об авторе	274
--	-----

Научно-популярное издание

М.М. Зязиков

На рубеже столетий

Ингушетия в конце XIX – начале XX веков

В книге использованы фотографии из архивов:

- Ингушского краеведческого музея им. Т.Мальсагова;
- ученых-краеведов: И. Алмазова, Б. Газикова, Н. Кодзоева, Д. Чахкиева;
- семейных архивов Албогачиевых, Боровых, Зязиковых, Яндиевых.

Использованы фото А. Корсунского, А. Липковича, А. Хакиева, И. Дзарахова, Т. Гантимуровой, С. Куриева, Б. Мальсагова, Д. Хрупова, Н. Василихина; репродукции картин художников З. Эсмурзиева, Х.-А. Имагожева, А. Даурбековой, Г.-М. Даурбекова, А. Артемьева, И. Занковского, А. Чахкиева; фото работ Н. Озиева, Ю. Хамчиева

Иллюстративный материал предоставлен автором

ISBN 978-5-98864-042-4

ООО «Южный издательский дом»
344029, г. Ростов-на-Дону,
пр. Сельмаш, 90а/176, офис 1207.
Тел./факс: 8 (863) 2-000-273,
тел.: 2-000-278, 2-000-274.
E-mail: skpress@aaanet.ru

Отпечатано в ООО «Аркол»
Тираж 1000 экз. Заказ № 4455